

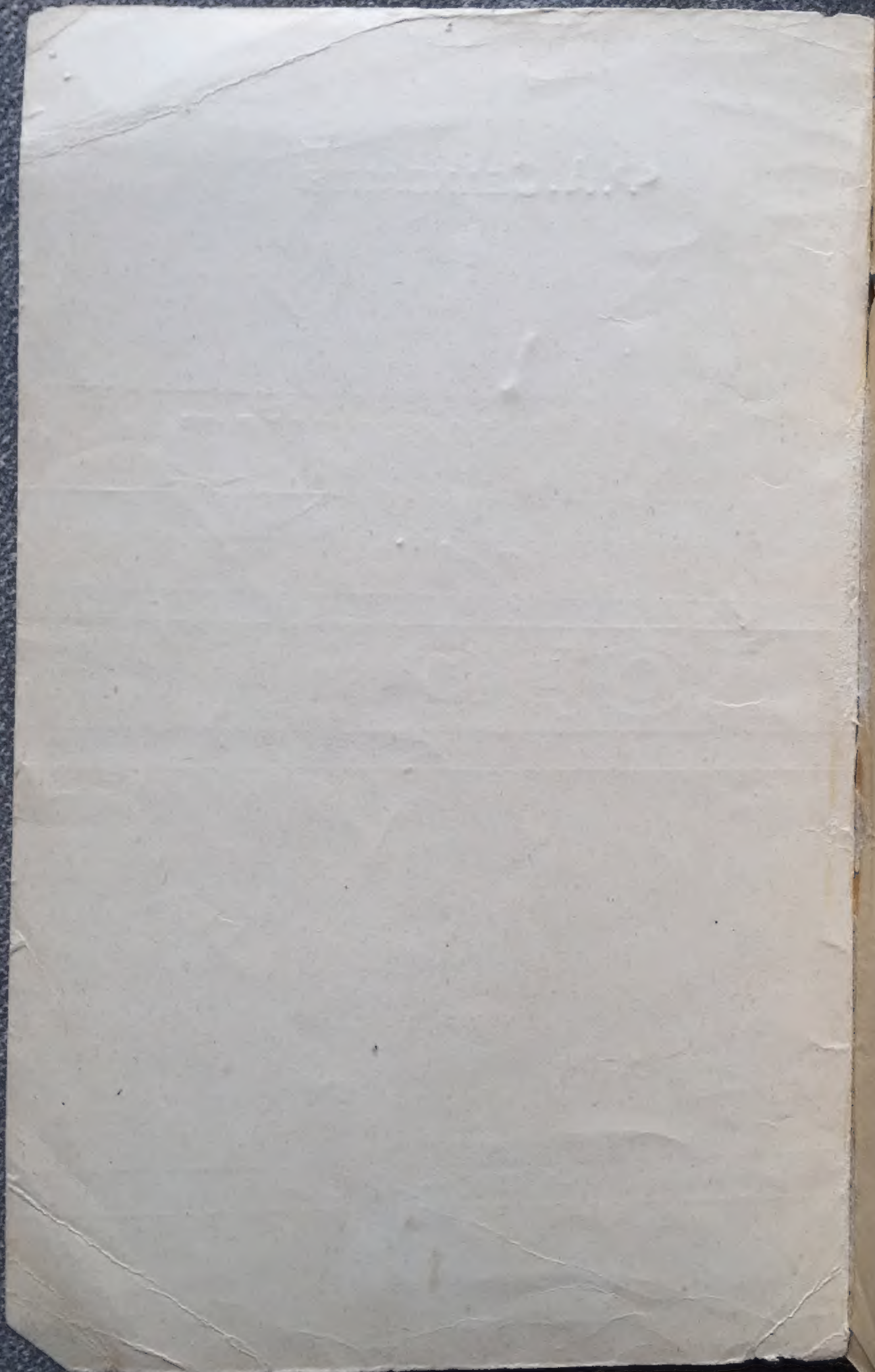
Ф. А. СЕЛИВАНОВ

Заблуждения

И

ПОРОКИ

ТОМСК - 1965

3A

ИЗДАТЕЛ

Ф. А. СЕЛИВАНОВ

ЗАБЛУЖДЕНИЯ
И
ПОРОКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1965

Редактор — профессор К. П. Ярошевский

н
ч
п
т
ча
дя
вс

ска
кол
Люд
ца»
ное э
выра
зрени
дают
О
стствует
вание
ческое
ция ко
знания
В Прог
освещат
лению п
коммуни

1) Прог
политиздат

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Ложь и обман	4
Причины пороков	15
Ошибки и заблуждения	20
Кто как полагал	23
Бабочка летит на огонь	42
По традиции или по-новому?	51
Противоположность истины и заблуждения	53
Отношение заблуждений к действительности	60
«Виноваты» ли в заблуждениях органы чувств?	65
Как возникают ложные выводы	73
Требования диалектической логики	87
«Охотники приняли лекарство...»	105
Заинтересованность и заблуждения	117
Заблуждения и практика	122
Без злого умысла	124
Заключение	127

Федор Андреевич Селиванов

ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПОРОКИ

Томск, Изд. ТГУ, 1965 г., 130 с.

Редактор издательства Л. Г. Мордовина
Технический редактор А. С. Бобренок
Корректор М. И. Сваровская

К301327 Сдано в набор 23/III-65 г. Подписано к печати 5/VIII-65 г.
Формат 84×108^{1/32}; печ. л. 4,1; усл.-печ. л. 6,7; уч.-изд. л. 6,5.
Заказ 2880. Тираж 4000 экз. Цена 46 коп.

Томск, Издательство ТГУ, проспект Ленина, 34.
Областная типогр. № 1 Управления по печати, ул. Советская, 47.

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Жил был тролль, злющий-презлющий. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось, все же негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и казалось еще хуже.

Так начинается сказка датского писателя Андерсена «Снежная королева». Помните, в ней далее говорится, что зеркало разбилось, и осколки от него, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там оставались. Человек с таким осколком в глазу замечал в каждой вещи одно лишь дурное. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда.

Если воспользоваться образами сказки, то можно сказать, что у заблуждающегося человека «в глазу осколок», а у порочного — «кусочек льда вместо сердца». Люди «с осколком в глазу» и «кусочком льда вместо сердца» принимают черное за белое, зло за добро, безобразное за прекрасное, ложь за правду. В поступках людей выражаются их взгляды, стремления и т. п. Ложные воззрения, порочные желанья, дурные привычки порождают зло.

О том, что такое заблуждение и пороки, какая существует между ними связь, и пойдет ниже речь. Исследование заблуждений и пороков имеет большое теоретическое и практическое значение. Правильная организация коммунистического воспитания невозможна без знания того, с чем мы ведем борьбу, строя коммунизм. В Программе КПСС сказано: «Теория и впредь должна освещать путь практике, помогать выявлению и преодолению препятствий и трудностей, мешающих успешному коммунистическому строительству»¹⁾).

¹⁾ Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1962, стр. 118.

ЛОЖЬ И ОБМАН

У каждого человека во время общения его с другими людьми, во время трудовой деятельности, в результате обдумывания тех или иных вопросов возникают новые для него мысли.

Французский материалист Гельвеций писал, что если бы люди «чаще повторяли слова Фонтенеля: *«Никто не избегает заблуждений, неужели я один непогрешим? Может быть, я ошибаюсь именно в тех вещах, в которых упорствую с наибольшим фанатизмом?»*, если бы они постоянно помнили эту истину, то они были бы более настороже против своего тщеславия, более внимательны к возражениям своих противников, более доступны истине, они были бы кротче, терпимее и, несомненно, были бы не такого высокого мнения о своей мудрости»²⁾.

Слово «ложь» употребляется в двух значениях. Во-первых, оно обозначает любое суждение, искажающее действительность. Во-вторых, ложью именуют только то высказывание, несоответствие которого объекту человек осознает. В первом значении термин «ложь» охватывает и заблуждения, и преднамеренную (сознательную) ложь. Во втором же — только сознательную ложь, то есть слово «ложь» употребляется и для обозначения мыслей, противоположных истинным суждениям, и высказываний, противоположных правде.

Некоторые философы настаивали на том, чтобы называть эти виды лжи разными терминами. Б. Бозанкет, английский философ, писал: «Притязание на истину предполагает различие между истиной и ложностью. Я не говорю «между истиной и ложью», потому что ложь

²⁾ К. А. Гельвеций. Об уме, Огиз, М., 1938, стр. 123.

заключает в себе обман, а обман не есть *prima facie*, ошибка или ложность знания. Он, можно сказать, в данном случае всецело обращается к другому лицу и не существует, как отдельный вид знания»³⁾). Б. Бозанкет ссылается на Платона, который различал «ложь в словах» как обман и «ложь в уме» как ошибку или незнание.

Турецкий поэт Мелих Джевдет пишет:

Мы в солнце многое знаем,
и сколько пятен на каждой планете,
почему расцветают гвоздики в мае,
и как появились люди на свете;
откуда глаголы и имена,
и как засияла на небе луна...
Но кто знает, откуда ложь?
Откуда она?⁴⁾.

Не всякий делающий ложное высказывание — лгун. Лгущим является тот человек, который осознает, что его высказывание искажает действительность. Промтов в рассказе М. Горького «Проходимец» говорит: «Царица небесная, как я врал! Что Хлестаков? Идиот Хлестаков. Я врал, никогда не теряя сознания, что вру, хотя и наслаждался тем, что вру. Так я врал, скажу вам, что даже Черное море покраснело бы, если бы оно меня слышало!».

Лгут по разным побуждениям. В романе Леонида Леонова «Вор» говорится: «Черный хлеб своей беспутной жизни барин Манюкин добывал враньем, то есть рассказываньем заведомых небылиц... С целью заработка он всякий вечер с неизменной точностью заявлялся сюда, в подвал, за гулящими полтинниками, причем всегдашними потребителями его бывали людишки со столичного дна...»

Ч. Дарвин в автобиографии «Воспоминания о развитии моего ума и характера» рассказывает, как он однажды в детстве солгал: «Одно небольшое событие этого года прочно запечатлелось в моей памяти; запомнилось оно так сильно, полагаю, потому, что впоследствии тяж-

³⁾ Б. Бозанкет. Основания логики. Популярные лекции, М., 1914, стр. 70.

⁴⁾ Турецкая поэзия наших дней, ИИЛ, М., 1958, стр. 57.

ко мучило мою совесть. Событие это любопытно в том отношении, что, как оно показывает, в этом раннем возрасте меня, по-видимому, интересовала изменчивость растений! Я сказал одному маленькому мальчику..., что могу выращивать полиантусы и примулы различной окраски, поливая их теми или иными цветными жидкостями,— это была, конечно, чудовищная выдумка, я никогда даже не пытался сделать что-либо подобное».

А вот еще один факт лжи. Однажды парижский врач Матье рассказал лечащимся у него больным туберкулезом о том, что в Германии изобретено новое средство, совершенно излечивающее чахотку. Немного позднее он сообщил, что выписал это лекарство и вскоре его получит. Рассказы врача об изумительном действии нового лекарства взволновали больных. Наконец, Матье объявил, что получил это лекарство и приступает к его использованию. Результаты вскоре дали о себе знать: больные стали лучше себя чувствовать, у них уменьшились лихорадка, кашель, они стали быстро поправляться, а некоторые даже выздоровели. В действительности, Матье за новое лекарство выдавал самую обыкновенную без всяких примесей воду.

Манюкин врал, чтобы заработать полтинник, Матье лгал больным, чтобы улучшить их здоровье.

Промтов говорит о мотивах своего лганья так: «Врать умеючи — высокое наслаждение, скажу я вам. Если врешь и видишь, что тебе верят, — чувствуешь себя приподнятым над людьми, а чувствовать себя выше людей — удовольствие все-таки. Овладеть их вниманием и мыслить про себя: «дурачье!» Одурачить человека всегда приятно. Да и ему, человеку-то, тоже приятно слышать хорошую ложь, которая гладит его по шерстке». Иногда люди лгут, выдавая желаемое за действительность. В романе Ф. М. Достоевского «Бесы» Варвара Петровна говорит:

— Знаешь что, друг мой, Прасковья Ивановна, ты, верно, опять что-нибудь вообразила себе, с тем вошла сюда. Ты всю жизнь одним воображением жила. Ты вот про пансион разозлилась, а помнишь, как ты приехала и весь класс уверила, что за тебя гусар Шаблыкин поеватался, и как madame Lefebvre тебя тут же изобличила во лжи. А ведь ты и не лгала, просто навоображала себе для утех.

М. Горький в рассказе «Болесь» показывает, как Тереза, женщина одинокая и несчастная, придумала себе «друга сердца». Тереза говорит студенту:

— Вот вы мне написали письмо к Болесю, а я его дала другому прочитать, и когда мне читают, я слушаю и думаю, что Болесь есть! И прошу написать письмо от Болеся к Терезе... ко мне. Когда такое письмо мне напишут да читают, я уж совсем думаю, что Болесь есть. А от этого мне легче живется...

Ложь Терезы относится к компенсаторному виду. Такая ложь как бы возмещает то, что не хватает человеку.

М. Горький через монолог Сатина в пьесе «На дне» говорит о том, что порождает ложь:

— ...Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему... Я — знаю! Я — читал! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгут! Есть ложь утешительная, ложь примиряющая... ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего... и обвиняет умирающих с голода... Я — знаю ложь! Кто слаб душой... и кто живет чужими соками, — тем ложь нужна... одних она поддерживает, другие — прикрываются ею... А кто — сам себе хозяин... кто независим и не жрет чужого — зачем тому ложь? Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!

Дети иногда лгут играя. Инфантильная ложь может перерасти в привычку, в устойчивое стремление обманывать. Бывает приукрашивание себя (косметическая ложь), преувеличение своей роли в чем-то, своих заслуг, приписывание себе качеств, действий, которые имеют ценность, как считает лгущий. Конечно, встречаются и заблуждения относительно себя (красоты, значения, ума и т. д.). Лгут иногда, чтобы очернить другого, чтобы сделать приятное или неприятное другому, чтобы утешить в беде или, наоборот, причинить несчастье. Лгут, чтобы избежать наказания за совершенное зло, лгут, чтобы достигнуть грязных целей. Лгут публично и наедине, устно и письменно, с помощью технических средств и без них. Следует различать ложь и по тому, кому лгут (организации или отдельному человеку, близким или незнакомым и т. д.). Классификация видов лжи — дело нужное, но здесь эта задача не выполнена: она не входит в цель данной работы.

В обществе, разделенном на антагонистические классы, где на одном полюсе — тяжелая жизнь, почти без радостей и счастья, на другом — паразитическая жизнь тех, кто эксплуатирует чужой труд, «утешительная ложь», «мечтательная ложь» и ложь для обмана являются обычной «атмосферой».

Итальянский профессор П. Мантегацца в книге «Лицемерный век», характеризуя буржуазное общество, писал, что «воздух, окружающий нас — атмосфера лжи, а вода, которую мы пьем, — море обмана. Рожденные и возросшие в этом испорченном воздухе, при этой мутной воде, мы начинаем обманывать самих себя и перестаем отличать истинное от ложного, благородное от нечестного, справедливое от несправедливого»⁵).

Отношения, которые основаны на купле-продаже, порождают обман, лживость. В. И. Ленин писал, что «когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете...»⁶).

Пролетариат является принципиальным противником лжи. Маркс, Энгельс, Ленин неоднократно высказывали мысль о том, что пролетариату чужда ложь.

Пролетариат призван ликвидировать классы, уничтожить частную собственность и т. д. Через его действия осуществляется прогресс человечества. Ему незначет скрывать свои цели, идеи, принципы. Он заинтересован в объективности. Знания и честность нужны ему, как воздух. Коммунистическая партия делает честность нормой своей деятельности. Честность Советского правительства отмечал, например, Герберт Уэллс в книге «Россия во мгле». И если кто отступает от честности, как это было во времена культа Сталина, то виноваты в этом те, кто лжет, но не коммунистическая идеология, как об этом твердят некоторые буржуазные политические деятели. Партия сурово осуждает тех, кто использует ложь в своей деятельности, наказывает тех, кто прибегает к обману народа, партии, государства.

На это могут заметить, что ложь бывает и оправданной. Да, в редких случаях, например, когда лгут врагу, веду-

⁵) Паоло Мантегацца. Лицемерный век, Одесса, 1889, стр. 38.

⁶) В. И. Ленин. О коммунистической нравственности, Госполитиздат, М., 1961, стр. 108.

щему захватническую, несправедливую войну; бандиту, чтобы спасти жизнь хорошему человеку. Иногда бывает полезней ложь больному как средство, способствующее выздоровлению его и т. д.

Но при оценке подобных случаев нельзя ограничиваться принятием во внимание только полезности лжи в каком-то отношении. Следует учитывать, в каких условиях была сделана ложь, были ли другие возможные способы совершить доброе дело или пресечь зло и какие побуждения, мотивы, соображения руководили человеком, т. е. были ли эти побуждения моральными, а также, какой отзвук получил этот факт лжи в общественном мнении, как сказался на нравственности людей. Без этого невозможно правильно оценить в моральном отношении факт лжи. Ложь моральна лишь тогда, когда она была единственной возможностью сделать действительно доброе дело или пресечь зло, предотвратить беду, несчастье.

Не всегда можно сказать правду. Если нельзя сказать правду, то как же поступить? Ошибается тот, кто полагает, что в таких ситуациях ложь всегда оправдана. Конечно, не все можно сказать ребенку, злодею, есть государственные тайны. Если нельзя сказать правду, то из этого не следует, что надо лгать. Молчание, отказ говорить на эту тему, выраженный в словах «нельзя», «не могу» и т. п. — вот какое поведение является моральным в таких случаях. Ложь и скрывание чего-то моральны только тогда, когда добрые побуждения и хорошие последствия находятся в единстве, когда это делается во имя строительства коммунизма, действительно способствует прогрессу, полезно человечеству. Мы не можем подходить ко всему только с точки зрения полезности. Утилитаризм односторонен, он возник в результате игнорирования мотивов поведения, субъективной стороны поведения. Обман безнравствен, если он порождает зло и вызван дурными мотивами. Если обман оказался объективно полезным, но человеком руководили низменные, злые, неблагородные побуждения, то такой обман не имеет моральной ценности, а человек, совершивший его, — моральных заслуг.

Обман совершается для того, чтобы ввести в заблуждение других людей посредством лжи, утайки, умолчания,

сознательного скрyтия чего-то, преднамеренного совершения определенных действий.

Рассмотрим беседу Сократа с Евтидемом об обмане, чтобы сделать вывод о том, когда обман — зло. Евтидем хвастливо заявил, что ему прекрасно известны дела справедливости и дела несправедливости и что он так же хорошо может рассказать о них, как плотник может показать свои дела. Сократ просит Евтидема сказать, к каким делам — справедливости или несправедливости — отнесет он, например, обман. Евтидем, не задумываясь, относит всякий обман к числу дел несправедливости. Условно приняв это положение, Сократ спрашивает Евтидема, куда отнести случай, когда стратег обманывает своих врагов. Евтидем относит этот случай к делам справедливости. Но тогда возникает противоречие с исходным положением, согласно которому всякий обман отнесен к делам несправедливости. Чтобы преодолеть противоречие, собеседники исправляют исходное положение и решают, что не всякий обман несправедлив, что обман несправедлив в отношении друзей, а в отношении врагов справедлив.

Сократ предлагает рассмотреть новый случай, когда стратег, видя упадок духа у солдат, солжет им, будто подходят союзники, и этой ложью поднимает дух у войска. Евтидем признает, что и этот случай обмана, хотя здесь стратег обманывает не врагов, а друзей, следует отнести к делам справедливости. Вместе с тем, видя противоречие между ранее принятым общим положением, согласно которому всякий обман друзей признавался несправедливым, и вновь приведенным случаем обмана стратегом своих солдат, т. е. своих друзей, Евтидем просит разрешения взять свои слова назад⁷⁾.

Войны бывают справедливыми и несправедливыми. Стратег, обманывающий противника, ведущего войну освободительную, справедливую, совершает зло по отношению к человечеству, прогрессу общества. Обманывая солдат, чтобы поднять их дух, солдат-захватчиков, воюющих ради черных целей, он также делает зло.

Иногда обман, например, фокусников, доставляет людям удовольствие, некоторые виды обмана разрешены,

⁷⁾ См. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. Воспоминания о Сократе, 1935, IV, 2, 11—20.

например, обманные действия в некоторых видах спорта. Но скрывание того, сообщение о чем является обязанностью личности, введение в заблуждение других по порочным побуждениям, принесшим вред благу людей, а через них — человечеству, являются аморальными (обман покупателей продавцом, судей подсудимыми и т. д.).

Поддавшись порочному стремлению, человек попускается истинной, прибегает ко лжи, стараясь уйти от ответственности, вступает в сделку с совестью, обманывает. В статье «Старая ведьма»⁸⁾ авторы ее рассказывают о случае лжи, вызванном стяжательством. «Помним, пришли в редакцию молодые супруги... Оба инженеры, казалось бы, культурные, интеллигентные люди. Она застенчиво подала письмо и попросила прочесть. В письме сообщалось, что М. издевается над своей матерью и выгоняет ее из дому. На другой день мы разговаривали с этим человеком. У него дрожали руки и срывался голос от волнения и обиды. Письмо оказалось клеветой. Авторы его — родная сестра и зять М. Незадолго перед этим они поссорились с ним из-за имущества и решили отомстить. Рукой застенчивой молодой женщины, безусловно, водила старая ведьма... Старая ведьма — стяжательство, накопительство — убивает в человеке человека. Даже малейшая уступка ей не остается безнаказанной. Даже вырвавшись из ее когтей, человек всю жизнь будет испытывать стыд за поступки, совершенные по ее наущению».

В. Привальский и А. Спекторов в статье «Пронумерованная ложь» (газета «Известия», 27 августа 1963 года) сообщили о факте чудовищной клеветы. Курмоярцевы оболгали Юрьеву, чтобы получить ее квартиру.

Говорят, что быть лживым легче, чем правдивым, обманщиком — легче, чем честным. Н. Панченко писал:

Не заслуга быть белым.
Не достоинство — русым.
Очень трудно быть смелым.
Очень просто быть трусом...
Мы, престолы низвергнув,
жили в буднях великих.
Знаем: трудно быть верным
и несложно — двуликим.

⁸⁾ «Красное Знамя», 19 октября 1962 г.

Жили в ящиках тесных,
рвали нервы и жилы.
Знаем: трудно быть честным,
знаем: просто быть лживым...

Возражая Н. Панченко, Б. Сарнов в статье «Пульс — есть!» («Литературная газета» за 19 марта 1964 года) говорит: «Человеку настоящему, а поэту тем более (собственно говоря, потому-то он и поэт) совсем не «просто» быть лживым. Ему (именно в силу того обстоятельства, что он поэт) невероятно сложно быть двуликим. И даже смелым ему легче быть, чем трусом».

Б. Сарнов продолжает: «Разумеется, из этого вовсе не следует, что поэт, даже настоящий, большой — поэт, не может в какие-то минуты жизни оказаться слабым, малодушным, неискренним. Все это бывает. Но ему это мучительно, невыносимо трудно. И только человек, из которого выбито, вытравлено все живое, естественное, человеческое, то есть поэтическое, может искренне сказать о себе, что ему «трудно быть верным и несложно — двуликим».

Н. Панченко делает безотносительные высказывания в стихотворении. Суждения даются в нем без учета того, каков человек в моральном отношении, в каких обстоятельствах проявилась его правдивость, честность, смелость или лживость, трусость и т. д. Более точен в рассуждениях Б. Сарнов. Действительно, честному человеку ложь мучительна, ему противно лгать, он не может лгать. Привыкшему же обманывать, лицемерить легко солгать, он делает это без затруднений, пока в нем не заговорит совесть, пока она не начнет его мучить.

Лицемерие противоположно искренности. Лицемерный человек говорит не то, что чувствует, и не так, как думает; он ведет себя не так, как считает можно поступать. Он может восхищаться тем, что считает недостойным этого, порицать то, что ему кажется заслуживающим похвалы, делать то, к чему испытывает отвращение в душе, прибегать к лести и т. д. Лицемеры — это или трусы, или угодники и подхалимы, или карьеристы и т. д., а может быть и все вместе. Это двойные люди, идущие против совести. Прямота является обязанностью порядочного человека, разумеется, в пределах благородной прямоты, в пределах меры. Как и всякое качество, она может перейти в свою противоположность, если стано-

вится чрезмерной. Торопливость в суждениях далека от добра. «Без рассуждения не делай осуждения», — говорят в народе.

Лицемер, предаваясь втайне порокам, делает вид добродетельного человека и даже обрушивается на те пороки, которые ему самому присущи, с «филиппиками», обличениями. Не считая в душе что-то дурным, но, зная, что это осуждают «начальство», люди, от которых он зависит, с которыми ему выгодно сохранять определенные отношения, он поносит это на словах.

Лицемерие — спутник пороков. Известно, что лицемерие — это дань, которую пороки платят добродетели. Вот как лицемерие описывает М. Е. Салтыков-Щедрин в сатирической сказке «Добродетели и пороки». Добродетели с Пороками во вражде были. Пороки жили весело и ловко свои дела обделывали; а добродетели жили посерее, но зато во всех азбуках и хрестоматиях как пример для подражания приводились. Трудно сказать, с чего у них первоначально распря пошла. Решили Добродетели компромисс какой-нибудь сыскать, который и Добродетели бы возвеселил, да и Порокам бы по праву пришелся. Потому что ведь и Порокам подчас жутко приходится.

Произрастало среди Добродетелей Лицемерие. Все в этом существе было загадкою, начиная с происхождения. Сказывали сторожилы, что однажды Смирение с Любострастием в темном коридоре спознались и от этого произошел плод. Плод этот Добродетели сообща выкормили и выпоили, а потом в пансион к француженке Комильфо отдали. Лицемерие ходило не иначе, как с опущенными долу глазами, но прозорливцы не раз примечали, что по лицу его частенько пробегают любострастные тени. Несомненно, что в этом наружном двоегласии в значительной мере был виноват пансион Комильфо. Там Лицемерие всем главным наукам выучилось: и «как по струнке ходить», и «как без мыла в душу влезть». И вот это-то существо и послали Добродетели к Порокам. Не успело Лицемерие с версту от добродетельской резиденции отойти, как уже со всех сторон на него разливанным морем пахнуло. И город какой отменный Пороки для себя выстроили: просторный, светлый. Вот улица Лжесвидетельства, вот площадь Предательства, а вот

Срамной бульвар. Сам Отец Лжи тут сидел и из лавочки клеветой распивочно и на вынос торговал.

Но как ни весело жили Пороки, как ни опытни были они во всех канальских делах, а увидевши Лицемерие, и они ахнули. Даже Отец Лжи и тот глаза вытаращил.

— Ну, — говорит, — это я о себе напрасно мечтал, будто вреднее меня на свете никого нет. Я — что! вот он, настоящий яд! Я больше нахалом поровлю — оттого меня хоть и не часто, а все-таки от времени до времени с лестницы в три шеи спускают; а это сокровище, коли прильнет, — от него уже не отвертишься! Так тебя опутает, так окружит, что покуда все соки не вызудит — не выпустит!

Словом, соглашение состоялось. С тех пор пошло между Добродетелями и Пороками гостеприимство великое. Захочет Распутство побывать в гостях у Воздержания, возьмет под ручку Лицемерие, — и Воздержание уже издали, завидев их, приветствует:

— Милости просим!

Так Добродетели и Пороки охотно помирились на Лицемерии⁹⁾.

Валентина Елисеева в статье «Самых честных правил...»¹⁰⁾ рассказывает, что в одном научно-исследовательском институте праздновали юбилей ученого мужа. Уважением он не пользовался. Знали, что докторскую он состряпал из работ аспирантов, что в средствах был неразборчив...

И вот человек дожил до юбилейного возраста. Утром коллега юбиляра Иван Афанасьевич Р. сказал:

— Это лицемерие говорить слова, которых он не заслужил. Я принципиально не явлюсь на этот пошлый водевиль.

А вечером... Ивана Афанасьевича вытолкнули на сцену и шепнули: читай. Хорошо поставленным голосом он начал читать адрес. Он прославлял творческий подвиг юбиляра, которого тот не совершал. Он умилялся чуткостью и отзывчивостью ученого мужа, вспоминая его черствость и эгоизм. Он желал ему сил и здоровья, в душе посылая его ко всем чертям.

⁹⁾ Сказка изложена здесь в значительном сокращении.

¹⁰⁾ «Литературная газета», 21 марта 1963 г.

Сам Иван Афанасьевич трудолюбив, уважаем в коллективе. Но вот — уступка лицемерию. Непринципиально это, не по-партийному.

ПРИЧИНЫ ПОРОКОВ

О пороках, об их причинах писали многие философы, юристы, этики. Одни рассматривали пороки как врожденные (Ломброзо), другие — как результат действия сверхъестественных сил («зло — от дьявола», — утверждает религия), третьи — как приобретенные личностью либо вследствие глупости, невежества, либо вследствие дурных обстоятельств, среды, плохого устройства общества и т. д.

Сократ считал, что поступающий дурно делает это по незнанию, принимая зло за добро. Демокрит учил, что люди впадают в то, что дурно, вредно и бесполезно, «вследствие слепоты ума и безрассудства»¹¹⁾.

Аристотель писал: «Всякий дурной человек не знает, что нужно и чего не нужно делать, и именно этот недостаток и делает людей несправедливыми и вообще злыми. Незнание выбора между добром и злом не приводит к тому, чтобы поступок стал недобросовестным (не мог быть вменен), а лишь к тому, что он становится дурным». Прочитывая это, Гегель замечает: «Аристотель, разумеется, глубже постиг связь между познанием и волею, чем та плоская философия, которая учит, что не познание, а сердце и восторженность суть подлинные принципы нравственного действия»¹²⁾.

Французские материалисты XVIII века утверждали, что причиной пороков является плохая среда, в том числе и государственный строй, т. е. дурное воспитание. «...Не природа создает дурных людей, — писал П. Гольбах, а наши учреждения заставляют их быть такими»¹³⁾. Пороки и добродетели, утверждал Гельвеций, — следствие законодательства.

Социалисты-утописты видели причину пороков в частной собственности. Р. Оуэн говорил: «Зло, протекающее из частной собственности распространяется во

¹¹⁾ Материалисты древней Греции, Госполитиздат, М., 1955, стр. 156, фраг. 298.

¹²⁾ Гегель. Соч., т. 7, М. — Л., 1934, стр. 163.

¹³⁾ П. Гольбах. Система природы, Соцэкгиз, М., 1940, стр. 209.

всех направлениях. Оно создает самый неблагоприятный, склонный к несправедливости, и ненатуральный характер у тех мужчин и женщин, которые владеют большим богатством, и самые отталкивающие чувства ненависти и зависти в людях, страдающих от бесчисленных зол бедности»¹⁴). Зло, по Р. Оуэну, есть следствие дурных условий, создаваемых и поддерживаемых неопытным и невежественным человеком. Невежество, породившее плохое устройство общества,— вот источник пороков. Задача состоит в том, чтобы создать разумные условия жизни. «Люди,— писал Р. Оуэн,— поставленные в эти новые, разумные условия, постепенно станут сами настолько разумными, что в конце концов будут всегда рационально мыслить, чувствовать и поступать...»¹⁵). Человек создает эти условия как только его удастся сделать разумным существом с достаточно практическими знаниями.

Марксизм, вскрыв законы развития общества, показал, что люди, преобразуя условия жизни, переделывают и себя, в том числе нравы. Человек — продукт обстоятельств, но и обстоятельства зависят от него. Сознание людей отражает мир и определяется испытанными воздействиями в процессе жизни: в процессе труда, отдыха, учения, общения с другими членами общества. От того, каково сознание, зависит поведение. Пороки и добродетели проявляются в поступках.

То или иное качество личности является добродетелью либо пороком не безотносительно, не вообще, не само по себе, а в определенном отношении, в тех или иных условиях. Мужественный враг натворит бед больше, чем трус. Мужественное же поведение доброго человека является благородным. Щедрость по отношению к лодырю может принести вред. Великодушье становится всепрощением, способствованием злу, если перерастает границы или осуществляется без учета условий, особенностей человека. Любое качество личности есть единство противоположностей, что и обнаруживается, проявляется в разных условиях. Настойчивость, выдержку, хладно-

¹⁴) Роберт Оуэн, Избр. соч., т. 2, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 241.

¹⁵) Там же, стр. 200.

кровие, смекалку, вежливость принято считать добродетелями. Но лучше бы дурной человек ими не обладал. Сами по себе трудолюбие, старательность, сила воли, терпеливость, быстрота соображения и другие качества не делают человека добродетельным. Они таковыми являются тогда, когда присущи личности, преданной делу коммунизма, и вызывают добрые поступки.

Если нельзя о любом качестве личности безотносительно сказать, добродетель это либо порок, то может быть нет вообще различия между добродетелью и пороком? Начнем рассуждения со следующего. Обратим внимание на то, как оправдываются те, кого за что-нибудь осуждают. Нередко можно услышать от тех, кого упрекают в дурном, такие фразы:

- Что уж и выпить нельзя?
- Повеселиться каждый имеет право.
- Всем хочется нежности.
- Что же, я должен был смолчать, если меня обидели?

Эти вопросы и суждения говорят те, кто напился и накуралесил, кто мешает другим отдыхать или работать, кто предался разврату, кто оскорбил другого или нахулиганил. Если рассмотреть случаи дурных действий, то заметишь, что в каждом есть такое, что является естественным. Испугаться любой может, но трусость, проявленная в условиях, когда была нужна смелость, — порок. Без пищи жизнь невозможна, но чревоугодие отвратительно. Вещи необходимы людям, но «раб вещей» — не наш идеал. Деньги пока пужны, но воровство их — преступление. Смеяться, громко разговаривать можно, когда это не мешает учебным занятиям, отдыху уставшим на работе людям, детям, и нельзя, например, в коридоре учебного заведения во время занятий.

Когда вопрос ставится так: можно это делать или нельзя? — на него не дашь однозначного ответа без учета отношений. Всякий способ действий, хороший в одних условиях, является дурным в других. И вот, если человек какой-то относительно правильный способ действия, образ поведения рассматривает как правильный безотносительно, во всех условиях, привыкает только к нему, он ведет себя негибко, плохо. Кроме того, все хорошее хорошо в своей мере. Если какое-то доброе намерение, какую-то норму человек проводит недостаточно или

чрезмерно, получается скверно. Не проявил достаточной аккуратности, внимательности, настойчивости, инициативы — расхлебывай плохой результат. Перестарался, как медведь, в применении силы — хорошее перешло в свою противоположность. Добродетель становится пороком, если переходит границы своей меры.

Еще Демокрит о переходе добродетели в порок говорил так: «...от чего мы получаем добро, от того же самого мы можем получить и зло, а также средство избежать зла», «у людей зло вырастает из добра, когда не умеют управлять и надлежащим образом пользоваться добром»¹⁶⁾.

Самолюбие присуще всем: одним недостаточно, другим слишком, третьим в меру. И. А. Крылов в басне «Апеллес и Осленок» характеризует самолюбие, ставшее пороком, так:

Кто самолюбием чрез меру поражен,
Тот мил себе и в том, чем он другим смешон;
И часто тем ему случается хвалиться,
Чего бы должен он стыдиться.

Храбрость становится безрассудством, трудолюбие — самоизнурением, бережливость — скупостью, чувство собственного достоинства — высокомерием. Общительность, если чрезмерна, мешает людям. Честолюбие, жадность не есть ли это чрезмерные добродетели? Пороки возникают по причине односторонности и нарушения меры. Фейербах писал во «Фрагментах к характеристике моей философской биографии»: «Пороки людей — простое инкогнито их добродетелей: за известным пороком скрывается только известная добродетель»¹⁷⁾. Пороки, по его словам, — «это неудавшиеся добродетели...»¹⁸⁾.

Порок — качество личности, вызывающее поступки, причиняющие зло. Стремление к тому, что является злом, дурно. Известно, что честный и бесчестный познаются не только из того, что они делают, но из того, что они желают.

¹⁶⁾ Материалисты древней Греции, Госполитиздат, М., 1955, стр. 156, 157, фраг. 301 и 302.

¹⁷⁾ Людвиг Фейербах. Избр. философ. произведения, т. 1, Госполитиздат, М., 1955, стр. 248.

¹⁸⁾ Там же, стр. 249.

Любое новое воздействие падает уже на нечто имеющееся в личности, преломляется через внутренний мир личности. Человек не *tabula rasa* (чистая доска) в любой момент его жизни. Эмоции, стремления, осмысление развиваются, кроме того, по своим законам. Законы преобразования внешних влияний, формирования черт личности — это не экономические законы, а психологические. Изучение строя, в котором живет человек, недостаточно для того, чтобы понять, как образовался тот или иной порок.

Социальные условия являются основой, на которой разыгрываются законы развития сознания. Разумеется, если нет социальных воздействий, ведущих к образованию пороков, нет и пороков. То в социальных условиях, на основе чего образуются пороки, является социальными корнями их. Любой социальный строй содержит такие черты, которые влияют так, что человек может впасть в порок. Конечно, следует учитывать различие этих черт, сравнивая один строй с другим.

У членов социалистического общества есть такие пороки, которые сходны с капиталистическими (их называют пережитками капитализма). Объяснение этому — в факте, указанном К. Марксом: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *разви-лось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое *только что выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»¹⁹⁾.

Но известно, что люди, живущие в одном обществе, отличаются своими нравственными качествами. Это объясняется различиями в условиях труда, в положении в процессе производства и в отношении к благам, в уровне развития людей, с которыми общается личность, и т. д. Но в них, этих влияниях, есть общее: то, что формирует односторонность стремлений, эмоциональной жизни, помыслов, волевой направленности, дум.

¹⁹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. изд. 2-ое, т. 19, Госполитиздат, М., 1961, стр. 18.

Чтобы разобраться в том, как формируются пороки, обратимся к высказываниям К. Маркса и Ф. Энгельса в «Немецкой идеологии». К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что если страсть принимает абстрактный, обособленный характер, если она противостоит мне, как некая чуждая сила, если, таким образом, удовлетворение индивида оказывается односторонним удовлетворением одной — единственной страсти, — то это зависит отнюдь не от сознания или «доброй воли».

Далее в «Немецкой идеологии» сделано чрезвычайно важное высказывание: «Это зависит не от сознания, а от бытия: не от мышления, а от жизни; это зависит от эмпирического развития и проявления жизни индивида, зависящих в свою очередь от общественных отношений. Если обстоятельства, в которых живет этот индивид, делают возможным лишь одностороннее развитие одного какого-либо свойства за счет всех остальных, если они дают ему материал и время для развития одного только этого свойства, то этот индивид и не может пойти дальше одностороннего, уродливого развития»²⁰).

Устойчивое преобладание какого-то влечения, вытеснение других стремлений дает в результате порок. Вот эта особенность психики — впадение в односторонность и чрезмерность — есть психологические корни пороков. Физиологически это выражается в доминанте одного очага возбуждения над другим. Правда, возможно и другое: личность разбрасывается, не абстрагируется. Такое «все» переходит в «ничто».

ОШИБКИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Бывает, что некоторые люди, защищая ложь, создают видимость доказательства, стараясь ввести в заблуждение слушателей. Легко поддаются таким «доказательствам» те люди, которым присуще качество чрезмерной внушаемости. Они доверчиво воспринимают различные слухи, сплетни, их без труда обманывают лгуны.

Если заблуждение противоположно в определенном отношении преднамеренной лжи, то ошибка — обману. Говорят: ошибка не обман, ошибка в фальшь не ста-

²⁰) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд 2-ое, т. 3, Госполитиздат, М., 1955, стр. 253.

вится. Конечно, не исключается возможность маскировки под ошибку, когда за ошибку выдают то, что ею не является.

В «Толковом словаре» Владимира Даля об ошибке сказано: «погрешность, неправильность, неверность, промах, огрех; обмолвка, либо недоразуменье; дурное, ошибочное распоряжение или поступок; неумышленный проступок, или невольное нечаянное искажение чего-либо» (М., 1955, стр. 633).

Ошибка не есть простое отсутствие намерения причинить зло, сделать плохо, нарушить ту или иную норму. Ошибка — это действие, противоположное правильному, совершенное непреднамеренно. Ошибка из-за невнимательности в написании слова или вычислении, ошибка в умозаключении, ошибка человека, принявшего керосин за воду, ошибка людей, веривших в непогрешимость, святость Сталина, — вот примеры разного качества ошибок. Заблуждение — вид ошибки субъекта. Заблуждения могут явиться источником новых ошибок. Заблуждения не следует отождествлять с неведением. Невежество не есть ни истина, ни заблуждение, но оно очень опасно, особенно когда оно присуще дурному человеку. Самонадеянный невежда может натворить немало бед. Чрезмерно честолюбивый невежда опасен. Если невежда воображает себя знающим, то в чем он толку не поймет, то все у него пустяк, как говорил И. А. Крылов. Невежда может принести вред, не подозревая этого. Но повторение ошибок своих или известных чужих — это уже дело вины человека. Есть ошибки, за которые субъект несет ответственность, когда он мог и должен был предвидеть их, и есть такие ошибки, за которые нельзя спрашивать с человека: он не мог или не должен был предвидеть их. Порой даже хорошо, что личность ошиблась. Это бывает тогда, когда дурной замысел вследствие ошибки не осуществился. Один гражданин, намереваясь убить мужа своей любовницы, пробирается к нему ночью в дом, принимает в темноте скомканное одеяло и подушку за спящего человека, размахивается и опускает на свою «жертву» топор. В результате ошибки преступный замысел не осуществился.

Ошибки являются ошибками человека, электронно-вычислительных машин (ЭВМ), животных, т. е. того, что действует.

Специалисты Армении начали обучать машину играм. Сперва — самой простой: в «крестики» и «нули». Обучение заняло много времени, так как проводилось по новому, оригинальному методу. Машину с самого начала не учили единственно правильным ходам. Она только «запомнила», какие ходы можно делать и какова конечная цель игры. Вначале устройство непрерывно проигрывало, делая одну ошибку за другой. После каждой такой встречи инженеры проводили разбор партии и «объясняли» машине, где она ошиблась. Постепенно ее знания настолько возросли, что у устройства не могли выиграть даже маститые математики.

Предохраняют от ошибок знания и мастерство, внимательность и старательность, сознание долга. Тот, кто нетерпелив, тороплив, легкомыслен, не умеет сосредотачиваться на выполняемом деле, критически относиться к себе, своим мыслям, тот легко впадает в ошибки, порой дорого стоящие обществу и самому этому человеку.

Заблуждающийся человек ошибочно уверен в истинности суждения, правильности чего-то. Убежденность в истинности мысли не может считаться гарантией, критерием истинности мысли. Человек может считать безусловным верным положение, которое на самом деле объективно является ложным в определенном отношении. Когда при доказательстве какого-нибудь суждения ссылаются только на свою убежденность в истинности этого суждения, то этим ничего не доказывают. Такой тезис нельзя признать обоснованным. Уверенность и истинность далеко не всегда совпадают.

Заблуждающийся в чем-то считает свои мысли и поступки правильными, хотя они и могут приносить вред. А. Тонди пишет о католических теологах: «Став однажды рабами своего собственного заблуждения, они остаются верными ему до конца. Поэтому они вынуждены извращать идеи, определять неопределимое, пользоваться ложными или заранее извращенными концепциями»²¹⁾. Заблуждения могут иметь качество предрассудков прочных, традиционных, укоренившихся среди людей ложных взглядов. Известны расовые, национальные, бытовые и другие предрассудки.

²¹⁾ А. Тонди. Иезуиты, ИИЛ, М., 1955, стр. 30.

Следуя ложному взгляду, в том числе предрассудку, человек совершает неправильные поступки, причиняя зло себе и людям. Заблуждением, например, является вера в существование сверхъестественных сил и влияние их на жизнь человека. Верующие являют собой печальное зрелище: они поклоняются тому, чего нет, они служат плодам вымысла, живут иллюзией общения с несуществующим богом. Смысл жизни, говорят церковники и сектанты, в том, чтобы подготовиться к «страшному суду», к «вечной жизни», «дойти безгрешным до царства небесного». Главное — думать о спасении своей души. Жизнь верующих как верующих неправильна.

Заблуждения могут стать ближайшей причиной обмана и пороков. Почему возникают заблуждения? Обратимся к мнениям различных философов.

КТО КАК ПОЛАГАЛ

Изучение заблуждений, их причин началось еще в древнем мире. Из факта расхождения показаний органов чувств и выводов ума некоторые философы заключили, что в заблуждениях «виноваты» органы чувств. Особенно эту идею развивал Платон. Он в диалоге «Федон» излагает устами Сократа следующую концепцию: «виноваты» в заблуждениях органы чувств и влечения тела. Сократ спрашивает:

— Ну, а в приобретении знания служит ли тело препятствием или нет, если его принимают соучастником при исследовании? Я разумею вот что: передают ли зрение и слух что-нибудь безобманчиво, или же поэты правы, постоянно твердя, что мы ничего не слышим и не видим с достоверностью? А если эти телесные чувства не вполне безошибочны, тем менее безошибочны остальные, потому что все они сравнительно низшего достоинства. Не так ли?

— Совершенно так, — сказал Симмий.

Поскольку тело обманывает душу и вводит в заблуждение, то, по Сократу, не оно, а размышление — путь уяснения предметов бытия. Следует отдаваться чистой мысли, стремясь постичь каждую отдельную чистую сущность в ней самой, отрешаясь при этом возможно более от зрения, слуха, словом сказать, от посредства тела вообще, как возмущающего душу и не позволяющего ей

достигать истины и мудрости во всех тех случаях, когда она приходит с ним в соприкосновение.

Телесное, по Сократу, препятствует достижению мудрости. «Тело представляет нам... бесчисленные препятствия по причине необходимости заботиться о нем; случающиеся иногда болезни служат также помехой в исследовании истины; наконец, оно наполняет нас любовными стремлениями, страстями, опасениями, всякого рода пустыми мечтами, так что справедливо говорят, что мы, благодаря телу, никогда и ни о чем не можем правильно судить. Не что иное как тело и его пожелания производят войны, бунты и битвы, потому что все войны возникают из-за стремления к приобретению, а стремиться к приобретению нас побуждает тело... Таким образом, вследствие этого, у нас не остается времени для занятия философией. Но самое худшее из всего, что если тело и оставляет нам иногда некоторый досуг, и мы обращаемся к исследованию чего-нибудь, — оно снова, замешиваясь всюду в наши изыскания, производит в нас волнение и беспокойство, возмущая нашу внутреннюю тишину до того, что мы благодаря ему, делаемся неспособны созерцать истину».

«Итак, — делает вывод Сократ, — отсюда для нас очевидно, что если мы желаем что-нибудь настоящим образом знать, то нам необходимо отрешаться от тела и одной только душой созерцать сущность вещей»²²⁾.

С иных позиций давал ответ на вопрос о причинах заблуждений Аристотель. Аристотель подчеркивал значение изучения того, «что такое заблуждение, — ведь оно весьма свойственно живым существам, и душа немало времени проводит в ошибках»²³⁾. Он отметил, что на рассуждение влияют стремления, страсти, болезни и т. д.; новые неверные выводы возникают также, когда рассуждение вытекает из ложного основания.

Аристотель писал в трактате «О душе»: «Не (совпадает) также (с ощущением) и мышление, в котором содержится и правильное и неправильное, — правильное обдумывание составляет науку и истинное мнение, неправильное — противоположное всему этому; но и последнее не тождественно ощущению, ведь ощущение

²²⁾ Платон. Федон, М., 1896, стр. 20—23.

²³⁾ Аристотель. О душе, Соцэкгиз, 1937, стр. 88.

отдельных предметов всегда истинно и имеется у всех живых существ, а размышлять можно и ошибочно, и (размышление) несвойственно ни одному существу, не одаренному разумом»²⁴). По Аристотелю ощущения отдельных чувственных качеств отличаются достоверностью, допуская самые незначительные ошибки.

Аристотель считал, что ошибки возникают, когда есть сочетание. Ощущения цвета, звука и т. д. не могут быть ошибочными, но человек может обмануться относительно того, что именно окрашено, что звучит и где этот звучащий предмет находится. Он писал также и о том, что может представиться в обманчивом виде то, о чем одновременно будет иметься правильное суждение: например, солнце представляется размером в фут, однако признается, что оно больше земли. В «Категориях» говорится, что всякое утверждение или отрицание, по-видимому, или истинно, или ложно; «из слов же, высказываемых вне всякой связи, ни одно не является ни истиной, ни ложью, как, например, человек, белое, бежит, побеждает»²⁵).

Заслуга Аристотеля в разработке проблемы возникновения заблуждений состоит и в том, что он в «Аналитиках» и других логических работах показал, когда из истинных посылок может следовать ложный вывод, и исследовал правила силлогистических умозаключений, обратил внимание в «Метафизике» на соотношение опыта и искусства (теории), на то, что отсутствие опыта при знании общего (теории) часто является причиной ошибок.

В средние века рассматривали заблуждения, как искажение божественной истины, производимое злой волей, как «дьявольское наваждение».

Ряд интересных мыслей высказал М. Монтень, французский философ эпохи Возрождения, в «Опытах». Он считал, что заблуждения появляются тогда, когда ум предоставлен самому себе, не имеет «поживы извне». Монтень ссылается на Плутарха, который говорил по поводу тех, кто испытывает чрезмерно нежные чувства к собачкам и обезьянкам, что заложенная в них потребность любить, не находя законного выхода, создает себе,

²⁴) Там же, стр. 89.

²⁵) Аристотель. Категории, Соцэкгиз, М., 1939, стр. 6.

лишь бы не прозябать в праздности, привязанности вымышленные и вздорные. И мы видим, действительно, что душа, теснимая страстями, предпочитает обольщать себя в бездействии. М. Монтень делает такое сравнение: как пустующая земля, если она жирна и плодородна, зарастает тысячами видов диких и бесполезных трав, так и ум. Если не занять ум определенным предметом, который держал бы его в узде, он начинает метаться из стороны в сторону по бескрайним полям воображения. Праздность ума, ушедшего в воображение от нечего делать, — вот причина заблуждений. Воображение породило веру в чудеса, видения, колдовство и т. д. Монтень отмечал также роль привычек в возникновении заблуждений. Привычка притупляет остроту суждений (способность объективно судить о предметах).

Изучал причины заблуждений и английский философ Ф. Бэкон. Он особенно подчеркивал значение правильного метода изучения и был убежден в том, что «разум человеческий сам себе создает затруднения и не пользуется трезво и здраво находящимися во власти человека истинными средствами помощи, вследствие чего возникает многообразное непонимание вещей, порождающее бесчисленные ущербы...»²⁶⁾.

Главное, по Бэкону, — метод познания. «Согласно его учению, чувства непогрешимы и составляют источник всякого значения. Наука есть опытная наука и состоит в применении рационального метода к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент суть главные условия рационального метода»²⁷⁾. Следует устранить из науки умозрительный, не опирающийся на опыт метод, очистить разум от заблуждений. Существуют, по Бэкону, четыре вида «идолов», которые порождают заблуждения: «идолы рода», «пещеры», «рынка», «театра». Первые обусловлены человеческой природой, это — перенос свойств человека на предметы остальной природы. Особенностью человеческого рода является несовершенство органов чувств, влияние на познание желаний, влечений. Вторые — ошибки, возникающие вследствие симпатий и антипатий, предпочтений ученых, третьи — заблуждения, возникающие вследствие

²⁶⁾ Ф. Бэкон. Новый органон, Соцэкгиз, М., 1938, стр. 3.

²⁷⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, М., 1955, стр. 142.

пользования словами. II, наконец, четвертые — ошибки, порождаемые некритически усвоенными ложными мнениями, это подчинение ума ложным мнениям других людей.

Бэкон критиковал догматизм и ползучий эмпиризм. Ученый, пользующийся догматическим методом, только выводит из общих умозрительных положений частные случаи. Он похож на паука, из самого себя создающего паутину. Эмпирики только собирают и пользуются собранным; они похожи на муравья, который тащит в муравейник все, что ни попадется ему на пути. Подлинный ученый умом перерабатывает материал, который дает опыт. Он похож на пчелу, которая извлекает нектар из цветов сада и поля и изменяет его, перерабатывая в мед.

Французский философ Н. Мальбранш в книге «Разыскания истины» писал, что все людские заблуждения и все причины их можно свести к пяти пунктам: обман чувств, обман воображения, обман чистого мышления, обман склонностей и обман страстей. Глаза, по Мальбраншу, обманывают нас вообще во всем: относительно величин тел, их фигуры и движения, цвета. Наши чувства очень верны и точны, когда они говорят нам об отношениях, какие имеют все окружающие тела к нашему телу, но они не могут сказать нам, что такое эти тела сами в себе, поэтому пользоваться чувствами и должно только в интересах сохранения здоровья и жизни; когда же они стремятся стать так высоко, чтобы подчинить себе разум, они заслуживают полного презрения.

Автор «Разысканий истины» рекомендует: «...не должно никогда давать никакому положению полного утверждения, за исключением тех, которые представляются столь очевидно истинными, что нельзя отказать им в очевидности, не чувствуя внутреннего насилия над самим собой и тайных увещаний разума...»²⁸). Мальбранш предостерегает от ошибки, когда вероятное суждение отождествляют с истинным. Но только в редких случаях истина совпадает с вероятностью. Избежать этой ошибки можно опять-таки путем самонаблюдения: истинным должно признавать то, что представляется отчетливо, очевидно истинным. «Итак, следует привыкнуть

²⁸) Н. Мальбранш. Разыскания истины, т. 1, СПб, 1903, стр. 30.

отличать истину от вероятностей путем внутреннего самонаблюдения, как я только что объяснил; ибо, если мы спутываем две столь различные вещи — вероятность и истину, то это есть следствие недостаточного самонаблюдения»²⁹⁾.

Французские философы эпохи Просвещения XVIII века, особенно материалисты, немецкий философ Л. Фейербах вели активную борьбу с феодальной идеологией. Характерным для них является высказывание Ж. Б. Робинэ: «Если обратить внимание на распространенные среди людей заблуждения, то мудрец по-видимому должен столько же или даже больше не доверять общепринятым мнениям, чем самым странным идеям»³⁰⁾.

А К. А. Гельвеций говорил: «Нет такого века, который каким-нибудь нелепым утверждением или отрицанием не готовил бы материала для насмешек следующего века»³¹⁾. В трактате «Об уме» он подробно излагает свои воззрения по вопросу об источниках заблуждений. «Страсти,— говорит он,— вводят нас в заблуждение, так как они сосредотачивают все наше внимание на одной стороне рассматриваемого предмета и не дают нам возможности исследовать его всесторонне». Страх, продолжает Гельвеций, создает призраки, населяет им кладбища, леса. «Иллюзии — непременно следствие страстей, глубина которых измеряется степенью ослепления, в которое они нас погружают»³²⁾.

Однако страсти, интересы — не единственная причина заблуждения. «Мы ошибаемся также, если, принимаясь судить о каком-либо вопросе, не имеем в нашей памяти всех фактов, от сравнения которых зависит в этой области правильность наших суждений»³³⁾. В вопросах несколько затруднительных незнание — главная причина заблуждений. Неправильное употребление слов, что зависит от недостатка знаний, является также причиной заблуждений. В метафизике (философии) и в вопросах морали неправильное употребление слов и незнание их истинного смысла — лабиринт, в котором иногда заблуждались даже величайшие гении. Гельвеций, подво-

²⁹⁾ Там же, стр. 31.

³⁰⁾ Ж. Б. Робинэ. О природе, 1935, стр. 3.

³¹⁾ К. А. Гельвеций. Об уме, Огиз, М., 1938, стр. 12.

³²⁾ К. А. Гельвецкий. Об уме, Огиз, М., 1938, стр. 11.

³³⁾ Там же, стр. 12—13.

дя итог сказанному, пишет, что «источником всех заблуждений ума являются или страсти или незнание некоторых фактов либо истинного значения некоторых слов. Заблуждение, следовательно, не есть непременно свойство человеческого ума»³⁴).

Гельвеций так объясняет причины распространения заблуждений: «Люди так часто не замечают своих заблуждений, потому что они невежественны, и вообще самая неизлечимая их глупость состоит в том, что они считают себя умными»³⁵).

Людское легковерие, по Гельвецию, есть отчасти и результат лени: человек подозревает ложность нелепицы, но, чтобы увериться в этом вполне, ему пришлось бы провести исследование, а он хочет избавить себя от этого и поэтому предпочитает верить, а не исследовать. Французские материалисты подчеркивали не только отрицательную роль страстей, но и положительную. Д. Дидро принадлежит известное высказывание о том, что великие страсти, и только великие страсти, могут поднять душу до великих дел.

Гегель, немецкий философ-идеалист, диалектически подошел к вопросу об истине и заблуждении, добродетели и пороке. Он писал, что «порок не есть только отсутствие добродетели — ведь и невинность есть такое отсутствие — и отличается от добродетели не только для внешней рефлексии, а в самом себе противоположен ей, он есть нравственное зло»³⁶). Определив истину как положительное, как соответствующее объекту знание, Гегель продолжает: «Заблуждение есть нечто положительное, как мнение касательно того, что не есть само по себе сущее мнение, знающее и осваивающее себя. Неведение же есть либо нечто безразличное к истине и заблуждению и, стало быть, не определенное ни как положительное, ни как отрицательное, так что определение его, как некоторого отсутствия, принадлежит внешней рефлексии, либо же, как объективное, как собственное определение некоторого существа, оно есть влечение, направленное против себя, некоторое отрицательное, содержащее в себе положительное направление»³⁷).

³⁴) Там же, стр. 27.

³⁵) К. А. Гельвеций. Об уме, Огиз, М., 1938, стр. 123.

³⁶) Гегель. Соч., т. 5, М., 1937, стр. 517.

³⁷) Там же.

Порок и добродетель, истину и заблуждение можно понять лишь в их соотношении друг с другом. Заблуждение не есть просто отсутствие истины. Заблуждению, как и пороку, присущ определенный признак, и в этом смысле оно является положительным. Заблуждение не определишь только через отрицание истины. Ложное — отрицаемый развитием момент истины; заблуждения — свидетельства движения сознания к истине. Заблуждение в истории знания играет роль утверждения того, что истина должна подвергнуться диалектическому отрицанию.

Пятая книга «Системы логики силлогистической и индуктивной» позитивиста Дж. Ст. Милля озаглавлена так: «Заблуждения». Милль подробно исследует то, как возникают заблуждения. Он пишет: «В повседневной жизни, в практической деятельности человечества ошибочные умозаключения и неправильные истолкования опыта безусловно неизбежны, если только возникновению их не препятствует высокое развитие мыслительных способностей. И у большинства людей — даже на высшей ступени культуры, какой они когда-либо достигают, такие ошибочные умозаключения, влекущие за собою соответствующие ошибки в поведении, встречаются до плачевности часто»³⁸).

Милль говорит, что единственной полной охраной против неправильного умозаключения является привычка рассуждать правильно, знакомство с принципами правильного умозаключения и навык в приложении этих принципов. Есть заблуждения, проистекающие из ошибочного метода и возникающие из-за поспешности, невнимательности в приложении правильных принципов индукции.

«...Мы, — пишет Милль, — должны обратить наше внимание не на простую неопытность в правильном выполнении процесса (чему могут помочь только сосредоточение на нем внимания и усиленная практика в нем), а на способы совершенно неправильного его выполнения — на те условия, при которых человеческий дух убеждает себя в том, что у него есть достаточные основания для заключения, хотя на самом деле до этого заключения он дошел не которым-либо из законных методов ин-

³⁸) Дж. Ст. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной, М., 1914, стр. 665.

дукции, а как попало, вовсе (хотя бы даже кое-как и небрежно) не пытаюсь проверить свое умозаключение по этим законным методам»³⁹⁾.

Источники ошибочных мнений, считал Милль, бывают двух родов: нравственные и умственные. Нравственные делятся на два класса: равнодушие к достижению истины и увлечение. Самый обычный случай последнего состоит в том, что нас увлекают наши желания. Сильная страсть делает нас доверчивыми к утверждению существования способного ее вызвать предмета. Люди робкого характера тем более склонны верить тому или другому известию, чем более оно рассчитано на то, чтобы их испугать. Нравственные причины (хотя для большинства людей они сильнее других) действуют не прямо, а через посредство причин умственных, к которым они стоят в таком же отношении, в каком находятся причины, называемые в медицине предрасполагающими к производящим. Равнодушие к истине, например, действует лишь тем, что препятствует уму собрать надлежащие доказательства или проверить их законным и строгим наведением, вследствие чего ум остается беззащитным против всякого рода мнимых доказательств, которые либо представляются сами собою, либо обуславливаются тем, что ум выполняет меньшее количество труда, чем какое бы следовало.

Милль делает вывод: «Каждое ошибочное умозаключение, хотя бы оно и коренилось в моральных причинах, должно содержать в себе некоторый умственный процесс признания недостаточного доказательства за достаточное; и кто остерегается всякого рода неосновательных доказательств, которые можно ошибочно признать за основательные, тот не будет в опасности впасть в ошибку даже под влиянием самой сильной склонности. Некоторые умы настолько окрепли в мышлении, что не могли бы остаться слепыми к истине, как бы это ни было для них желательно: они не были бы в состоянии признать слабых аргументов сильными, будь даже их склонность к данному заключению самою сильною, какая только возможна. Поэтому, если бы удалось сделать невозмож-

³⁹⁾ Дж. Ст. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной, М., 1914, стр. 666.

ною софистику ума, то и софистика чувств стала бы, за отсутствием своего орудия, бессильною»⁴⁰⁾.

Предполагаемая связь или несовместимость между двумя фактами может быть, по Миллю, либо заключением на основании доказательства, т. е. на основании какого-либо другого предложения или предложений, либо может быть допущена без всякого подобного основания, так сказать, вследствие своей очевидности. Все заблуждения поэтому можно разделить на заблуждения в умозаключении и заблуждения непосредственные, «или с первого взгляда» (это — «предрассудки», усвоенные без доказательств). Ошибочные умозаключения выводятся либо потому, что наши посылки были ошибочны, либо потому, что мы вывели из них то, на что они не дают нам права. Однако, вероятно, чаще всего ошибки обуславливаются тем, что мы недостаточно ясно, определенно представляем себе посылки и составляем одно представление о нашем доказательстве, когда устанавливаем или воспринимаем его, и другое, когда им пользуемся. В процессе доказательства либо подставляются другие посылки, отличные от тех, из которых мы исходили, либо выводится другое заключение, не то, которое мы хотели доказать. «Отсюда, — пишет Милль, — возникает особый класс заблуждений, — который можно с удобством назвать, пользуясь выражением Бентама, «заблуждениями от сбивчивости»... Сюда войдут, между прочим, все заблуждения, коренящиеся в языке, — как в неясности или двусмысленности слов, так и в случайных ассоциациях между ними»⁴¹⁾.

Если кажущееся доказательство симулирует индукцию, то, значит, оно основывается на ошибочных фактах (это — «заблуждения в наблюдении»). Заблуждения в наблюдении могут возникнуть либо от «ненаблюдения», либо от «неправильного наблюдения». Если ошибка состоит в упущении из виду таких фактов, в пренебрежении такими частностями, которые должны были быть замеченными, то это — «ненаблюдение». Неправильное наблюдение состоит в том, что вещь не просто видят, а видят ошибочно, факт принимают не за то, чем он является на самом деле, а за что-нибудь другое. «Не-

⁴⁰⁾ Там же, стр. 668.

⁴¹⁾ Там же, стр. 671.

наблюдение» происходит от невнимательности, неряшливости, от недостаточности интереса к предмету и т. д. «Однако важнейшею из всех причин ненаблюдения являются предвзятые мнения. Именно они во все времена заставляли весь человеческий род в его целом и каждую отдельную группу его быть по большей части невнимательными ко всем фактам, противоречащим тому или другому первому впечатлению, или принятому мнению...»⁴²⁾.

Ошибочно также принятие за восприятие того, что на самом деле есть умозаключение. Неспособность различать между своими умозаключениями и восприятиями тем значительнее, чем меньше у человека познаний и чем ниже уровень его умственного развития. «Другой класс индуктивных заблуждений — заблуждения, имеющие место тогда, когда факты верны, но не оправдывают заключения, — правильно называют «заблуждениями в обобщении»⁴³⁾. Дедуктивные заблуждения можно подразделить на два вида: умозаключения, основанные на ложных посылках, и умозаключения, в которых посылки истинны, но не оправдывают умозаключения.

С несколько иной концепцией причин заблуждений выступил Н. Я. Грот в книге «К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов». Николай Яковлевич Грот (1852—1899) — русский психолог и философ. Часть своей книги он посвятил причинам заблуждений ума. Главное его утверждение следующее: «...Все причины заблуждений ума лежат не в нем самом, а вне его»⁴⁴⁾.

Отметив, что вопрос о заблуждениях всегда играл видную роль в логике, начиная от Аристотеля и кончая самыми новейшими ее представителями, Н. Я. Грот пишет, что почти все авторы считают, что задача логики заключается в том, чтобы давать правильное течение процессам мысли. Но «в самих процессах мышления, при здоровом и нормальном состоянии его органа, никаких ошибок и неправильностей, по нашему мнению, быть не может. Процессы мышления, как и все другие процессы в организме, следуют строго определенным самою орга-

⁴²⁾ Там же, стр. 705.

⁴³⁾ Там же, стр. 672.

⁴⁴⁾ Н. Я. Грот. К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов, Лейпциг, 1882, стр. 328.

низациею этого последнего законам (в данном случае законам ассоциации) и думать, что законы эти в каком-нибудь случае могут быть нарушены или обойдены, уже а priori было бы совершенным абсурдом...»⁴⁵⁾.

Из того, что возможны ошибки в результатах мышления, вовсе не следует, по Гроту, что они лежат в процессах мысли. «...На основании известных фактов мы вправе делать свои обобщения, если никакие другие известные факты этому обобщению не препятствуют. Таков естественный процесс мышления, а если так, то никаких прегрешений сама мысль в указанных случаях и не совершает. Ошибки в обобщениях очевидно зависят от незнания известных фактов, т. е. от недостаточного или неверного наблюдения действительности; другими словами, они лежат во всяком случае в процессах восприятия, а не в процессах мышления»⁴⁶⁾.

Конечно, говорит Грот, иногда не незнание, а забвение или намеренное игнорирование фактов, противоречащих обобщению, является источником настаивания на нем субъекта. Но забвение равносильно ненаблюдению или неверному наблюдению и всегда зависит от наблюдения слишком поверхностного, мимолетного, дурно направленного или же настолько старого, что оно в данное время равносильно «ненаблюдению». Намеренное же игнорирование фактов — это случай нравственного проступка: человек знает, что выражаемое им обобщение неверно, но под влиянием злой воли говорит неверное, вводя других в заблуждение, если эти другие с фактами, противоречащими его обобщению, не знакомы. «Следовательно, — продолжает Грот, — процесс мышления в процессе обобщения, всегда верен; если же обобщения, несмотря на это, часто грешат против истины, то в этом виноват только состав воспрятый или наблюдаемый наших, стоящих вне процесса мышления и снабжающих его недостаточным или недоброкачественным материалом»⁴⁷⁾.

Н. Я. Грот называет «ошибки в процессах мышления» продуктом воображения представителей логической науки, ибо «все ошибки в процессе умозаключения сводят-

⁴⁵⁾ Там же, стр. 299.

⁴⁶⁾ Там же, стр. 305.

⁴⁷⁾ Там же, стр. 306.

ся к ошибочным суждениям, т. е. обобщениям из опыта, все ошибочные обобщения из опыта в свою очередь зависят от ошибочных или недостаточных наблюдений»⁴⁸). Ненаблюдение может относиться к настоящему моменту, к отдаленной эпохе, может касаться одного или целой массы фактов, может быть нашим или чужим, оно может быть индивидуальным или всеобщим, оно может зависеть от внешних условий среды или от внутреннего состояния познающего субъекта, но результат один: большее или меньшее несоответствие между идеями и объектами, т. е. заблуждение.

Итак, по Гроту, незнание — причина заблуждений (обобщений). Ложные выводы в умозаключениях бывают только тогда, когда посылки ложны.

Рассмотрим далее, как махисты и представители лингвистической философии толкуют о заблуждениях.

Эрнст Мах, австрийский философ-позитивист и физик, в книгах «Анализ ощущений и отношение физического к психическому», «Популярно-научные очерки», «Познание и заблуждение» касается вопросов познания и возникновения заблуждений. В «Предисловии автора к русскому переводу» «Анализа ощущений...» он говорил, что в юности его наивнореалистическое мировоззрение было расшатано «Прологоменами» Канта. Но вскоре он признал «вещь в себе» иллюзией и вернулся к Беркли и Юму. В «Познании и заблуждении» Э. Мах писал: «...работая в течение более сорока лет в лаборатории и на кафедре, как наивный наблюдатель, не увлеченный и не ослепленный никакой определенной философской системой, я имел возможность разглядеть пути, по которым развивается наше познание»⁴⁹). Мах начал сам с заблуждения, думая, что он свободен от какой бы то ни было философской системы. «Работа, которую я попытался выполнить в интересах естественно-научной методологии и психологии познания, состоит в следующем. Прежде всего я поставил себе целью не ввести новую философию в естествознание, а удалить из него старую, отслужившую свою службу...»⁵⁰). Э. Маху не удалось выполнить эту задачу: новой философии он действительно

⁴⁸) Там же, стр. 328.

⁴⁹) Э. Мах. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования, М., 1909, стр. 4—5.

⁵⁰) Там же, стр. 4.

но не ввел, ибо оказался в плену весьма примитивной философии, и старую философию не удалил, продолжив метафизические и субъективно-идеалистические традиции позитивизма. В симпатиях к О. Конту, основателю позитивизма, Мах признавался в названном выше «Предисловии» к «Анализу ощущений». Разностороннюю критику махизму дал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», показавший, что философская позиция Э. Маха близка позиции Д. Беркли, субъективного идеалиста, английского епископа, автора вышедшего в свет в 1710 году «Трактата об основах человеческого познания».

Э. Мах начал с того, что, подходя к вещам «изнутри сознания», объявил, что ощущения и свойства вещей — это одно и то же. В «Анализе ощущений» он пишет: «Эти элементы известны в психической области, как ощущения, а в области естественно-научной — как физические свойства, но сами по себе они идентичны, а только различны в зависимости от точки зрения, с которой они рассматриваются»⁵¹). Устраняя проблемы отражения и отношения субъективного и объективного, материального и идеального («экономия мышления!»), Э. Мах попадает в нелепое положение, так как его утверждения не могут содержать ответа, который был бы в согласии с данными естествознания, на вопрос, существовала ли земля до появления на ней ощущающих существ. По Э. Маху выходит, что ощущение сладкого и свойство сахара, вызывающее ощущение сладкого, — это один и тот же элемент. Ясно, что при подходе к вещам из «Я», Э. Мах должен был прийти и пришел к отрицанию каких бы то ни было ошибок в данных органов чувств. «...*Наши чувства, — утверждал он, — не могут показывать ни верно, ни неверно. Единственно правильное, что мы можем сказать о наших органах чувств, есть то, что при различных условиях они освобождают различные ощущения и восприятия*»⁵²).

Каковы же эти условия? Вот ответ, который дает Э. Мах: «Эти «условия» в высшей степени многообразны и отчасти внешнего характера (закljučаются в объектах), отчасти внутреннего (обусловлены нашими органами

⁵¹) Э. Мах. Анализ ощущений и отношение физического к психическому, М., 1908, стр. 14.

⁵²) Там же, стр. 30, Примечание.

ми чувств) и отчасти еще более внутреннего характера (зависят от органов центральной нервной системы). Вот почему, если обращают внимание только на внешние обстоятельства, может показаться, что орган при равных условиях действует неодинаково, и действия необычные называют обыкновенно иллюзиями, обманом чувств»⁵³).

Э. Мах, по сути дела, приходит к отрицанию «обмана чувств», правомерности противопоставления кажущегося, иллюзорного действительности. Он приводит такой факт: когда мы держим карандаш перед собой в воздухе, мы видим его прямым, опустив его в наклонном положении в воду, мы видим его изогнутым под тупым углом. В последнем случае говорят: карандаш кажется изогнутым, но в действительности он прямой. Но на каком основании мы называем *один* факт действительностью, а другой выводим до значения иллюзии? — спрашивает Э. Мах. — Ведь в обоих случаях нам даны факты, ничего более не представляющие, как различного рода связи *элементов*, различным образом обусловленные. Погруженный в воду карандаш, именно благодаря обстановке, оптически изогнут, а при осязании — прямой»⁵⁴).

Светлое пятно рядом с темным бывает светлее, чем рядом с пятном еще более светлым. Когда мы, по Маху, смешиваем связи различного рода, не обращая должного внимания на их условия, в случаях необыкновенных ждем наступления явлений обычных, наши ожидания бывают обмануты. «Но факты в этом не виноваты. Говорить в подобных случаях об *иллюзии* имеет смысл с точки зрения практической, но ничуть не научной. В такой же мере не имеет никакого смысла с точки зрения научной часто обсуждаемый вопрос, существует ли действительно мир или он есть лишь наша иллюзия, не более как сон. И самый несообразный сон есть факт, факт, не хуже всякого другого»⁵⁵).

Э. Мах здесь отождествляет, как показал В. И. Ленин, два разных вопроса. В самом деле, на каком основании называют «обманом чувств» восприятия карандаша, палки, и т. п., опущенных в воду, светлого пятна

⁵³) Там же, стр. 30, Примечание.

⁵⁴) Там же, стр. 30.

⁵⁵) Там же, стр. 31.

рядом с темным и пр.? Но ведь иным является вопрос о том, какой предмет не в восприятии, а вне его и вне данного оптического взаимодействия. Вот Э. Мах излагает такой пример: куб на близком расстоянии кажется большим, на более отдаленном — меньшим; если смотреть на него правым глазом, он кажется другим, чем в том случае, если смотреть на него левым глазом; может он также показаться двойным, а если закрыть глаза, его совсем не видно. Конечно, все эти случаи восприятия — факты естественные и объяснимые, но разве то, как видится куб и сам куб в определенной системе отсчета, вне этих восприятий — одно и то же? Для Э. Маха — да. Э. Мах объявляет вопрос о том, существует ли действительный мир или он есть лишь наша иллюзия, не имеющая смысла с точки зрения научной. «Как самый последний софист, он смешивает научно-историческое и психологическое исследование человеческих заблуждений, всевозможных «несообразных снов» человечества вроде веры в леших, домовых и т. п. с гносеологическим различием истинного и «несообразного»⁵⁶).

В книге «Познание и заблуждение» Э. Мах вновь возвращается к вопросу об иллюзиях. При констатировании находимого нами физического, говорит он, мы легко впадаем в разные ошибки, или «иллюзии». Прямую палку, опущенную в воду в косом положении, мы можем считать переломленной. Мнимое изображение в вогнутом зеркале кажется нам осязаемым. Ярко освещенному предмету мы приписываем белый цвет и бываем изумлены, когда находим, что тот же предмет при умеренном освещении оказывается черного цвета. Древесный ствол в темноте напоминает нам фигуру человека, и нам кажется, что мы видим перед собой этого человека. «Все такие «иллюзии», — пишет Мах, — основаны на том, что мы не знаем условий, при которых найдено было то или другое интеллектуальное переживание, или не принимаем их во внимание, или предполагаем не существующие, а другие условия. Наша фантазия дополняет также частичные интеллектуальные переживания в наиболее привычной для нее форме и тем самым часто искажает их. Итак, к противоположению в обыденном мышлении ил-

⁵⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 18, М., 1961, стр. 141.

люзии и действительности, явления и вещи, приводит то, что смешиваются интеллектуальные переживания при особых условиях с таковыми при условиях *вполне определенных*⁵⁷⁾.

Организация и привычное поведение, биологически полезное при известных условиях, становятся при изменившихся условиях вредными и могут вести к разрушению жизни. Э. Мах из этих известных фактов делает вывод: «Обстоятельства, физически между собой тесно связанные, *чаще* встречаются вместе, чем обстоятельства, лишь совпадающие; вследствие этого ощущения и представления, соответствующие первому случаю, бывают сильнее ассоциированы, чем во втором случае. Кроме того, прирожденное и приобретенное внимание (апперцепция) направляется по преимуществу на биологически *важное*. Но все это не исключает игры неблагоприятных случайностей и, следовательно, случаев ассоциаций, вводящих в заблуждение»⁵⁸⁾. Э. Мах иллюстрирует это такими примерами. Некий юноша распахивал прерию на паре волов, причем часто наталкивался на гремучих змей, которых и убивал. Уронив из рук кнут, и, пагнувшись, чтобы поднять его, он случайно схватывает палку, принимает ее за змею... Бывает и наоборот, что ищут палку, а схватывают змею, которую принимают за палку. «Та самая психическая организация, которая нам столь полезна и которой мы обязаны тем, что столь быстро узнаем, например, осу, может в другом случае заставить нас ошибочно принять за осу похожего на нее жука-дровосека (миметизм). Уже непосредственное чувственное наблюдение может привести к познанию, как и к заблуждению, когда важные *различия* упускаются из виду или не замечаются *сходные черты*, когда, например, темно-окрашенную осу мы — вопреки характерной форме ее тела — принимаем за муху. Еще более грозит человеку заблуждение, вызванное такого рода упущением, в области логического мышления, в особенности, если этот человек не имел достаточного опыта в названной области, если он удовлетворяется типическими представлениями

⁵⁷⁾ Э. Мах. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования, М., 1909, стр. 19.

⁵⁸⁾ Там же, стр. 116.

без последующего точного анализа употребленных понятий»⁵⁹⁾).

В. И. Ленин отмечал, что Мах спутывает противоположные философские точки зрения, критиковал его за эклектизм, указывал, что порой Мах рассуждает, как материалист, например, когда утверждает, что физические элементы лежат вне границы психических элементов, или когда пишет об отклонении мысли (физической теории) от фактов. Что это значит? — спрашивает В. И. Ленин. — Это значит, что Мах забывает свою собственную теорию и, начиная говорить о различных вопросах физики, рассуждает попросту, без идеалистических выкрутас, т. е. материалистически. Все «комплексы ощущений» и вся эта берклианская премудрость летят прочь. Теория физиков оказывается отражением существующих вне нас и независимо от нас тел, жидкостей, газов, причем отражение это, конечно, приблизительное, но «произвольным» назвать это приближение или упрощение неправильно. Ощущение на деле рассматривается здесь Махом именно так, как его рассматривает все естествознание, не «очищенное» учениками Беркли и Юма, т. е. как *образ внешнего мира*⁶⁰⁾.

В отличие от других представители лингвистической философии считают, что заблуждения порождаются исключительно неправильным словоупотреблением. Борьба с заблуждениями — это устранение из пользования терминов неясных, двусмысленных, не оправданных опытом, «метафизических». Философ и должен заниматься только этим, или, как говорит английский философ Айер, единственное дело, которое он может делать — это действовать как своего рода интеллектуальный полицейский, следя за тем, чтобы никто не нарушил границы и не прошел в область метафизики.

Заблуждения, как считают представители лингвистической философии, имеют причину в несовершенстве естественного языка. Заблуждения могут быть преодолены с помощью языка искусственного, где строго регламентированы все значения терминов и способы их связи в теории. Несомненно, упорядочение терминологии

⁵⁹⁾ Там же, стр. 121—122.

⁶⁰⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 18, М., 1961, стр. 60—61.

гши — одно из дел представителей всех наук; несомненно, что искусственные языки, которыми пользуются науки, полезны, но это не главный источник заблуждений. Тем не менее в буржуазной философии такие взгляды — не редкость.

Мортон Уайт, профессор философии в Гарвардском университете США, в статье «Лингвистический анализ и человеческие проблемы», помещенной в одном из номеров журнала «Америка», пишет, что его философия по методу в первую очередь аналитическая, по своей направленности — лингвистическая. «Философия науки, — говорит Мортон Уайт, — при правильном подходе к ней имеет огромное значение, но ею далеко не ограничивается вся философия. Как только мы увидим, что в языке тоже существует целый ряд явлений, заслуживающих внимания философа, мы освободимся от крайне узкого толкования понятия «философский анализ» и дадим философии возможность частично вернуть приобретенное ею в древности значение центральной научной дисциплины, дадим ей лишний шанс распространить свое благотворное влияние на весь мир».

Философ-аналитик не должен ограничиваться простым описанием изучаемых им языковых навыков: он может также способствовать изменению этих навыков. «Лингвистическая философия, — продолжает Мортон Уайт, — даже если она и не принесет другой практической пользы, может активно разоблачать мракобесие в политике, религии, воспитании, праве, истории и других областях человеческой деятельности. Одной из главнейших задач нашего времени является беспощадное применение методов философского анализа и критицизма к основным институтам цивилизации. Построенная на правильных началах и надлежащим образом применяемая философия может быть серьезной угрозой для тирании. Она выявляет скрытые причины наших мыслей и поступков. Она разоблачает путаницу и фанатизм, двуязычие и двоемыслие. Она может и должна играть видную роль в борьбе за освобождение человека — борьбе, которая никогда не прекращалась и никогда не прекратится». Итак, с лингвистическим анализом в руках на борьбу с мракобесием, тиранией, путаницей... Тирания, фанатизм, двоемыслие порождаются не употреблением слов, а другими, экономическими причинами. Лингви-

стический анализ нужен, но нельзя преувеличивать его значение, односторонне его оценивать.

Итак, разнообразие точек зрения... Хотя обзор концепций причин заблуждений неполон, он наводит на некоторые выводы. Прежде всего следует, очевидно, обратиться к исследованию общих закономерностей отражения.

БАБОЧКА ЛЕТИТ НА ОГОНЬ

Познание — вид отражения, вид свойства, присущего всем предметам. Познанию и другим видам отражения, в том числе отражению в неживой природе, присущи общие черты. Нет ли в природе таких явлений, которые сходны с заблуждениями?

Отражение — свойство предметов изменяться в соответствии с характером воздействия на них. Воздействие — это не просто повод или толчок для спонтанного изменения предмета. Изменение происходит не как «угодно» предмету, а под влиянием и в соответствии с характером воздействия. Противоречивость отражения в том, что предмет не только «вбирает» в себя воздействие, изменяясь гомоморфно или изоморфно воздействию, но и в том, что предмет «отталкивает» воздействие, сохраняя себя. Кстати сказать, в последнем значении этот термин употребляется, когда говорят «отразить нападение, удар и т. д.».

Целенаправленная преобразующая деятельность людей была бы невозможной, если бы свойство отражать влияния не было присуще предметам. Благодаря ему человек, вызывая определенные воздействия на предметы, может добиться желаемого результата, например, сварить пищу, закалить сталь, заставить считать электронные счетно-решающие устройства.

Важным для характеристики отражения является и то, что в предметах остаются следы от воздействия, результат от воздействия не исчезает сам собой, он «закрепляется».

Всякое изменение есть отражение влияний мира, но эти влияния «преломляются» через внутреннее — природу, состояние предмета, через «драму» борьбы противоположностей в предмете. Учет единства внешнего и внутреннего необходим при изучении отражения. Предмет отражает изменения в среде, изменяется в результате

борьбы противоположностей в нем. В процессе отражения передается, получается и хранится информация. Ф. П. Тарасенко в статье «К определению понятия «информация» в кибернетике» пишет: «Свойство отражения состоит в том, что между состояниями взаимодействующих объектов существует определенная связь, соответствия, изоморфность или гомоморфность. Свойство отражения присуще не только объектам, но и процессам, то есть изменениям объектов, и проявляется в наличии соответствия между отражающими друг друга процессами. Это соответствие может носить иногда весьма сложный характер. Мы говорим, что объект (или процесс) *A* содержит в себе информацию об объекте (или процессе) *B* именно в тех случаях, когда между состояниями объектов (или процессов) *A* и *B* существует соответствие. Будем ли мы иметь в виду соответствие между нашими ощущениями и реальностью или соответствие между положением стрелки вольтметра и напряжением на его клеммах — во всем широчайшем диапазоне подобных ситуаций один объект отражает другой, один объект содержит информацию о другом»⁶¹).

Согнутый железный стержень, «возмущения» урана, поворачивающийся за солнцем подсолнух, обобщающий однородные факты ум несут в себе информацию о воздействиях. Следует здесь заметить, что изменяются предметы разной природы. Учет только внешнего по отношению к данному предмету воздействия без принятия во внимание природы и состояния предмета в момент воздействия недостаточен. Важно и то, каков предмет, каково состояние предмета, получающего информацию. Это значит, что при общем типе изменений при взаимодействии всегда есть различия (сходное и различное не существуют друг без друга).

Хорошо известно, что тепловое воздействие на твердое тело отражается не так, как такое же воздействие на газообразное. «Поведение» двух электронов в камере Вильсона одинаково в чем-то, поскольку это электроны, но и не одинаково. Странно не то, что они «ведут себя» не одинаково. Было бы странным, если бы они вели себя во всех отношениях одинаково. Электроны сходные и отличаются друг от друга. Общее и индивидуальное им также

⁶¹) Ж. «Вопросы философии», 1963, № 4, стр. 79.

присуще, как и всем предметам мира. Результат воздействия поэтому есть единство воздействия и того, что «несет» в себе предмет.

Следы от прошлых воздействий влияют на отражение новых воздействий. Если предмет подвергается одновременно нескольким воздействиям, то одно воздействие может усилить другое, или наоборот, подавить это другое воздействие⁶²). Два предмета одинаковой природы, массы и температуры будут нагреваться по-разному при одинаковом воздействии, если один из них подвергается одновременно охлаждению.

Н. Е. Введенский в 1879 году установил, производя одностороннее освещение тела лягушки, что на освещенной стороне повышается возбудимость. И. В. Годнев в 1882 году и Д. В. Упоров в 1939 году наблюдали улучшение тактильной чувствительности под влиянием освещения. В. М. Бехтерев в 1910 году констатировал, что освещение лампой фиолетового света приводит к замедлению скорости психических процессов человека, в том числе счета. Сходное явление вызывает зеленый свет, а красный, наоборот, приводит к некоторому ускорению реакций (и это влияние сохраняется в течение 2 часов после освещения).

Различен, например, результат ударов одинаковой силы и одного направления по движущемуся бильярдному шару и находящемуся в состоянии покоя. На результате удара кием по движущемуся шару скажется след от ранее имевшего места воздействия. Намагничивание кусков железа с остаточным магнетизмом и без него вызовет несколько отличные последствия. Если подержать правую руку в горячей воде, а левую — в холодной, а потом опустить их в воду комнатной температуры, то правая рука вначале будет свидетельствовать, что эта вода холодная, а левая — что вода теплая. Мед при некоторых заболеваниях воспринимается как горький. В физиологии хорошо известно, что внутренние органы не только находятся под влиянием коры больших полушарий, но сами, посылая через свои рецепторные аппа-

⁶²) **Примечание:** в процессе взаимодействия предметов *A* и *B* изменяются, отражая воздействия, оба предмета. Здесь процесс отражения характеризуется в одном отношении (от *A* к *B*) лишь в целях краткости изложения. Но всегда следует иметь в виду, что и *A* отражает воздействие *B*.

раты постоянные импульсы в кору, влияют на ее состояние, а через нее на всю деятельность организма, в том числе на эмоциональные реакции, на отношение к событиям (настроение). В этих случаях можно говорить о неадекватности отражения, но не вообще, а по отношению к чему-то. Неадекватность отражения воздействия объясняется другими воздействиями, следами от прошлых воздействий. У. Росс Эшби в статье «Применение кибернетики в биологии и социологии» писал, что «любая система конечных размеров, способная изменяться в результате индивидуального научения, может изменяться и вследствие забывания. Всякая система, которая может использовать информацию, получаемую из прошлого, может оказаться введенной в заблуждение тем же прошлым и так далее»⁶³).

Термин «заблуждение» лучше употреблять при характеристике отражения человеком. Но то, что отмечает У. Росс Эшби, имеет место, т. е. неадекватность отражения в мире вещей, растений и животных. У растений наблюдаются весьма тонкие специализированные реакции на раздражения. Причем и у них имеется влияние прошлого «опыта» на новые раздражения. Вот как это проявляется. А. Б. Коган в статье «О донервных предшественниках условных реакций» описывает эксперименты на фасоли. У сеянцев фасоли (*Phaseolus vulgaris*) с помощью системы оптического увеличения и теневой регистрации изучались движения черешка листа относительно стебля при различных раздражениях. Естественные суточные колебания освещенности растения вызывали поднятие и опускание черешка в определенном ритме. Переход от дневного отклоненного положения черешка к ночному приближению его к стеблю происходил приблизительно в одно и то же время. Затем растениям были созданы условия укороченного светового дня путем затемнения светонепроницаемыми шторками за 3 часа до захода солнца. В результате произошла переделка ритма движений, и теперь черешок начинал свое приближение к стеблю на 3 часа раньше.

Когда растения вновь были переведены в условия естественного освещения, то оказалось, что в первые дни они сохраняли выработанную реакцию на время.

⁶³) Ж. «Вопросы философии», 1958, № 12, стр. 117.

Через неделю естественного освещения эта реакция уступила место прежнему ритму движений, приуроченному к суточному циклу.

В статье А. Б. Когана говорится и о подобном явлении в реакциях простейших: «Изучение реакций простейших на внешние воздействия также подтверждает действительность для них общих законов раздражения и положительных (возбудительных), и отрицательных (тормозных) форм реагирования, следовых явлений, в частности, лежащих в основе влияния предыдущих раздражений на отношение к последующим. Например, Даниш (Danisch, 1921) показал, что механическое раздражение вызывает у сүвойки состояние повышенной возбудимости, которое можно обнаружить через 10—15 сек., а Дембовский (Dembowsky, 1931) проанализировал ряд случаев, когда движение парамеции определялось предшествующими условиями ее жизни»⁶⁴).

Как отмечал еще Э. Мах, лягушка ловко ловит летающих насекомых, которыми питается, но может принять кусочек движущейся ткани за насекомое и повиснуть на соединенном с этой тканью крючке. Бабочки, летящие на все светлое и цветное, натываются на нарисованные цветы ковра, которые никакой пищи не дают, или на пламя, причиняющее им смерть.

Осьминоги прячутся в расщелинах подводных скал, ямах и гротах. На Дальнем Востоке осьминогов ловят так: на дно моря опускают искусственные «норы» — глиняные горшки на тросах. Осьминоги устраиваются в новых «жилищах». Ловушки поднимаются на поверхность.

Если обратиться к действиям «Логика-теоретика» — модели, реализуемой на цифровой вычислительной машине, то выяснится, что действия этой модели при решении ею задач математической логики во многом напоминают действия человека, в том числе и его ошибки.

Лоулин в описании модели Алдос, реализуемой также на цифровой вычислительной машине, пишет: «На первом этапе процесса выработки реакции, или на этапе узнавания, Алдос определяет, встречался ли он с данной ситуацией ранее (и если да, то насколько она ему изве-

⁶⁴) Проблемы физиологии и патологии высшей нервной деятельности, вып. 2, Л., Медгиз, 1963, стр. 10.

стна). Иногда Алдос ошибается, принимая какую-либо ситуацию за совершенно другую, но внешне (по опознавательному признаку) близкую к данной. (Эти две ситуации могут быть связаны с совершенно разными последствиями для Алдоса). Процент такого рода ошибок невелик»⁶⁵).

За узнаванием следует «эмоциональная реакция» Алдоса на ситуацию. «Эмоции» могут различаться по силе. Эквивалентом силы их в модели являются определенные числа, которые изменяются от 0 до 9. Возникшие одновременно «эмоции» влияют друг на друга: наибольшие по силе «эмоции» стремятся ослабить «эмоции» противоположного знака. Равносильность рождает конфликт.

Лоулин пишет: «Эмоциональная реакция Алдоса зависит как от его настроения в данный момент (т. е. от остаточных эмоций, непосредственно связанных с предшествующей ситуацией), так и от его воспоминаний о том, что случилось в прошлом в подобных ситуациях»⁶⁶). В статье отмечается, что Алдос, с меньшим «жизненным опытом» быстрее приспосабливается к новой обстановке.

Итак, мы видим, что в работе данной модели действуют те же закономерности отражения, которые были сформулированы выше. Несомненно, что изучение таких моделей проливает свет на причины появления заблуждений. Не напоминают ли такие случаи ошибки в умозаключениях, в которых средний термин не распределен? Рассуждение идет по такой схеме:

Класс предметов K имеет признак a

M имеет признак a

Следовательно, M входит в K .

Такой вывод может оказаться ложным. В различных формах отражения есть сходное с тем, что называется заблуждением. «Тайна» возникновения заблуждений не может быть раскрыта без изучения отражения в целом.

Из общих закономерностей отражения не выпадает, конечно, мозг. Разработка физиологии ошибок и заблуждений весьма нужна. В философской литературе данные физиологии высшей нервной деятельности в этом отно-

⁶⁵) Лоулин. Личность Алдоса, ж. «Зарубежная радиоэлектроника». Изд-во «Советское радио», январь 1963, № 1, стр. 102.

⁶⁶) Там же, стр. 103.

шении еще мало освещены. Среди работ, в которых в той или иной мере затрагивается эта проблема, отметим книгу А. Киселенчева «Марксистско-ленинская теория отражения и учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности» (ИИЛ, М., 1956). В ней один параграф называется так: «О неврофизиологической основе ошибок и заблуждений в познании». А. Киселенчев писал, что вследствие общественной и психофизиологической ограниченности человеческого познания истина достигается путем преодоления ошибок и заблуждений. Он подчеркнул, что определенные состояния коры головного мозга, изучаемые физиологией, ведут к искажениям действительности. В книге говорится: «Понятно, чтобы получить полное и точное представление о физиологических процессах и условиях, лежащих в основе ошибочного познания, нужно учесть главным образом и в первую очередь нарушения в динамическом взаимодействии между первой и второй сигнальными системами. В них необходимо искать конкретную невродинамическую основу ошибок и заблуждений в познании: ошибочных представлений, понятий и идей как обыкновенного человека, так и человека науки» (стр. 297).

Думается, что будет правильным утверждать, что возможность ошибок, а также пороков содержит вся высшая нервная деятельность. «Следы», одновременные воздействия на мозг, особенности нервных процессов данного человека — вот источники ошибок и заблуждений. Опыт (речь идет не об эксперименте) есть временные нервные связи. Опыт есть приспособление к среде, но опыт может явиться источником ошибок: условия изменились, а реакция некоторое время остается. Условный рефлекс и ограничивает животных, человека. Будучи способом отражения природной и социальной среды, условный рефлекс до своего угасания (условное торможение) может явиться источником ошибок при изменении условий. Факты таких ошибок описаны в физиологической и психологической литературе. Возникшие ассоциации полезны, но они и шаблоны. Важным в биологическом отношении для животных, в социальном отношении для человека является ориентировочный рефлекс. Новые раздражители вызывают интерес к ним, но это связано с отрицательной индукцией — затормаживанием других участков мозговой коры, что может вызывать ошибки.

Концентрация возбуждения ведет к односторонности. Торможение связано с возбуждением, сопутствует ему. Если где-то возникает возбуждение, то оно вызывает торможение других участков мозговой коры и наоборот (закон взаимной индукции). Это целесообразно, способствует приспособлению к среде, но участки коры, находящиеся в таком состоянии, не могут в достаточной степени четко и правильно отражать воздействия. Например, развивающийся в каком-либо внутреннем органе патологический процесс начинает посылать в центральную нервную систему назойливые афферентные импульсы, которые однажды прорываются в кору, вызывая торможение восприятия импульсов внешней среды. Человек может стать безразличным к внешнему миру, уходит в себя, мрачнеет, неправильно оценивает поступки людей, события. Яркие, значащие для субъекта впечатления из внешней среды могут изменить соотношение возбуждения и торможения, человек может измениться: у него появляется интерес к происходящим событиям, его оценки становятся более объективными.

Вследствие торможения во второй сигнальной системе возникает ослабление передач раздражений из первой сигнальной системы во вторую, что ведет к отсутствию четкого осмысления происходящих событий или полного осмысления, а это приводит к ошибкам. А. Г. Иванов-Смоленский писал: «Можно думать, что во всех случаях нарушенного отражения условной связи из первой сигнальной системы во вторую имели место явления отрицательной индукции от сильного компонента сложного раздражителя на слабый компонент, причем эти явления происходили в различных нервных путях, связывающих обе сигнальные системы. Эти упрощенные экспериментальные модели, как нам думается, до известной степени объясняют те жизненные ситуации, когда мы недостаточно осознаем причины наших поступков, когда мы не связываем их с действительными их причинами, когда сосредоточенные на каком-либо необычном явлении, мы не замечаем своих ответных реакций на него и, наконец, когда чем-либо сильно отвлеченные и поглощенные, мы бессознательно, автоматически реагируем привычным образом на внешние раздражения, не замечая

ни этих раздражителей, ни своих ответных реакций на них»⁶⁷⁾).

Вернемся к умозаключениям типа:

Класс K имеет признак a

N имеет признак a

Следовательно, N входит в K .

Бывает, N входит в K , а может и не входить в K . Рассмотрим случай ложного вывода, т. е. N не входит в K , а человек заключает о том, что входит в K . Эта ложная мысль возникает вследствие генерализации возбуждения в мозговой коре. В опыте произошло обобщение предметов по признаку a . Встретился предмет с этим признаком — временная нервная связь оживает, ум заключает о принадлежности N к K . Заблуждение возникло по законам деятельности сигнальных систем. Ошибка состоит в том, что N отнесен к K , но здесь нет ошибки в другом отношении: поскольку N имеет a , он вместе с предметами класса K входит в какой-то другой класс (F). Обобщение, таким образом, не имеет оправдания и имеет оправдание (объединение N и K естественно, генерализация оправдана, но включение N в K оказалось ошибочным).

Если бы всегда такой способ мышления давал ложную мысль, он бы угас, но ведь во многих случаях предметы, имеющие a , действительно принадлежат к K .

Все, что выходит за пределы опыта, нередко встречается негативно. Замечено, что люди, привыкшие к чему-то, с трудом принимают новое. Новое им кажется «плохим», «вредным», «ужасным», «уродливым». Это имеет место во всем, начиная от моды, кончая идеологией. Злостью дышит буржуазия, когда пролетариат выступает с преобразованиями. Могут сказать: причем тут физиология, когда это объясняется специальными условиями? Да, социальная среда формирует личность буржуа, но все запечатлевается в мозгу, через него осуществляется. Динамический стереотип буржуа формируется тем положением, которое он занимает в капиталистическом обществе, условиями и образом жизни, что определяется тем, какова его частная собственность.

⁶⁷⁾ Журнал высшей нервной деятельности, 1951, т. 1, вып. 1, стр. 63.

Ломка динамического стереотипа связана нередко с боязнью нового, отрицанием его и т. д.

Итак, познание — не единственный вид отражения. Нельзя отождествлять и познание с другими видами психического отражения. Эмоции, страсти, волевые усилия, черты характера и т. п. отражают мир, но они не являются знаниями. Каждый вид отражения в чем-то (конечно не полностью), в определенном отношении (но не во всех) тождествен познанию. Иногда говорят, что «абсолютного тождества ни в природе, ни в обществе нет». Ведь любые два предмета тождественны в чем-то, в каком-то отношении. Без этого не было бы единства мира. Тождество всегда есть, безотносительно к тому, какими являются предметы. Но тождество предметов в определенном отношении связано с различием их в другом отношении, т. е. тождество и абсолютно, и относительно.

«Движение растений к свету и отыскание истины путем математического анализа — не есть ли в сущности явления одного и того же ряда? Но есть ли это последние звенья почти бесконечной цепи приспособлений, осуществляемых во всем живом мире?»⁶⁸⁾, — спрашивал И. П. Павлов.

Различные виды отражения входят в общий для них род — отражение, и они тождественны в общих признаках.

ПО ТРАДИЦИИ ИЛИ ПО-НОВОМУ?

Между различными видами отражения существует не только количественное, но и качественное различие, что, конечно, не исключает общего. Э. Мах, рассматривая познание метафизически, отрицал качественное различие в психическом отношении животных и человека. «Различия, которыми человек в психическом отношении отличается от животных, суть различия не качественного, а только количественного характера»⁶⁹⁾. Э. Мах не понимал, что количественные различия дают качественные.

Гноссологическими категориями следует характеризовать только познание, что, конечно, не является отри-

⁶⁸⁾ Академик И. П. Павлов. Избр. труды по физиологии высшей нервной деятельности, Учпедгиз, 1950, стр. 32.

⁶⁹⁾ Э. Мах. Познание и заблуждение, М., 1909, стр. 82.

цаншем фактов неадекватности отражения в природе. Термины «истина» и «заблуждение» не следует применять, пожалуй, к тем видам отражения, которые не являются познанием. О «ложности» отражения электроном или амебой говорить не приходится. Нельзя в буквальном смысле говорить об истинности или ложности эмоций, желаний, страстей, волевых усилий. Об этом пишет, например, польский философ Адам Шафф: «...Мы не квалифицируем все неинтеллектуальные формы отражения как истинные или ложные, но расцениваем их — и в разговорном языке и в научной терминологии — как приятные и неприятные, радостные и печальные, как вызывающие отвращение и восхищение и т. д. Оценку при помощи прилагательных «истинный» и «ложный» мы сохраняем — и это весьма определенно проводится нами в жизни — для сферы собственно интеллектуальной, отнюдь не отрицая того, что отношение отражения — хотя и в различной, специфической для каждого из упомянутых случаев форме — имеет место не только в интеллектуальной, но и в других областях»⁷⁰).

Адам Шафф присоединяется к тем, кто считает, что признак быть истинным или ложным принадлежит исключительно суждениям: «Под «истиной» мы понимаем «истинное суждение» или «истинное предложение», то есть суждение или предложение, соответствующее объективной действительности, ибо истинное предложение есть высказывание истинного суждения»⁷¹).

Такая точка зрения встречает сопротивление со стороны некоторых логиков. Сторонникам ее даже приписывали отход от принципов теории отражения. Какие же аргументы приводят противники признания того, что только суждения могут быть истинными или ложными? Приводят примеры ошибочных понятий. Следует ли из этого, что и понятия бывают ложными? Можно, конечно, считать, что ложными или истинными бывают ощущения, восприятия, представления, понятия, суждения, умозаключения, теории, т. е. все образы предметов. Но можно и, пожалуй, так будет лучше, термины «истина» и «заблуждение» применять, лишь говоря о суждении. В са-

⁷⁰) Адам Шафф. Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины, М., 1953, стр. 9.

⁷¹) Там же.

мом таком ограничении объема нет отступления от теории отражения. Конечно, среди тех, кто истинность и ложность считает качествами только суждений, есть и противники теории отражения, например, Б. Рассел. Вообще-то гносеологической и логической традицией является отнесение терминов «истина» и противоположного ему только к суждениям. О вопросе и побуждении говорят как о правильных или неправильных, а о понятиях, ощущениях, восприятиях, представлениях как об ошибочных, неадекватных и т. п. Споры, связанные с упорядочением терминологии, не следует превращать в обвинения в отступлении от теории отражения. Ведь доказательство того, что понятия, вопросы, ощущения бывают ошибочными, неправильными, есть доказательство того, что их надо называть ложными.

Качественная специфика суждения, отличающая его от других образов, состоит в том, что только суждение имеет определенность утверждения или отрицания связи предмета и признака.

Итак, ошибочными, неадекватными могут быть не только логические образы, но и чувственные, а категорию ложного правомерно употреблять применительно к суждениям. И дело здесь не только в том, что такова гносеологическая традиция, сколько в необходимости особых терминов для обозначения качественной разницы между суждением и другими видами отражения.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ИСТИНЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Истинная мысль соответствует объекту, но понятия «соответствовать» и «быть истинным» не равны по объему, ибо соответствие может быть без отражения. Рассказ, говорим мы, соответствует общему тону новогоднего номера газеты. Существует соответствие предметов, например, по цвету, соответствие при симметрии левой половины правой. Здесь *A* не расходится с *B*, находится в согласии с ним, не будучи отражением *B*.

Когда субъективные идеалисты указывают при характеристике истины на соответствие, они пользуются этим термином в значении, которое не включает в себя признак отражения. Таким образом, если философ или естествоиспытатель считает истинным то, что соответствует вещам, то это еще не значит, что он признает тео-

рию отражения. Некоторые неопозитивисты, например, пишут о «фактических» (или «эмпирических») истинах как о предложениях, соответствующих их денотатам, однако они не признают материалистическую теорию познания.

Эмпириокритики, предшественники неопозитивизма, не ставили совершенно вопроса об отражении при рассмотрении природы познания. Р. Влассак писал Э. Маху, излагая взгляды Р. Авенариуса: «Раскрытием недопустимости интроекции... вносится известный свет в области теории познания. Оказываются мнимыми проблемами все те проблемы, которые ставят вопрос об отношении наших «ощущений», «представлений», «содержаний сознания» к «материальным вещам», образам, знакам и т. д., которых вышеупомянутые продукты интроекции должны быть»⁷²).

Позитивисты, подходя к вещи, так сказать, «изнутри познания», говорят лишь о соответствии мысли «непосредственно данному» — чувственным впечатлениям. Э. Мах даже избегал и этого слова «соответствие» и пользовался термином «приспособление», рассматривая познание как приспособление мыслей к фактам действительности и друг к другу.

Истинные и ложные суждения противоположны бессмыслице и неведению. Истина — качество мысли в отношении ее к предмету. Без истинного знания человек не мог бы существовать, не мог бы даже биологически сохраниться. Не просто от воли, желания или любознательности человека зависит, что мир отражается в его голове. То, что мир отражается, что представления людей содержат истину — это необходимый и объективный факт. Мозг человека — предмет мира, и в силу всеобщего закона отражения он отражает действительность в соответствии со своим качеством высокоорганизованной материи.

Истина является объективной и субъективной. Она субъективна потому, что не существует вне сознания человека и является человеческим способом отражения мира. Но истина и объективна. Она соответствует предмету, адекватно отражает его. Именно поэтому истина

⁷²) Э. Мах. Анализ ощущений и отношение физического к психическому, М., 1908, стр. 63.

ность мысли не зависит от субъекта, т. е. от индивида, класса, человечества. Заметим, что здесь речь идет не об объективности предмета, а об объективности истинной мысли, истины. Истина, хотя и субъективна, является объективной в другом отношении. «Утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина», — пишет В. И. Ленин⁷³). Подчеркну, что В. И. Ленин говорит об утверждении, т. е. мысли. Истинность мысли не зависит от того, правится или нет эта мысль, считают ее истинной или нет. Верную мысль могут объявить ложной, но истина остается истиной. Еще В. Г. Белинский писал, что «дурное, ошибочное понимание истины не уничтожает самой истины»⁷⁴). Истина не зависит от мнений, воли субъекта.

Истина абсолютна и относительна. «Абсолютный» — значит безусловный, безотносительный, полный, совершенный. Абсолютное противоположно относительному. Они не существуют друг без друга. Истина абсолютна во всех значениях термина «абсолютное». В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» показал, что истина, безусловно, отражает объективный мир, что истина является совершенно верным его отражением, что представления людей содержат вечное, законченное значение.

Абсолютными истинами являются любые истины. Абсолютность — это качество истинных мыслей. Абсолютная истина — это не вид истины, а сама истина. Познание дает нам истину, совершенное отражение действительности.

Любая истина, хотя и абсолютна, вместе с тем и относительна, ибо всегда отражает лишь какую-то сторону действительности, верна лишь в определенном отношении.

Истина, безусловно, соответствует объекту, но она является истиной лишь в определенном отношении. Любая мысль верна не вообще, а по отношению к чему-то, в определенном, так сказать, направлении. Признак истинности, присущий мысли, как и любой другой признак, относителен. Как без указания, в каком отношении,

⁷³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 18, М., 1961, стр. 124.

⁷⁴) В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу. 1846 г., Взгляд на русскую литературу 1847 г., М., 1955, стр. 94.

по отношению к чему рассматривается предмет, нельзя высказать определенного утверждения или отрицания, так ничего нельзя сказать о мысли — истинна она или нет. Определенным будет лишь одновременное утверждение и отрицание: любая мысль и истинна и ложна. В определенном же отношении мысль либо истинна, либо ложна.

Мысль, верная в каком-то отношении, обязательно ложна в другом. «Но ведь существуют же истины, настолько твердо установленные, что всякое сомнение в них представляется нам равнозначным сумасшествию? Например, что дважды два равно четырем, что сумма углов треугольника равна двум прямым, что Париж находится во Франции, что человек без пищи умирает с голоду и т. д. Значит, существуют все-таки вечные истины, окончательные истины в последней инстанции? — пишет Ф. Энгельс. — Конечно»⁷⁵).

Ф. Энгельс приводит еще примеры таких мыслей: у птиц имеется клюв, все самки млекопитающих имеют молочные железы, люди не могут жить не трудясь, Наполеон умер 5 мая 1821 г., все люди должны умереть и т. д.

Все эти положения верны в определенном отношении, но они становятся ложными, как только мы их начинаем применять в других отношениях. Есть отношения, в которых сумма внутренних углов треугольника не равна двум прямым (это показывают геометрии Лобачевского и Римана). Положение «Париж находится во Франции» ложно хотя бы по отношению к тому времени, когда не было ни Парижа, ни Франции. Верно, что Наполеон умер, но и неверно, ибо он живет в памяти людей. В этом смысле мы говорим о том, что Наполеон жив, ибо смерть не означает превращение человека в ничто во всех отношениях. Человек после смерти существует в ином качестве: он не исчезает как материя, его дела остаются и т. д. И остальные приведенные выше суждения верны и неверны в разных «направлениях». Атом делим и неделим, добро в одном отношении является злом в другом.

Относительность истин обнаруживается в ходе познания. Развитие науки, техники, практики вообще пока-

⁷⁵) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. изд. 2-ое, т. 20, М., 1961, стр. 88.

зывает все время недостаточность, если можно так выразиться, истин. Развитие математики показало относительность истин евклидовой геометрии, прогресс физики — относительность истин классической механики и т. д.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин высказал чрезвычайно важную мысль в этом плане. Иногда эту мысль истолковывают как указание В. И. Ленина на вероятность выводов по индукции, цитируют ее в главах учебников логики, посвященных индукции. Однако здесь речь идет не только о том, какой дает вывод индукция — достоверный или вероятный, — а речь идет о том, что истина и абсолютна, и относительна. Вот это место «Самая простая истина, самым простым, индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен. Ergo: связь индукции с аналогией — с догадкой (научным провидением), относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге познания вперед»⁷⁶). Научная картина мира — это приблизительное, неполное отражение мира, она относительна, но и абсолютна, поскольку содержит совершенно верные знания.

Релятивизм возник как одностороннее раздувание и преувеличение относительности наших знаний. Суть релятивизма четко выразил Икскуль: научная истина — «это заблуждение данного момента». Релятивисты видят в знаниях лишь относительность, но не видят в них абсолютное, не понимают, что они содержат абсолютную истину.

Релятивность, относительность наших знаний, что особенно сильно обнаруживается в период крутой ломки старых теорий, ведет, как показал В. И. Ленин, при незнании естествоиспытателями диалектики к идеализму в условиях капитализма. Одним из гносеологических корней «физического» идеализма и является раздувание относительности наших знаний. «Физическому» идеалисту кажется, что научные понятия и теории — это лишь умственные построения, не отражающие объективную действительность. Релятивизм последовательно ведет к отрицанию объективной истины, ибо отрицать абсолютную

⁷⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 29, М., 1963, стр. 162.

истину, не отрицая в конечном счете объективную, не-возможно.

Положения об относительности знаний были высказаны еще в древней философии, но метафизический, односторонний подход к истине привел, например, Протагора (481—411 до н. э.) (Греция), Чжуан-цзы (369—286 до н. э.) (Китай) к релятивизму.

Протагор выступил с призывом доверия к данным органов чувств. Он учил, что должно во всем верить ощущениям тела. Из этой посылки Протагор сделал вывод: мера, критерий всех вещей есть человек, то есть какими вещи являются мне, таковы они и суть для меня, а какими они являются тебе, таковы они для тебя. Чрезмерная доверчивость к показаниям органов чувств привела этого философа фактически к отрицанию объективной истины, к релятивизму.

Чжуан-цзы утверждал, что, поскольку вещи все время находятся в состоянии изменения, люди никогда не смогут точно определить, что они такое. Большую вещь, говорил он, можно назвать маленькой, а маленькую — большой. Все существующие теории противоречат одна другой, а все споры не имеют абсолютно никакого значения. Отсюда он сделал вывод, что объективная истина вообще не существует.

Ложная мысль отличается от истинной, но отличается не тем, что последняя отражает действительность, а первая нет. Мысли, совершенно чистой от реальности, разум не может даже выдумать. Различие между ложной и противоположной ей истинной мыслью заключается в том, как отражают объективный мир та и другая. Хотя ложное строится из элементов, так или иначе отражающих действительность, оно не соответствует действительности, ибо мир не таков, каким его «изображает» ложная мысль. Если истинная мысль является адекватным отражением действительности, то ложная — искаженным, неадекватным.

В силу всего этого ложная мысль объективно ложна, т. е. она ложна не потому, что кому-то она не нравится и объявлена ложной, не потому, что люди согласились считать ее ложной и т. д. Вера, уверенность в истинности на самом деле ложной мысли не делают ее истинной. Людям иногда хочется, чтобы то или иное, являющееся ложью, было истиной, но желание не делает неправду

истиной. Короче говоря, ложность мысли — это объективный факт, не зависящий от воли, симпатий и антипатий людей. Поэтому-то религиозные идеи, суеверия, идеалистические принципы, буржуазные предрассудки объективно ложны, хотя и в них верят еще немало людей в капиталистических странах.

Ложная мысль абсолютно ложна, абсолютно противоположна истинной, поскольку она не соответствует действительности, поскольку нет «совпадения» образа и объекта. Такие, например, мысли, как «бог создал мир», «между сущностью и явлением нет никакой связи», «свет имеет только волновую природу», «деление философов на лагерь материалистов и лагерь идеалистов сейчас устарело» и т. д., совершенно неверны в определенных отношениях, т. е. обладают атрибутом абсолютной ложности. Если бы этого не было, мы не смогли бы противопоставить ложному истинное, например, принципы материализма идеалистическим исходным утверждениям, а данные естествознания — суевериям. Абсолютность придает ложному такую определенность, по которой мы можем отличить его от истинной мысли.

Однако, поскольку ложное не может не отражать действительности, то в этом отношении ложность мысли относительна. Ложное упрощает то, что имеется в мире, связывает то, что не связано в действительности, но имеется в ней, в том числе распространяет свойства, принадлежащие только одним предметам, на другие. Кроме того, ложное по отношению к одним условиям истинно по отношению к другим. В заблуждениях есть крупинцы истины, но они, конечно, не одинаковы в разных воззрениях. Противоположность между истинным и ложным, таким образом, абсолютна в одном отношении, относительна в другом.

Метафизика, раздувающая тот или другой атрибут ложного, выражается либо в эклектичном и релятивистском стирании различия между истиной и ложью, либо в догматическом, только абсолютном, их противопоставлении.

Немало современных буржуазных ученых, не владеющих методом материалистической диалектики, делают первую или вторую ошибку. На международном философском конгрессе, который проходил в Цюрихе в августе 1954 года, один из участников его сказал, что

«каждый по-своему прав, нет одной правды; вредно считать какую-либо одну систему единственно правильной».

Эклектизм — мнимая всесторонность. Это — сваливание в одну кучу разных отношений. Formой признания эклектизма является концепция Уилмона Г. Шелдона, философа из США. Он говорит, что выход из разногласий между философами следующий: «Нельзя ли допустить, что каждое учение строит свои положения, придавая преобладающее значение одному из элементов реальности и недооценивая все остальные? Иначе говоря, нельзя ли предположить, что это учение справедливо в той части, где оно говорит об одном слагаемом, но ошибается, исключая другие слагаемые, которые легли в основу прочих учений. Почему не предположить, что все течения правы в своих утверждениях, но ошибаются, в своих отрицаниях».

Уилмон Г. Шелдон объясняет все разногласия, неурядицы врожденной вредной склонностью к исключительности. Наивность переплетается в его книге «Бог и полярность» (1954) с признанием бога, диалектика — с метафизикой и т. д. Эклектик преувеличивает верное в заблуждениях, ему кажется, что все мысли равноценны, истинны.

ОТНОШЕНИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЙ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Марксистско-ленинская теория отражения дает возможность правильно определить отношение ложных мыслей к объективному миру. Если сознание есть отражение действительности, то заблуждения, следовательно, не есть чистая выдумка человеческого ума, никакого отношения не имеющая к предметам и явлениям мира.

Заблуждения (религиозные взгляды, ошибочные выводы в естествознании и т. д.) не беспочвенны. Те воззрения, которые оцениваются как ложные, несостоятельность которых обнаруживает практика, не могут быть свободны от элементов, отражающих реальность. Заблуждающийся ум опирается всегда на нечто такое, что имеется в самом мире.

Любое заблуждение можно разложить на такие элементы, которые так или иначе отражают действительность, как можно разложить, например, сказочный, фантастический образ бабы-яги на элементы, отражающие

реальные предметы, или разложить сплетню на то, что соответствует действительности. Но ложное в сознании человека, хотя и является соединением элементов, отражающих реальное, не соответствует конкретным и действительным связям предметов, вещам, положению дел. Например, вера в существование людей, обладающих якобы способностью с помощью таинственных сверхъестественных сил излечивать людей, является результатом неверного понимания фактов гипноза, внушения и т. д. А факты таковы: под влиянием внушения при условии доверчивости, надежды и желания выздороветь некоторые больные действительно вылечиваются. Кроме того, были и случайные совпадения наговора, нашептывания заклинания с процессом выздоровления. Известно далее, что некоторые «колдуны», «бабки», священнослужители применяли настои трав, давали воду из источников, обладающих действительно целебными свойствами и т. д.

Идеалистически ложные воззрения также опираются на нечто обладающее атрибутом действительности. К этому «нечто» идеалистические воззрения могут стоять близко или далеко, но оно есть. Кантовский трансцендентальный идеализм возник как преувеличение, в частности, несовпадения сущности и явления.

Фрейдистские утверждения об определяющей роли «подсознания», инстинктивных побуждений, особенно либидо, в поведении субъекта и сведение истории к поискам путей подавления и регулирования этих побуждений есть следствие одностороннего раздувания действительного значения инстинктов.

Критикуя экзистенциализм, мы не можем не заметить, что эта «философия существования» отражает в кривом зеркале то, что есть в действительности: наличие фактов приобретения временной и относительной устойчивости душевного состояния после ухода в себя (Моп), в «свой мир», когда жгучие вопросы современности, жизнь изрядно потреплют нервы буржуазной личности, не переставая чувствовать себя одинокой. Душевное состояние этой личности можно сравнить с человеком, который в костеле или церкви выплакал свое горе, страдания. Молящийся полагает, что успокоение ему ниспослано богом, на самом же деле его нервная система немного успокоилась, ибо слезы уменьшают впечатления от горя.

Критика идеализма и других заблуждений предполагает не только показ несостоятельности выводов, но и верное объяснение фактов, если они достоверны, на которые опираются выводы. Критикуя ложные воззрения, нельзя вместе с отрицанием выводов отбрасывать факты, не считаться с ними, отождествлять выводы и посылки, как это делается иногда.

В. И. Ленин, показав несостоятельность и вред выводов «физических» идеалистов, дал правильное, диалектико-материалистическое объяснение тому, что было раздуто, преувеличено, извращено впавшими в идеализм естествоиспытателями. Заблуждения появляются не потому, что человеку хочется непременно прийти к ложным воззрениям. Искренность и убежденность в правоте очень часто сопутствуют появлению ложных выводов.

Различие между истиной и заблуждением является качественным и количественным. Все формы отражения могут быть описаны количественно, но это описание должно предполагать и вести к качественному описанию. Рассмотрим некоторые отношения между истиной и ложью. Если не замечаются эти количественные различия, то смешивают истину с заблуждением.

1. Всем предметам какого-то класса (множества) приписывается признак, принадлежащий только предметам подкласса (подмножества). Такие выводы именуются «поспешными обобщениями». Истинным является высказывание о подклассе, ложным же — высказывание о всем классе. Высказывание «Все S имеют P » (обозначим его буквой p) истинно в том объеме, который равен подклассу (обозначим высказывание о нем буквой q). Так вот, p ложно, а q истинно, хотя p содержит в себе q , т. е. не лишено истины. Количественное различие между «все» и «некоторые» (равное подклассу, о котором делается высказывание q) дает качественное различие между истиной и заблуждением. Сказанное относится и к тем случаям, когда отрицается признак.

2. Часто сделавший правильный вывод решает, что обнаруженный признак у предмета, класса предметов, подкласса принадлежит только данному предмету, классу, подклассу, хотя на самом деле это не так. Сужение сферы принадлежности признака предметам дает ложное высказывание. Высказывание « S имеет P » (p)

истинно, а суждение «Только S имеет P (q)» ложно, хотя различие, на первый взгляд, между p и q небольшое. Конечно, то же отношение имеется, когда p и q отрицательные суждения.

3. Бывает, что человек, найдя определенный признак у предмета (класса), делает вывод, что только этот признак принадлежит предмету, тем самым (или даже дополнительно) отрицается противоположный признак у предмета (класса).

Высказывания могут быть и отрицательными суждениями.

4. Предмету принадлежит признак, а человек отрицает это, и наоборот. Это случается, когда один предмет или все предметы класса обладают (или не обладают) признаком.

5. Признак части переносится на целое, а признак элемента совокупности—на совокупность (и наоборот).

Изучение этих отношений позволяет лучше понять абсолютность и относительность различия между истинными и ложными мыслями.

Ложные высказывания отличаются между собой по степени ложности. Например, в классе предметов ни один предмет не имеет какого-то признака. Высказывание «Все S имеют P » отличается по степени ложности от суждения «Только некоторые S не имеют P ». Таким образом, суждения в сравнении друг с другом могут быть более ложными или менее ложными, соответственно — быть дальше или ближе к истине.

Если при сопоставлении отдельных суждений в определенном отношении более или менее легко отличить ложное высказывание от истинного, то это становится затруднительно сделать, когда противопоставляются две теории, гипотезы, два учения и т. д. Здесь определенная оценка возможна только по исходным идеям, принципам, ибо нет такого учения, которое состояло бы сплошь из окончательных истин. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что, когда в математику были введены переменные величины, она совершила грехопадение: она вкусила от яблока познания, и это открыло ей путь к гигантским успехам, но вместе с тем и к заблуждениям.

«Еще хуже обстоит дело в астрономии и механике, а в физике и химии находишься среди гипотез, словно в центре пчелиного роя»⁷⁷⁾. Не лучше положение в биологии и общественных науках. «Поэтому в действительно научных трудах избегают обыкновенно таких догматически-моралистических выражений, как заблуждение и истина...»⁷⁸⁾.

Ф. Энгельс подчеркивал, что истина и заблуждение имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области. Как только мы станем при- менять противоположность истины и заблуждения вне границ этой области, эта противоположность делается негодной для точного научного способа выражения. Дей- ствительно, разве можно, например, определить фило- софию Гегеля как ложную в целом, а все произведения Чернышевского как истинные? Конечно, это не значит, что ту или иную теорию нельзя оценивать по главным ее положениям, вести борьбу с ложными суждениями, в том числе идеализмом и метафизикой.

Надо сказать, что выдвинувшие противоположные концепции иногда спорят зря. Когда сталкиваются про- тивоположные воззрения, возможны следующие отноше- ния: между ними:

- 1) одно теоретическое построение истинно, другое — ложно в одном отношении;
- 2) оба истинны в разных отношениях;
- 3) оба ложны в одном отношении.

В познании — обыденном и научно-организованном — также действует закон отрицания отрицания. Истина и заблуждение — две противоположности, не существую- щие друг без друга и в то же время отрицающие друг друга. В борьбе они переходят друг в друга.

Развитие знаний об объекте идет по спирали. Раз- витие познания объекта идет так: схватывается одна сторона объекта, а вторая, противоположная, отражает- ся другой теорией; борьба этих противоположных теорий приводит к очищению их от заблуждений, преувеличе- ний, искажений, односторонности, к синтезу этих теорий. Первой теории, надо сказать, предшествует слитное, пе-

⁷⁷⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, М., 1961, стр. 89.

⁷⁸⁾ Там же, стр. 93.

дифференцированное представление об объекте. А синтетическая теория, возникшая в результате отрицания отрицания, становится основой для дальнейшего углубления в объект, как и первая. Это углубление связано с раздвоением единого, оно ведет к односторонностям, а через это — снова к синтезу противоположных концепций и т. д. (по спирали). Те или иные моменты этой схемы могут быть сжатыми или растянутыми.

«ВИНОВАТЫ» ЛИ В ЗАБЛУЖДЕНИЯХ ОРГАНЫ ЧУВСТВ?

Некоторые философы говорили, что несколько не «виноваты», другие утверждали, что только органы чувств и «виноваты» в заблуждениях, третьи — что «виноваты» отчасти, наряду с другими причинами. Кто же прав?

Ощущения относятся к психическому отражению. В книге «Основные вопросы теории познания» Ф. Ф. Кальсин пишет, что «у высших животных и у человека, кроме форм отражения, общих с мертвой природой (механических, физических, химических), имеются три высших формы отражения — физиологическая, психическая и познавательная, или гносеологическая»⁷⁹). И далее: «Качественное отличие познавательного нервного процесса от физиологического процесса состоит в том, что первый является одновременно идеальным «образом» объективного материального мира, а второй — этой особенности не имеет»⁸⁰). Действительно, познавательное отражение является отражением в образах. А эмоции, страсти, желания, волевые усилия и другие психические явления не являются образами. В этом отношении есть качественное различие между познанием и другими сферами психики, но из этого не следует, что познание, вопреки традиции, надо выделить из психического отражения. Познание — вид психического отражения и не единственный вид.

Говоря в «Материализме и эмпириокритицизме» о том, что в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая ма-

⁷⁹) Ф. Ф. Кальсин. Основные вопросы теории познания, Горький, 1957, стр. 6.

⁸⁰) Там же, стр. 18.

терия). В. И. Ленин добавляет, что в фундаменте самостоятельного здания материи можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением. Эти положения направлены как против гилозоизма, так и против юмистской и субъективно-идеалистической абсолютизации специфичности, своеобразия ощущений. Оба эти течения проистекают из непонимания того, как могла возникнуть способность ощущения. Гилозоистам кажется, что, поскольку ощущения не могут возникнуть из ничего, не имея никакой основы, то, мол, вся материя ощущает. Юмисты же, видя, что в неорганической материи нет ощущений, сочли их за чрезвычайно своеобразное явление, чисто субъективное состояние.

Когда агностики и позитивисты говорят, что мы не можем никогда выйти за пределы сознания и сравнить наше познание с вещами, а поэтому-де должны говорить всегда не о вещах как таковых, а лишь о непосредственно данных опыта — ощущениях, то они исходят именно из этого мнения об ощущениях как особом, совершенно своеобразном явлении, как только субъективном состоянии, чисто внешнем по отношению к объективным предметам. Неверный тезис о невозможности выйти за пределы сферы сознания основывается на признании этого своеобразия ощущений. Этот аргумент обычно не доказывается, он предполагается доказанным.

Ленинская теория отражения направлена как против позитивистского и агностического подхода к ощущениям, так и против примитивного истолкования отражения, который имел место в старом материализме, как оттиска, отпечатка вещей в мозгу человека. Ощущение, восприятие — это не оттиск вещи, а образ предмета. Всякое же отражение, в том числе познавательное, происходит в соответствии с природой отражающего.

Ощущение отличается от психического отражения, в том числе раздражимости, тем, что оно является образом раздражителя. Раздражимость же не дает образа, хотя и содержит предпосылки для возникновения такого вида отражения. Раздражимость, как известно, — это способность отвечать на внешнее воздействие состоянием внутреннего возбуждения, но это внутреннее возбуждение не есть образ раздражителя.

Чувственными образами, кроме ощущений — элементарной формы чувственного познания, — являются вос-

приятя, представления. Связь образов ведет к возникновению новых в данной ситуации на материале старых. Это — наглядно-действенное мышление. Формами психического отражения являются также логические образы и их разнообразнейшие связи.

Рационалисты, третирующие чувственное познание, не понимают, что логическое познание (мышление) не может протекать без чувственного момента. Чтобы мыслить, нужно получить материал, чувственные данные, являющиеся основой для логического мышления. Чувственное и логическое находятся в единстве, взаимопроникают друг друга. Воспринимая, мы мыслим, воспринимаемое осмысливается нами. С. М. Степняк-Кравчинский в романе «Андрей Кожухов» рассказывает о таком эпизоде.

Зина провожала Андрея к Рохальскому, в квартире которого он должен был переночевать... Приближаясь к новому большому дому на одной из тихих улиц аристократического квартала, Зина указала Андрею на ряд освещенных окон в 3 этаже.

— Мы застанем его дома. У него, очевидно, гости, — сказала она.

— Однако в Дубравнике рано собираются по вечерам, да и народ скуповатый у вас, — ни одной кареты или извозчика не видать у подъезда, — удивился Андрей.

Когда они подошли поближе, Андрей заметил в доме через улицу, в одном из окон первого этажа, двух дам, смотревших на дом Рохальского. Андрей отправился на разведку. Входные двери были раскрыты настежь. В подъезде и на белой каменной лестнице виднелись следы ног, показавшиеся Андрею слишком большими и слишком многочисленными.

Он вошел в подъезд. Мертвая тишина царила в доме. Когда он поднялся до первого этажа, дверь одной из квартир тихонько отворилась, кто-то быстро взглянул на него и моментально скрылся. Дверь заперли изнутри и задвинули засов.

— Странно! — подумал Андрей. Нужно было во что бы то ни стало удостовериться ввиду предстоящего завтра собрания, безопасно ли у Рохальского.

Он быстро составил себе план действий. Он пройдет мимо 3 этажа и поднимется до 4; узнав, кто там живет, спустится к квартире Рохальского и позвонит. Если ему

отворит полиция, он назовет фамилию верхних жильцов, как будто ошибся дверью.

Поднявшись до 3 этажа, Андрей приостановился на мгновение. Он услышал шум отодвигаемого засова и бряцание шпюр. Прежде чем жандармы успели открыть двери, Андрей, обогнул выступы лестницы, и, как мяч, покатылся вниз. Зина ждала Андрея шагов за сто от дома.

— Жандармы! — шепнул Андрей, подходя к ней. Затем он самым любезным образом предложил ей руку и повел к дому Рохальского. Зина сразу одобрила тактику Андрея. Они не успели сделать 10 шагов, как дверь с шумом распахнулась и оттуда выскочило четверо взъерошенных жандармов. Они растерянно смотрели во все стороны, и не видя никого на улице, кроме медленно идущих им навстречу прилично одетых господина с дамою, подбежали к ним.

— Ваше благородие, — спросил один из них, — не заметили ли вы бежавшего человека?

— Из этой двери? — спросил Андрей. — С рыжей бородой, в серой шляпе? Он завернул в первую улицу направо.

Жандармы помчались.

Без определенных чувственных впечатлений Андрей не пришел бы к мысли, что у Рохальского небезопасно. Но выводы его не равны этим чувственным данным. Мышление основывается на данных органов чувств. Ощущения — источник знаний о мире, хотя знания и не сводятся к сумме чувственных данных. Абстрактное мышление не может быть свободным от «груза» чувственных данных. В этом сила и в этом же один из источников заблуждений. Можно привести немало примеров тому, как ум человека, оказавшись на поводу у чувственных данных, породил заблуждения. Вот место из романа И. С. Тургенева «Рудин».

Рудин спрашивает Пигасова:

— Почему же верите вы в факты?

— Как почему? Вот прекрасно! Факты дело известное, всякий знает, что такое факты... Я сужу о них по опыту, по собственному чувству.

— Да разве чувство не может обмануть вас? Чувство вам говорит, что солнце вокруг земли ходит... или, может быть, вы не согласны с Коперником? Вы и ему не верите?

Налицо противоречие: чувственные данные — источник знаний, они заслуживают доверия, и в то же время в другом отношении они не заслуживают доверия. Находясь на земле, человек не может увидеть непосредственно движение ее вокруг солнца. Несомненно, что эти чувственные данные повлияли на возникновение взглядов, по которым Земля — центр Вселенной. Потребовались века, чтобы в астрономии вместо геоцентрической системы Птолемея восторжествовала гелиоцентрическая система Коперника. Коперник основывался на других чувственных данных (наблюдениях за движением планет и звезд с Земли) и тоже впал в односторонность. Ограниченность обеих систем была преодолена современной астрономией, вооруженной теорией относительности. Нельзя сказать, что системы Птолемея и Коперника были совершенно чисты от отражения сущности: ведь явление без сущности не существует, но они были односторонни. Они не обманывают нас, ибо показывают действительность, но и обманывают, ибо не схватывают всех связей и отношений.

Вот еще пример. В физике длительное время господствовала теория сплошного строения вещества (теория сплошности). Эта теория возникла из непосредственных наблюдений. При рассмотрении, например, куска металла нам представляется, что весь его объем непрерывно заполнен однородным веществом. Аналогичная картина имеет место для жидкостей и газов. Опытное изучение зависимости линейных размеров твердых тел от различных физических воздействий показало, в частности, изменение линейных размеров их при воздействии внешних сил, а также и при нагревании. Эти изменения теория сплошного строения вещества объяснить не в состоянии. Теория сплошности противоречила физическому эксперименту и была отвергнута. О чем же свидетельствует этот факт? О том, что именно с помощью чувств мы раскрываем, какова действительность, какова она объективно, на самом деле, но требуется работа ума, чтобы вскрыть за явлением сущность, схватить единство противоположностей, в частности, прерывности и непрерывности.

И в подобных примерах имеется то же самое. Палка, опущенная в воду, видится переломленной не потому, что «лгут глаза», а потому, что солнечные лучи при переходе из одной среды в другую преломляются. Рельсы видятся

сходящимися, удаляющийся человек уменьшается в восприятии. Звезды кажутся крошечными в силу действия законов распространения света. Все это факты действительности, чувства не обманывают нас. Факты эти заслуживают изучения наряду с другими. Есть отношения между вещами, и есть отношения человека и предметов.

Прибор (например, фотоаппарат) регистрирует то же, что и глаз. И все же, чувства «виноваты», «обманывают» нас, ибо не вскрывают иное, «стоящее» за взаимодействующими системами (палка остается прямой, рельсы не сходятся, звезды огромны и т. д.). Из-за этого могут возникнуть ошибки: человек может пойти на эхо, а не на источник звука, преувеличить или уменьшить размеры предмета и т. д. Когда начинает двигаться стоявший рядом с нашим поезд, то пассажиры могут решить, что двинулся тот, в котором они находятся. Костюм с поперечными полосами делает человека невысокого роста еще ниже. Миражи могут породить также заблуждения. Известна, например, легенда о «Летучем Голландце» — парусном корабле-призраке, на котором плавают мертвецы.

Так что, как говорил Козьма Прутков, «не верь глазам своим». Еще в древности люди заметили расхождение между свидетельствами органов чувств и выводами разума. Скептики, приводя факты таких расхождений, делали вывод о принципиальном недоверии к органам чувств да и к разуму, который опирается на них. Но ведь «обман» раскрывается тоже ведь с помощью новых ощущений, наблюдений, когда меняются связи предмета со средой.

Каждый односторонний взгляд что-то метафизически преувеличивает. Скептики и рационалисты раздували факты «обмана», сенсуалисты и эмпирики, в том числе позитивисты-махисты и другие, — факты свидетельства органов чувств о связях предмета и среды, об изменении условий восприятия. Не следует смешивать два вопроса. Первый: показывают ли нам органы чувств, какова действительность на самом деле, можно ли в принципе доверять данным органов чувств? На этот вопрос есть один правильный ответ: да. Второй вопрос: то, о чем свидетельствуют органы чувств, и есть объективная реальность целиком? На этот вопрос можно решительно ответить: нет. Это значит, что чувственные впечатления

о мире не «обманывают» нас и «обманывают». Оба эти утверждения правильны, но по отношению к разному. Чувственные данные показывают, какова действительность, но они недостаточны, чтобы вскрыть сразу разные связи и отношения. Ум, не поднимаясь выше чувственных впечатлений, впадает в односторонность, заблуждения.

К источникам заблуждений относятся и другие особенности чувственного познания. Известно, что не все раздражения ощущаются. Не ощущаются те, которые находятся вне порогов ощущений. Возникновение образа зависит от натренированности, состояния нервной системы. Заторможенность того или иного участка головного мозга является причиной того, что человек не услышал, не увидел, не почувствовал что-то, что может быть источником ложного отрицания факта. Восприятие зависит от степени возбудимости и заторможенности участков головного мозга. А иррадиация возбуждения приводит к тому, что в обыденной жизни именуется «обознался».

Становление приходящего в кору импульса в ощущение обуславливается как внешними факторами, так и внутрикорковыми отношениями. Из внешних факторов здесь имеют значение определенный уровень силы и частоты раздражающих импульсов, время их действия и т. п. Внутрикорковые отношения обуславливают формирование ощущения в силу того, что они определяют уровень возбудимости участка действия приходящих в кору импульсов и условия, затрудняющие или облегчающие дифференцировку процессов, их протекания во времени, их связь между собой и т. п.

Эти же причины могут вызвать явное искажение предмета в восприятии, ошибочный образ, как при дальнозрении или при заболеваниях, при которых мед кажется горьким. Но эти образы ошибочны не вообще, не безусловно. Ведь при некоторых заболеваниях мед не может быть воспринят как сладкий.

В. И. Ленин, излагая материалистическую теорию отражения, писал: «...вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой»⁸¹).

⁸¹) В. И. Ленин. Полн. собр. соч. изд. 5-е, т. 18, М., 1961, стр. 109—110.

Материализм утверждает, как говорил В. И. Ленин, что чувства дают нам верные изображения вещей, что мы знаем самые эти вещи. Ошибочным образом является не вообще, а по отношению к данному объекту. При повторении воздействия раздражителя происходит приглушение остроты его восприятия. Небольшой груз, многократно действовавший на один и тот же участок кожи, перестает вызывать изменения сосудистой реакции, как и ощущение давления (адаптация). К запаху при выкают, вкусовые ощущения ослабевают. Замечено также, что холодное раздражение кожи, вместо обычной сосудосуживающей реакции, может вызвать сосудорасширяющую реакцию, если оно сочетается с условным сигналом теплового раздражения. Человек в таких случаях ощущает не холод, а тепло. А тепловое раздражение, вызывающее обычно сосудорасширяющую реакцию, в сочетании с условным сигналом боли вызывает сосудосуживающую реакцию и ощущение боли, хотя боль и не причиняется.

Каждый случай неадекватного отражения причинно обусловлен. В принципе всегда можно объяснить, почему возникло ошибочное ощущение, восприятие, представление.

Средства познания, усиливающие и дополняющие познавательные способности человека, можно разделить на те, которые усиливают чувственный момент или рациональный, или тот и другой. ЭВМ, например, усиливают рациональный момент. Средства познания являются средствами труда и наоборот.

Вооруженность человека средствами познания все время возрастает в зависимости от развития техники. Использование средств познания не только способствует прогрессу познания, но и таит в себе возможность заблуждений. Специфическими ошибками, связанными с использованием приборов и других средств познания, являются те, которые проистекают от технических неполадок, изношенности, «усталости» машины, влияния среды (температуры и т. д.); учет чего необходим и врачом, и следователем, и инженером, любым работником. Важно также всегда иметь в виду влияние прибора на объект и наоборот. Прибор тоже отражается на объек-

те, что иногда приводит к такому изменению объекта, что человек может быть введен в заблуждение.

Итак, мышление возникает и протекает на основе чувственных данных. Поскольку человек воспринимает, он называет. Поскольку называет, он мыслит. Это дает возможность обобщения и абстрагирования, возможность проникнуть за явления в сущность, вскрыть необходимость. Мысль не может быть совершенно чистой от чувственных данных. Даже самые абстрактные мысли отягощены «грузом» чувственного материала.

КАК ВОЗНИКАЮТ ЛОЖНЫЕ ВЫВОДЫ

Чувственные впечатления являются основой для работы мышления. Мыслительная деятельность развертывается не только тогда, когда исходит из непосредственных чувственных данных, но и тогда, когда идет от достигнутых истин, которые, конечно, являются в конечном счете обобщением чувственных данных. Характерна в этом отношении работа П. Н. Лебедева. Лебедев стремился найти и измерить давление света. Как решил задачу Лебедев? Если свет оказывает давление, то он должен вести себя в отношении тела, на которое он будет давить, аналогично тому, как воздух ведет себя по отношению к тем телам, на которые он давит. Материальность воздуха легко обнаруживается во время движения воздуха, когда дует ветер; человек практически давно использовал это движение, создав ветряные мельницы.

Лебедев рассуждал: если свет обладает давлением, а значит, и массой, то он должен себя вести в принципе так же, как воздух, который приводит в движение крылья ветряной мельницы. Лебедев поставил следующий эксперимент: в безвоздушном темном пространстве на тонкий стержень надета очень легкая подвижная конструкция с лопастями, нечто вроде «световой мельнички», затем через окошечко (для пропуска света) на одну из ее лопастей направляется сильный пучок света. Если свет оказывает давление, то мельничка придет в движение. Оказалось, что мельничка стала вертеться, значит, свет оказывает давление.

Истина есть результат логического познания, умственной деятельности. Разум открывает закономерности

природы, общества и самого мышления. С помощью мышления люди открывают даже то, что непосредственно недоступно на данном этапе познания органам чувств. Становление новых понятий, суждений и т. д. происходит не вне связи с другими суждениями, умозаклучениями, понятиями.

Некоторые суждения возникают на основе восприятий: человек высказывает суждение о воспринимаемом, не умозаклучая. В таких случаях кажется, что суждение никакого отношения к другим мыслям не имеет. В действительности же самые простейшие суждения опосредствованы предшествующим опытом, мыслительной деятельностью. Чтобы сказать, например, что этот стол черный, надо знать, что такое черный цвет, отличать стол от других предметов мебели и т. д.

В умозаклучении же связь мыслей такова, что она дает новую мысль. В акте умозаклучения мысль (суждение) вытекает из посылок, имеющих общее звено. Истинность вывода здесь непосредственно зависит от истинности посылок. Бывают, конечно, случаи получения верной мысли из ложных посылок, но многие новые заблуждения возникают именно потому, что в основе рассуждения лежала какая-то ложная мысль. Ф. Энгельс писал: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности...»⁸²).

Неверные взгляды могут быть восприняты человеком от других людей и влиять затем на оценку событий, поступков. В капиталистических странах школа, церковь, печать и радио насаждают идеализм, религиозные верования, буржуазные предрассудки.

При наличии ложной посылки мышление «срабатывает» так же, как и при истинной: вывод неизбежно будет сделан, поскольку у мыслей есть общее, связующее звено. Ложные выводы могут, став посылками в других умозаклучениях, породить новые заблуждения. Случаи получения ложного заключения из истинных посылок некоторые логики-идеалисты рассматривают как результат нарушения законов мышления. Английский логик С. Джевонс, например, писал: «Законы мышления часто называют необходимыми законами, т. е. такими, непови-

⁸²) Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 317.

повение которым невозможно. Однако же, разве мы не видим на деле, что эти законы часто не исполняются?»⁸³).

Логические законы мышления имеют необходимый и объективный характер. Логические законы не нарушаются в процессе умозаключения. Так называемое «учетверение терминов» не опровергает это положение, а наоборот, подтверждает. При анализе этой ошибки может показаться, что при «учетверении терминов» в умозаключении связываются посылки, не имеющие последующего звена. Однако это не так.

Ф. Энгельс в статье «К жилищному вопросу» рассказывает следующий анекдот. Один старый майор приказал позвать своего вольноопределяющегося:

— Послушайте! Вы, говорят, доктор,— заходите же ко мне время от времени; когда имеешь жену и семерых детей, всегда найдется, кого полечить.

Вольноопределяющийся: — Виноват, господин майор, я доктор философии!

Майор: — Это для меня безразлично, доктор есть доктор.

Майор рассуждал так: доктор может лечить, вольноопределяющийся — доктор, следовательно, он может лечить. Майор знал только один вид докторов — врачей, для него всякий доктор есть доктор (врач). Средний термин в посылках этого умозаключения тождествен самому себе. Неверный вывод возник потому, что майор имел лишь понятие о докторе как враче.

Рассмотрим также рассуждение Ломброзо в книге «Гений и безумие»: безумный человек — ненормален, но и гений — это тоже необычайный, следовательно, ненормальный человек, поэтому гений и безумец идентичны. В этом умозаключении средний термин тождествен самому себе в посылках (ненормальный — отклоняющийся от обычного). Ошибка здесь также обусловлена не нарушением закона тождества, а тем, что Ломброзо, в частности, не посчитался с многозначностью слова «ненормальный». В суждении: «безумец — ненормален» Ломброзо заменяет действительное значение слова «ненормален» другим значением, что привело

⁸³) Стенли Джевонс. Основы науки. Трактат о логике и научном методе, СПб, 1881, стр. 7.

к отождествлению нетождественного, к ложному заключению.

Такая возможность отождествления нетождественного, отклонения от нормы, вытекающей из закона тождества, есть. Во многих островах эта возможность используется, и чем неожиданнее отождествление, тем эффектнее острова. В этих случаях есть логическая ошибка — отклонение от нормы, вытекающей из закона тождества, являющегося одним из условий достижения истинного вывода. Отклонение от нормы состоит в том, что отождествляется то, что в действительности нетождественно. (N — не врач, гений не является ненормальным и т. д.).

Возможность возникновения ложных выводов в умозаклучениях содержится в самом мышлении, ибо некоторые формы связей истинных мыслей могут дать как верное заключение, так и неверное. Аналогия, имеющая форму:

А присущи признаки *a, в, с*.

В присущи признаки *a, в, с, d*,

ведет лишь к вероятному выводу о принадлежности признака к предмету А. Немало верных суждений было получено людьми именно по этой форме умозаклучения.

«Известны случаи, когда на основании сравнения одинакового возраста горных пород геологи заранее предсказывают наличие ископаемых в новых местах. Так, например, в 1929 г. у селения Верхне-Чусовские Городки из слоев нижнепермского возраста была получена нефть. В это же время геолог А. А. Блохин, изучая окрестности Стерлитамака, установил, что здесь такие же горные породы и такого же возраста, как и у Верхне-Чусовских Городков. Решено было заложить южнее Стерлитамака (около Ишимбая) буровую скважину на нефть. Когда пробурили более 800 метров, то из скважины с оглужительным взрывом вырвался мощный фонтан газов и нефти»⁸⁴).

Но некоторые заблуждения возникли из аналогий. Одним из видов умозаклучений, связь истинных посылок в котором может дать как верную, так и неверную мысль (в разных случаях, конечно), является категори-

⁸⁴) А. Буркин. Как люди определили возраст земли. «Ответы на вопросы трудящихся», вып. 99, 1959, стр. 55.

ческий силлогизм, в котором средний термин не распределен ни в одной из посылок.

Джек Лондон в рассказе «Польза сомнений» повествует о следующем случае. Картер Уотсон, автор книг о рабочем классе и обитателях трущоб, зашел в бар «Вандом». Владелец бара Пэтси Хоран был зол на весь мир. Но Картер Уотсон не знал этого. Пока он двигался по коридорчику, угрюмый взгляд Пэтси Хорана случайно упал на обложку журнала, который Картер держал под мышкой. Пэтси не знал Картера Уотсона, не знал и того, что под мышкой у него иллюстрированный журнал. Томимый хандрою, Пэтси решил, что незнакомец принадлежит к разряду тех назойливых субъектов, которые портят и уродуют стены его помещения, наклеивая на них или прикалывая кнопками, рекламы. Раскрашенная обложка журнала показалась ему такого рода рекламой. С этого и началась история. Пэтси с ножом и вилкой кинулся к Картеру Уотсону.

— Вон отсюда! — взревел Пэтси. — Знаю твои штуки! Картер Уотсон опешил».

Выводы владельца «Вандома», что у незнакомца под мышкой реклама и что незнакомец — расклейщик реклам, были неверными. Первый вывод Пэтси Хоран сделал из истинных посылок. В рассказе Джека Лондона говорится, что Пэтси принял журнал, имеющий раскрашенную обложку, за рекламу. Пэтси знал, что рекламы обычно ярко раскрашены. То, что держал под мышкой незнакомец, имело этот признак. Оба эти суждения верны, а вывод ложен: у Картера был журнал, а не реклама.

Были ли основания для какого-нибудь вывода из названных посылок? Если схематизировать процесс умозаключения Пэтси, то его можно представить так:

Класс *K* имеет признак *a*.

N имеет этот признак.

Следовательно, *N* входит в *K*.

Ошибка Пэтси состоит не в том, что он сделал вывод: он не мог не сделать его, ибо из посылок, имеющих связующее звено, вывод с неизбежностью следовал. Но заключение является вероятным суждением, так как посылки являются достаточным основанием для предположения, но не для достоверного вывода. Пэтси Хоран ошибся, приняв свой вывод за достоверный, а ошибся потому, что «был зол на весь мир».

Владелец «Вандома» совершил отход от логической нормы, вытекающей, в частности, из закона достаточного основания. Логическая ошибка здесь есть. Мы не можем согласиться с мнением В. Н. Мороза, высказанным им в книге «Насущные вопросы логики»: «К счастью для человечества, никто (за исключением ненормальных) не делает логических ошибок в прямом смысле слова как в силлогизмах, так и в других формах движения мысли...»⁸⁵).

В. Н. Мороз считает, что люди превосходно могут обходиться без «правил мышления», что учение о формальном критерии истинности ложно. Это ошибочное мнение. Оно вытекает из другого неправильного утверждения В. Н. Мороза, сходного с утверждением Н. Я. Грота, что причина ошибок — незнание. В. Н. Мороз не хочет замечать случаев возникновения из истинных посылок ложных выводов. Логические правила потому и нужны, что они показывают, когда может возникнуть ошибочное заключение.

Форма категорического силлогизма с нераспределенным средним термином в истинных посылках содержит возможность получения ложного вывода, но это не дает оснований утверждать, что форма эта «ошибочна», «неправильна», что заключать по ней нельзя. Следовательно совершил бы ошибку, если бы не сделал вывода из следующих посылок. Известно, что у каменщиков и штукатуров, работающих долгое время при постройке и ремонте домов и вынужденных ходить по узким доскам лесов, наблюдается привычка ставить ступни ног параллельно друг другу с неразвернутыми носками. Следы ног преступника шли параллельно друг другу, а не с развернутыми в стороны носками. Эти посылки дают основание предполагать, что преступник — каменщик или штукатур. Это суждение требует еще проверки.

В весьма трудное положение попали бы врачи, если бы они отказались делать выводы, когда средний термин не распределен в посылках силлогизма. Ведь врач, ставя диагноз, судит о характере заболевания по симптомам, которые в большинстве случаев не являются отличительными. Если врач свой диагноз сочтет за окончатель-

⁸⁵ В. Н. Мороз. Насущные вопросы логики, Ташкент, Изд. САГУ, 1955, стр. 33.

ный и не требующий проверки, он может ошибиться. Характерен в этом отношении следующий пример. Д. И. Менделеев в юности был тяжело болен. Врачи решили, что у него последняя степень чахотки: время от времени у него горлом шла кровь. Тогдашние врачи долго не могли распознать истинной причины этих кровотечений. А их вызывал совсем не смертельный и при известных условиях даже не очень опасный порок сердечного клапана.

Человеческому уму свойственно идти от утверждения следствия к утверждению основания. Известно, что такой ход мыслей не гарантирует истинности вывода, поскольку одно и то же следствие может быть вызвано разными носителями причины. Но было бы неправильно считать, что в таких случаях нельзя делать вообще вывода. Часть таких выводов оказывается истинной. Если бы этого не было, люди бы никогда не мыслили, идя от следствия к основанию. Но такой ход мысли может привести к ложному заключению.

В одном из своих романов Б. Прус рассказывает о следующем случае. Участник неудавшегося восстания, спасаясь от преследователей, проявляет мужество, изобретательность и, уже чувствуя себя в безопасности, заходит в деревню и располагается на чердаке хаты на отдых. Вдруг он видит, что в деревню въезжает отряд кавалеристов, из тех, что преследовали восставших. Двое из них спешиваются, подбегают к хате и стучат в дверь. Все ясно — кто-то его выдал, они пришли за ним. Он вынимает револьвер и стреляет себе в лоб. Кавалеристы, достучавшись, попросили у хозяйки воды, напились и побежали к своим. Выстрела никто и не расслышал.

Вывод участника восстания был неверен, хотя основания для предположения были. Герой романа имел право предполагать, что кавалеристы явились за ним. Известно, что если преследователи хотят взять преследуемого и знают, где он находится, они приходят туда, где спрятался преследуемый. В данном случае было именно это: преследователи явились туда, где находился участник восстания. Достоверного вывода из этих посылок сделать было нельзя. Рассуждение идет по такой схеме:

$$p \rightarrow q$$

q есть

Вероятно, есть p

Некоторые гипотезы возникают в результате умозаключений по этой форме. Она имеет право стоять в ряду с такими формами умозаключений, как аналогия, которая упоминалась выше, как популярная индукция, тоже могущая при истинности посылок дать ложный вывод, который называется «поспешным обобщением». Этот спосок можно дополнить и другими формами, в частности той, которую называют ошибки *post hoc, ergo propter hoc* («после того, значит, вследствие того»).

Никакой ошибки нет в том, что человек мыслит по этим формам, хотя они и могут привести к ложному выводу. Ошибка заключается в том, что вывод, требующий проверки, принимается за достоверный, т. е. такой, истинность которого не подлежит сомнению.

Формальная логика, изучая условия, при которых из посылок следует истинный вывод, и условия, при которых заключение может быть ложным, вносит свой вклад в изучение гносеологических корней заблуждений.

Может быть сочетание ложности одной или более посылок с ошибкой в ходе рассуждения. Гоголь в «Мертвых душах» рассказывает, как Чичиков в разговоре с Плюшкиным изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех умерших крестьян. «Предложение, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Он вытаращил глаза, долго смотрел на него и, наконец, спросил: «Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?»

«Нет, — отвечал Чичиков довольно лукаво, — служил по статской»...

«Услыша, что даже издержки по купчей он принимает на себя, Плюшкин заключил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а верно, был в офицерах и волочился за актерками». Плюшкин рассуждал:

Все военные глупы.

Чичиков глуп.

Следовательно, Чичиков был военным.

В умозаключении Плюшкина ложна первая посылка в такой общей форме и средний термин не распределен ни в одной из посылок, т. е. нет ни первого, ни второго условия для получения правильности вывода.

Познание не есть зеркально-мертвый акт, приближение мышления к объекту, есть процесс, не исключающий возможности искаженного отражения, ложных мыслей, преобладания в некоторых случаях субъективных элементов в мыслимом содержании. «Сознание человека, наука («der Begriff») отражают сущность, субстанцию природы, но в то же время это сознание есть внешнее по отношению к природе (не сразу, не просто совпадающее с ней)», — писал В. И. Ленин⁸⁶).

Образование нового понятия, суждения, получение нового вывода есть результат познавательной деятельности людей, углубления знаний. В. И. Ленин писал, что уже самое простое обобщение, простейшее образование понятий, суждений, заключений и т. д. означает познание человеком все более и более глубокой объективной связи мира. Смена одних понятий, положений, выводов другими, более правильно отражающими реальность, изменение, переход, уточнение их, — вот что мы видим при изучении истории наук.

Многие суждения являются результатом умозаключений. Мысль, суждение, возникнув на основе других, начинает употребляться как самостоятельная и как посылка в других умозаключениях. Из того, что в умозаключении могут быть уже известные человеку, человечеству суждения — посылки, не следует, что новизна нового умозаключения только в выводе. Новизна и в том, что возникла, осуществилась имеющаяся в возможности связь посылок. Часто бывают известны суждения, могущие быть посылками, но используемые разрозненно. Но однажды, при решении какого-нибудь вопроса, они связываются и возникает новая мысль.

Не всякое новое умозаключение — кратковременный акт. Уже первые детские индуктивные выводы возникают на основе ряда осознанных впечатлений, накопленных в разное время и в разной обстановке. Еще сложнее дело обстоит в научном познании.

Гегель писал: «Уже ребенку рекомендуют размышлять, ему предлагают, например, согласовывать имена прилагательные с именами существительными. Он должен вникать и различать, он должен вспоминать правило

⁸⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 29, 1961, ст. 170.

и поступать согласно этому правилу в частном случае. Правило есть не что иное, как всеобщее, и ребенок должен приводить особенное в соответствии со всеобщим. Мы затем ставим себе в жизни цели. При этом мы размышляем о том, какими средствами мы можем их достигнуть. Цель есть здесь всеобщее, руководящее, и мы обладаем средствами и орудиями, деятельность которых мы определяем соответственно этим целям. Сходное с этим размышлением имеет место в моральных вопросах. Размышлять означает здесь вспоминать право, долг, то всеобщее, согласно которому, как твердо установленному правилу, мы должны вести себя в данном частном случае. В нашем особенном поведении должно содержаться и распознаваться всеобщее определение. То же самое мы находим в нашем отношении к явлениям природы».

Гегель продолжает: «Мы замечаем, например, гром и молнию. Это явление нам знакомо, и мы его часто воспринимаем. Но человек не удовлетворяется одним лишь знакомством с явлением, одним лишь чувственным явлением; он хочет знать, что скрывается за последним, хочет знать, что оно представляет собою, хочет его постигнуть. Мы поэтому размышляем, стремимся узнать причину, как нечто отличное от явления, как такового, стремимся узнать внутреннюю сущность в ее отличии от лишь внешнего. Мы, таким образом, удвояем явление, ломаем его надвое: на внутреннее и внешнее, на силу и проявление, на причину и действие. Внутреннее, сила, здесь опять-таки есть всеобщее, постоянное, не та или другая молния, не то или другое растение, а то, что остается одним и тем же во всем. Чувственное есть некое единичное и исчезающее, а то, что в нем постоянно, мы узнаем посредством размышления...»⁸⁷⁾.

Индукция, дедукция и традукция — отличные друг от друга умозаключения. Они не есть нечто изолированное друг от друга. Их не разделяют непроходимые пропасти. Энгельс говорил: «Вместо того чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из

⁸⁷⁾ Гегель. Соч., т. 1, М.—Л., 1930, стр. 48—49.

виду их связь между собою, их взаимное дополнение друг друга»⁸⁸).

Итак, каких-то «ошибочных» форм умозаключений нет. Не может быть также и нарушений законов мышления, когда из истинных посылок делается ложный вывод. Новая мысль вытекает из других в силу действия законов мышления, и вне этого действия получение вывода невозможно. Поскольку мысли имеют связывающее звено (средний термин), вывод следует с необходимостью. В акте умозаключения раскрывается связь одного со вторым, второго с третьим, а в выводе — первого с третьим. Число связей может быть и больше. Это — общее содержание умозаключений. При одних условиях вывод при истинных посылках достоверен, при других он лишь вероятен, т. е. может быть ложным. Сказанное, однако, не означает, что человек не делает ошибок, умозаключая.

Итак, человек заблуждается, когда он ищет истину. Заблуждения не являются чем-то таким, что чуждо мышлению людей. Тот же ум человека, который дает истину, рождает при определенных условиях ложные идеи. Некоторые из старых материалистов, не видевшие диалектики познания, склонны были объявлять заблуждения следствием невежества и сознательного обмана. Несомненно, что человек может быть введен в заблуждение обманщиком, но только обманом нельзя объяснить появление всех заблуждений. Выше уже было показано, что можно ошибиться и не осознавать того, что ошибаешься.

Отсутствие знаний о предмете, невежество таят в себе возможность появления заблуждений относительно его, но само по себе незнание не есть ложная мысль. Конечно, религиозные воззрения не возникли, если бы наши далекие предки знали действительные причины явлений, но незнание — и не причина возникновения религии, а условие. Если признать незнание причиной ложных взглядов, то тогда невозможно объяснить, почему процесс познания идет от незнания к знанию: ведь тогда он должен идти от незнания к заблуждению.

Французские материалисты, считающие, что религия — результат невежества, обмана, не смогли дать научное

⁸⁸) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, М., 1961, стр. 542—543.

объяснение, почему она возникла. Незнанием объясняет и В. Мезенцев возникновение в древности суеверий. Он пишет: «Не зная действительных причин природных явлений, наши далекие предки стали обожествлять силы природы, наделять их свойствами, присущими самим людям»⁸⁹). И далее: «Люди не знали причин таких явлений, как обморок, смерть, сон, и думали, что во всех этих случаях из тела человека «что-то» уходит. Особенно загадочны были для первобытного человека сновидения. Во время сна он видел знакомые ему образы не только живых людей, но и умерших. Значит, думали люди, «душа» человека может уходить, отделяться от тела, причем во время сна или обморока она уходит из тела временно, а когда человек умирает, покидает его совсем и продолжает жить где-то вне тела. Так возникла вера в загробный мир»⁹⁰).

Ж. Ж. Руссо однажды сказал, что заблуждаются люди не потому, что не знают, а потому, что воображают себя знающими.

Если под незнанием понимать не незнание как таковое, а наличие заблуждений в голове человека, то тогда можно говорить о прямой зависимости заблуждения от такого незнания. Именно это и указанное выше имел в виду, вероятно, В. И. Ленин, когда говорил, что физики конца XIX и начала XX вв. свихнулись в идеализм потому, что не знали диалектики. Метафизические воззрения физиков привели их к релятивизму и идеализму.

Вне деятельности ума не могут появиться неверные понятия, ложные суждения, выводы, гипотезы. Те же формы мышления, которые дают истину, могут дать и ложь. Кроме того, как писал В. И. Ленин в «Философских тетрадах», «изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия»⁹¹). Это огрубление может превратиться в метафизическую односторонность и упрощенчество. Человек может, сам того не заметив, сконцентрировать внимание лишь на одной стороне предмета, раздуть ее, упростить, не заметить другие и прийти к ложным выводам, ибо ум,

⁸⁹) В. Мезенцев. Есть ли чудеса в природе, Изд-во «Московский рабочий», 1956, стр. 5.

⁹⁰) Там же, стр. 6.

⁹¹) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 233

как это отмечено выше, может привести к неверным мыслям, опираясь на имеющееся в действительности.

В. И. Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» писал, что если истину сделать «чрезмерной», как говорил Дицген-отец, если ее преувеличить, распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд.

Мы видим, что чувственный и рациональный моменты содержат возможности заблуждений. Это значит, что корни заблуждений таятся в самом процессе познания. Их принято называть гносеологическими корнями. Название это надо понимать правильно. Речь идет не о теории познания, а о самом познании. Кстати, подобное перенесение названия науки на предметы — нередкое явление. Говорят, например, о «психологии» человека, имея в виду особенности его характера, стремлений, ума и т. п. Вместо «общественные идеи» употребляют термин «общественная идеология», когда говорят об идеях класса, социального слоя, народа. Такое словоупотребление может ввести в заблуждение. Ведь были же в нашей печати высказывания в том духе, что гносеологические корни идеализма кроются в неправильном понимании процесса познания, антинаучных теориях познания. Спрашивается, где же тогда корни неправильного понимания процесса познания? Л. П. Попова в статье «К вопросу о гносеологических корнях идеализма» пишет: «Гносеологические корни идеализма состоят в метафизическом искажении процесса познания, в отрыве мысли от материи, в отрыве сознания от бытия». Или вот еще суждение Л. П. Поповой. «Идеалисты спекулируют на чрезвычайной сложности познавательного процесса»⁹²). Если следовать взглядам Л. П. Поповой, то можно кое-как объяснить появление идеалистических теорий познания, но как объяснить идеализм, например, в социологии?

Гносеологические корни — это особенности самого процесса познания, которые порождают при определенных условиях заблуждения. Без абстрагирующей деятельности мышления невозможно познание единства

⁹²) Вопросы диалектического и исторического материализма, Академия общественных наук при ЦК КПСС, «Ученые записки», вып. 37, 1958, стр. 286.

общего и отдельного, сущности и явления и т. д. Абстракция изолирует признак, предмет, связь, отношение, ибо абстрагироваться — это значит отвлечься от одних признаков, и т. д. и выделить другие. Любая абстракция односторонняя, она есть в определенном смысле «отлет» от действительности. В абстракции мышление может уйти от других сторон, признаков, связей, раздуть одну сторону вплоть до отрицания других, до отрыва от противоположной. Отрыв общего от отдельного, превращение общего в нечто, существующее отдельно от отдельного, произошел вследствие абстрагирующей деятельности ума. Абстракция схватывает признак, отношение, короче говоря, что-то, не будучи в силах схватить и противоположное. Для этого нужна связь абстракций, т. е. конкретное мышление, всестороннее.

Говоря о возникновении идеализма, В. И. Ленин писал: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога?». И далее: «Раздвоение познания человека и *возможность идеализма (= религии) даны уже в первой элементарной абстракции...*»⁹³.

В. И. Ленин подчеркивал, что подход ума к вещи (отражение вещи) не есть простой, непосредственный зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета от жизни, т. е. заблуждений.

Итак, абстракция коварна, противоречива: без нее не обойтись, но она может породить одностороннее преувеличение чего-то, в том числе идеалистическое. Любая идеалистическая теория преувеличивает, односторонне раздувает что-то имеющееся в действительности или смешивает эклектически разные отношения. Плохо, если человек не умеет абстрагироваться, не умеет абстрактно мыслить (это может привести к ошибкам), но плохо и то, что человек не умеет мыслить конкретно, всесторонне, т. е. не идет от абстрактного к конкретному,

Углубление в детали может привести к «потере» целого, связей. Ф. Энгельс писал о гносеологических при-

⁹³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч. изд. 5-е, т. 29, М., 1963, стр. 229, 330.

чинах преобладания метафизики в период становления нового естествознания: «Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и предметов природы на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам — все это было основным условием тех исполинских успехов, которые были достигнуты в области познания природы за последние четыреста лет. Но тот же способ изучения оставил нам вместе с тем и привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как существенно изменчивые, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления»⁹⁴).

Анализ противоречив, как и абстракция, как любой другой прием мышления. Значит не только формы мышления, в частности умозаключения, содержат возможность заблуждений, но и логические приемы.

Мышление действует в связи с воображением, которое также противоречиво. Без воображения не может быть творческого полета мысли, но воображение может повлиять и на восприятия, и мышление отрицательно, хватить в сторону, способствовать порождению заблуждений.

Всякая односторонность есть концентрация возбуждения, что по закону взаимной индукции вызывает торможение впечатлений от других сторон предмета. Сосредоточиваясь на одном признаке объекта, человек все более и более «отходит» от объекта, что необходимо, но и вместе с тем может привести к заблуждениям.

ТРЕБОВАНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Метафизический метод является ближайшей причиной заблуждений. Рассмотрим этот метод в действии. Шарль Бонне, швейцарский натуралист, метафизик, за

⁹⁴) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, М., 1961, стр. 20—21.

метив в природе непрерывность, пришел к отрицанию противоположности ей. Односторонность, связанная с абсолютизацией одной противоположности и отрицанием другой, приводит Бонне к ложным утверждениям. В книге «Созерцание природы» (1764) он писал: «Во Вселенной все расположено порядочно; между всеми вещами находится союз, соотношение, связь и сцепление. Нет ничего такого, что бы непосредственно не происходило от предшествующего, и не означало бы собою существование последующего». Это высказывание в определенном отношении является верным. В определенном отношении, ибо оно раскрывает лишь одну сторону — взаимосвязь предметов, т. е. оно односторонне верно. Предметы вместе с тем разделены, существуют как нечто самостоятельное (минералы, виды животных и растений и т. д.), т. е. в мире есть и прерывность, неотделимая от непрерывности. Бонне же, замечая только непрерывность, продолжает рассуждать так: между самыми низкими в высочайшей степени телесного или духовного совершенства предметами «находится бесчисленное множество посредствующих степеней. Последование сих степеней составляет Всеобщую цепь. Она соединяет все существа, связует все Миры, объемлет все Сферы».

Бонне приходит, естественно, к выводу: «В природе нет скачков; все в оной идет постепенно и гладко»⁹⁵).

Лейбниц также утверждал, что природа не делает скачков, что всекак в области физических, так и нравственных (психических) явлений, связано постепенными переходами. Действительно, между классификационными единицами существуют переходные формы. Это и есть «застывшие скачки» от одного качества к другому, отличие которых друг от друга несомненно.

А вот пример из современной буржуазной философии. Барроуз Данэм в статье «Экзистенциализм» пишет: «Всем нам приходилось испытывать в жизни боль и горе, в большей или меньшей степени; но экзистенциалисту боль и горе представляются основой жизни. Все мы в какой-то мере интересуемся собой и своей личностью, но экзистенциалист склонен думать, что только его лич-

⁹⁵) Сочинение Г. Боннета. Созерцание природы, Смоленск, 1804, стр. 34, 46, 47.

ность имеет непреходящее значение»⁹⁵). В экзистенциалистские определения существования, бытия и других введено «несчастье». И здесь мы видим, как одностороннее раздувание того, что имеется в мире, приводит к ложным утверждениям.

Изолированное рассмотрение фактов приводит к метафизическим выводам. Факт вне связи с другими сам по себе ни о чем не свидетельствует. Одними и теми же фактами порой аргументируют прямо противоположные тезисы, вырывая факты из связей, подгоняя их под свои концепции. Имеют значение те факты, которые взяты в связи с другими. В. И. Ленин в статье «Еще раз о профсоюзах...» писал, что диалектика требует всестороннего рассмотрения предмета. Это значит, что надо видеть противоречивость предметов. Любому предмету присущи противоположные признаки. Известно, что релятивизм и догматизм в науке и в практике являются следствием одностороннего раздувания либо относительности, либо абсолютности, например, истины, норм морали.

Все высказывания по проблеме отношения абсолютного и относительного можно сгруппировать так:

1. Все абсолютно, нет ничего относительного (догматизм).

2. Все относительно, нет ничего абсолютного (релятивизм).

3. Есть в мире абсолютное и есть относительное; предмет, которому присущ признак абсолютности, не может быть относительным, и наоборот (эклетицизм, И. Ньютон и др.).

4. Все абсолютно и относительно в разных отношениях (диалектика).

Первое высказывание равнозначно суждению «Все только абсолютно», а второе равнозначно суждению «Все только относительно».

Возникают суждения, отрицающие единство абсолютного и относительного, в результате раздувания одного из этих признаков действительности. Заметив относительность всего, метафизик рассуждает: «Раз все относительно, значит нет ничего абсолютного». Метафизический метод ведет к тому, что верное суждение («Все от-

⁹⁵) Ж. «Вопросы философии», 1960, № 9, стр. 76.

носителем») преобразуется в ложное, ибо вводится слово «только», и получается заблуждение. Подобное происходит и при одностороннем раздувании абсолютности, т. е. и в этом случае отрицается наличие в предметах признака, противоположного обнаруженному. Метафизично и мнение, что в мире есть что-то абсолютное и есть, отдельно от абсолютного, относительное, что эти признаки не связаны друг с другом.

Абсолютный — это значит безотносительный, безусловный, полный, совершенный. Поскольку «абсолютный» и «относительный» противоположные термины, то смысл их выясняется через противопоставление. Относительно то, что противоположно абсолютному, является чем-то по отношению к другому.

Отношение между противоположностями не сводится к отношению между классами K и дополнением к классу $не-K$ в той или иной предметной области. Отношение между противоположностями является отношением контрадикторности и контрарности и не исчерпывается ни первым, ни вторым. Это отношение характеризуется тем, что противоположное входит в дополнение к классу $не-K$, но не занимает всего объема $не-K$, образуя в $не-K$ класс $У$, находящийся на другом полюсе по отношению к K . Все это изображается так:

K	$не-K$	
	$У$	
Добродетель	Невинность	Порок
Истина	Неведение	Заблуждение
Приближение	Равное расстояние	Удаление
+	○	—

Отождествление отношения между противоположностями с одним только отношением класса и дополнением к классу (контрадикторностью) неточно. Всегда есть такое, что не относится ни к K , ни к $У$ в определенном отношении. Это верно и по отношению ко всеобщему. Движение и покой всеобщи, но они не являются единственными признаками предметов (всеобщими являются качество и количество, необходимость и случайность и т. д.).

Добродетель и порок, истина и заблуждение, приближение и удаление противоположны по отношению друг к другу, но они имеют общее в отношении соответственно к невинности, неведению и т. д. Истина и заблуждение, как определенности, противоположны неведению, добродетель и порок, как определенные качества, противоположны невинности.

Как всякая схематизация, данная схема упрощает предмет, она односторонняя. Преувеличение, раздувание ее может привести к метафизическому отрыву противоположностей друг от друга. Противоположности не существуют в предметах друг без друга, они предполагают и исключают друг друга. Если предмету присущ какой-то признак, то ему присущ противоположный в другом отношении, т. е. любое является чем-то в одном отношении и противоположным в другом. Кроме того, всякий предмет есть единство множества противоположностей.

Если сравнить любых два объекта (A и B), то обнаружится, что они в чем-то различаются и что-то присуще и A , и B , является общим для них. Любые A и B имеют общее и различное.

В книге Н. Соловьева «Семья в советском обществе» утверждается безотносительно: «Что же касается идеализма, то он, имея с религией одни и те же классовые и гносеологические корни, так же, как религия, ведет человека по ложному пути»⁹⁷). Что на это можно сказать? Да, есть общее в корнях религии и идеализма, но есть и различное. Н. Соловьев не учитывает, что любые A и B в чем-то одинаковы и чем-то отличаются. Религия и идеализм имеют общее и отличное. На корни их распространяется сказанное. Кстати, религия возникла в первобытном обществе, когда не было классов.

В том, в чем предметы одинаковы, они не являются противоположными, а в том, в чем предметы отличаются друг от друга, в том они — иное по отношению к друг другу, т. е. в том они противоположны. Общее — признак, присущий A и B , различное — признак присущ A , но не присущ B (или наоборот). Это значит, что любые A и B находятся в чем-то в отношении противоре-

⁹⁷) Н. Соловьев. Семья в советском обществе. Госполитиздат, М., 1962, стр. 5.

чия и не находятся в ином. Нельзя сказать, что два или более предмета находятся в отношении вообще только противоречия. О любых двух предметах можно сказать, что они противоречат друг другу и нет. Выразим это в формуле: $(ARB) \wedge (\overline{ARB})$. Буква R в данном случае означает отношение противоречия, линия над второй частью означает отрицание, знак \wedge — и.

Если выяснено, что признак x является общим для A и B (например, поколений, империализма и раннего капитализма, художника и народа), то в этом отношении между ними нет противоречия. Если же окажется, что признак y присущ A , но не присущ B , то значит в этом отношении между ними есть противоречие того или иного характера.

Поскольку все противоречиво, само противоречие не существует вне связи со своей противоположностью — единством. А предметы едины в том, в чем сходны, одинаковы. Это значит, что утверждение о том, что предмет противоречив в одном и том же отношении, односторонне. В книге «Законы мышления» говорится, что взаимопроверяющиеся стороны отрицают друг друга «одновременно и в одном и том же отношении»⁹⁸).

Противоречие абсолютно и относительно. Оно сходно в этом с движением и покоем, скачком, необходимостью и случайностью и т. д. Абсолютность противоречия в его безотносительности, безусловной присущности, принадлежности всему. Полностью все, совершенно все предметы противоречивы. Любой предмет есть единство противоположностей, любые предметы противоречат друг другу. Относительность же противоречия в том, что противоречие в одном отношении связано с отсутствием его в другом отношении, точнее наличием единства, обуславливаемого наличием общего.

Безотносительное высказывание является тогда истинным, когда оно имеет вид $p \wedge \overline{p}$ и является высказыванием о предмете вообще (например, «все необходимо и случайно»). Но в определенном отношении верно одно из двух: $p \vee \overline{p}$. Диалектика тем и отличается от эклектики и софистики, что она требует определенного ответа на поставленный вопрос, в котором строго указано отношение. Ответ в форме «и да, и нет» обязателен на безот-

⁹⁸) Законы мышления, Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 27.

носителем поставленные вопросы, ответ же однозначный («да», «нет») обязателен в строго определенных отношениях. Попытки уйти от определенного, однозначного ответа в последнем случае, «пожимание плечами» весьма далеки от диалектики. Неверно, что с позиции диалектики «все можно доказать». Поскольку предмет есть единство разнообразия противоположностей, поскольку любые A и B противоречат и не противоречат друг другу, поскольку невозможно существование в мире чистого антистола, в котором было бы все наоборот по отношению к столу, невозможен «античеловек» во всех отношениях. Если одно (A) противоположно другому (B), то A является анти- B в определенном отношении. Они обязательно противоположны в чем-то (т. е. вообще, абсолютно), но противоположны в определенном отношении (относительно).

Из всего этого следует, что изучение предметов и отношений между ними должно быть раскрытием противоположностей, борьбы и единства их. Изучение мышления логикой должно быть постижением его как деятельности в единстве с тем, что противоположно ей — результатом, в связи с теми формами, в которых хранится информация и трансформируется и т. д. Если при исследовании мышления возникают разные теории, описывающие и объясняющие разные противоположности или общее в противоположностях в их противопоставлении третьему, то эти теории дополняют друг друга и дают всестороннюю, конкретную модель мышления. Если предпринимаются при этом попытки сторонников одной из этих односторонних теорий объявить свою модель единственно правильной, то это — ошибка метафизического порядка.

Необходимо усиление борьбы с метафизикой, метафизической односторонностью, претензией на совершенную исключительность и т. д. К сожалению, метафизического порядка высказывания — не редкость в речах и печатных выступлениях.

В очень хорошей статье «Человек и его репутация» А. Ваксберг пишет: «Программа партии учит уважать людей. В то же время она учит беспощадно вскрывать недостатки, призывает критиковать зло, невзирая на звание, на пост, на заслуги. А критика неприятна. И даже иногда обижает. Нет ли здесь противоречия? Противоречия здесь нет. Потому что критика, даже самая резкая,

даже самая непримиримая, если только мы не имеем дело с врагом, не должна быть оскорбительной»⁹⁹).

В начале 1963 года писатели Сибири собрались за «круглым столом» для беседы. Борис Рясенцев сказал: «Существует большая проблема. Судья нашего искусства — народ. Но наше искусство формирует вкус народа. Противоречие? Нет, единство»¹⁰⁰). Такие высказывания — результат отношения к противоречию как к чему-то скверному, аномальному и т. п. А ведь всякое единство предполагает противоречие. Так ставить вопрос, как это делают А. Ваксберг и Борис Рясенцев, значит ставить вопрос метафизически. Ведь и в первом случае и во втором рассуждения являются рассуждениями о предметах вообще, безотносительно. Здесь действует формула «и да, и нет».

Выяснив, что является общим, мы должны сделать вывод о единстве в этом; выяснив же, в чем предметы расходятся, являются иным по отношению друг к другу, мы должны сделать вывод о наличии противоречия в этом направлении. Кроме того, противоположности ведь не существуют друг без друга. Вот почему в подлинной критике уважение к людям и борьба со злом находятся в связи.

В рассказе А. Солженицына «Для пользы дела» (ж. «Новый мир», 1963, № 7) говорится: «То и дорого было Федору Михеевичу в Кнорозове, что да так да, а нет так нет. Диалектика диалектикой, но, как и многие другие, Федор Михеевич любил однозначную определенность». Однозначная определенность без указания отношения есть метафизика, порождает ошибки. Когда определено отношение, тогда нужна однозначность. Если ее не будет, получится эклектика. Но эта однозначность не должна исключать рассмотрения предмета в других отношениях.

Метафизичными являются не вообще однозначные ответы, а те, которые отрицают противоположное в предмете (предметах). В статье «Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования», напечатанной в «Ботаническом журнале» (1954, № 2) есть такая фраза:

⁹⁹) «Литературная газета», 14 апреля 1962 г., № 45.

¹⁰⁰) «Что волнует писателя», «Литературная газета», 5 февраля 1963.

«Вызываемые средой изменения в организме носят не случайный, а закономерный характер». Такой отрыв противоположностей друг от друга неправилен. В учебнике «Основы марксистской философии» (издание 2-е) на стр. 218 сказано, что различие между внутренними и внешними противоречиями не абсолютное, а относительное. Здесь авторы допустили метафизический отрыв относительного от абсолютного.

Пытаются дать нередко однозначный ответ на абстрактно поставленный вопрос: может ли машина мыслить? Ведь такой вопрос похож на вопрос: находится ли Московский университет справа?

В статье «Природа мышления и проблема его моделирования» Н. П. Антонов и А. Н. Кочергин решительно заявляют: «...ошибочно считать, что машина может мыслить»¹⁰¹). Встречаются не менее решительные утверждения обратного. Противники приводят правильные аргументы и не признают противоположных суждений. Поставим так вопрос: делают ли машины, заменяющие руки человека, то же, что и руки? — Да, функционально, хотя это и не руки. ЭВМ функционально делают то же, что и мозг, хотя машина и не мозг. В субстанциональном, в социальном и других отношениях это разные предметы. ЭВМ выполняют функции мозга как модели, но они не есть мозг и в этом отношении не мыслят. О машине можно сказать, что она совершеннее человека и не совершеннее.

Гегель в статье «Кто мыслит абстрактно?» прекрасно показал, что абстрактное мышление — недостаточно развитое мышление, оно не способно глубоко схватить единство и борьбу противоположностей. Для него причинность несовместима с ответственностью, свобода — с зависимостью, объективное с субъективным и т. д.

Любой предмет движется в одном отношении, в одной системе отсчета, но обязательно покоится в другом отношении, в другой системе отсчета. Это относится ко всем формам движения, а не только к механической. Признавая всеобщность движения, следует признать всеобщность покоя. Это значит: если верно, что любой предмет движется, то верно, что и любой предмет покоится в другом отношении, в другой системе отсчета.

¹⁰¹) Ж. «Философские науки», 1963, № 2, стр. 3.

Если бы предметы не обладали покоем, мир превратился бы в ужасный мир Кратила, т. е. исчезла бы всякая устойчивость. Метафизик либо из-за движения забывает покой, либо из-за покоя забывает движение. А ведь эти противоположности и исключают друг друга, и предполагают друг друга. Нет такого предмета, которому не были бы присущи покой и движение. Ф. Энгельс, критикуя Е. Дюринга за отрыв покоя от движения, писал: «Конечно, для нашего метафизика твердым орешком и горькой пилюлей является тот факт, что движение должно находить свою меру в своей противоположности в покое. Ведь это — вопиющее противоречие, а всякое противоречие, по мнению г-на Дюринга, есть бессмыслица». Ф. Энгельс продолжает: «Для диалектического понимания эта возможность выразить движение в его противоположности, в покое, не представляет решительно никакого затруднения»¹⁰²).

Распространенным является утверждение, что покой — это частный случай движения. Выказано было это положение Кирхгофом в «Математической механике». Ф. Энгельс цитирует его в «Диалектике природы», одобритительно отозвавшись о Кирхгофе, который доказал, «что он способен не только вычислять, но и диалектически мыслить». Ф. Энгельс здесь ничего не говорит о точности суждения Кирхгофа, он пишет только о том, что Кирхгоф сумел понять неотделимость покоя от движения. Г. В. Плеханов в «Предисловии переводчика ко 2-ому изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» также называет «покой частным случаем движения».

Диалектический материализм отвергает ньютоновские представления об «абсолютных пространстве и времени», как не связанных с предметами, не зависящих от них. Но, отрицая такое пространство и такое время, диалектический материализм признает и абсолютность, и относительность времени и пространства. Именно это имел в виду Ф. Энгельс, когда говорил в «Анти-Дюринге», что абсолютного покоя, безусловного равновесия не существует, что абсолютный покой мыслим лишь там, где нет материи. Очевидно, следует, отрицая «абсолют-

¹⁰²) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, М., 1961, стр. 62.

ный покой», т. е. такой покой, каким его представляют метафизики, признать абсолютность покоя, как и его относительность. Абсолютность движения и покоя в том, что безотносительно к тому, каков данный предмет, любой предмет, изменяется, обладает устойчивостью, покоем. Относительность их в том, что они всегда имеют место в отношении к чему-то, в определенной системе отсчета.

Материалистическая диалектика включает в себя признание относительности движения и покоя, но не сводится к этому. В. И. Ленин писал в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Диалектика, — как разъяснял еще Гегель, — включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему...»¹⁰³).

Покой, как и движение, бывает различных видов: механический, физический, химический, биологический, социальный, покой в мышлении. Движение снимает имеющийся покой, старый покой уступает новому и т. д. Смене изменений сопутствует смена устойчивостей.

На вопрос, поставленный безотносительно, сходны или нет по качеству две вещи, невозможно ответить однозначно. Ответить можно только так: и да, и нет. Любые А и В являются разными по качеству, но вместе с тем и одинаковыми в определенном отношении. Когда говорят, что вещи качественно различны, то это верно в определенном отношении. Но вместе с тем верным будет и утверждение, что эти вещи качественно одинаковы.

Ф. Энгельс в «Диалектике природы» писал: «...существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами. У двух различных вещей всегда имеются известные общие качества (по крайней мере, свойства телесности), другие качества отличаются между собой по степени, наконец, иные качества могут совершенно отсутствовать у одной из этих вещей»¹⁰⁴).

¹⁰³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч. изд. 5-е, т. 18, М., 1961, стр. 139.

¹⁰⁴) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, М., 1961, стр. 547.

Качественное различие есть между ветерком и ураганом, туманом и облаком, рассказом и повестью, животным и человеком, капитализмом и социализмом, ребенком и взрослым, больным и здоровым, раздражностью и ощущением и т. д. Но качественного различия и нет между названными предметами. Все дело в отношениях, в каких отношениях рассматривается вещь.

Серная и соляная кислоты не отличаются по качеству как кислоты, но и отличаются, ибо образуют разные соединения и т. п. В качестве товара вещь выступает в системе товарных отношений. Правильно пишет В. И. Шинкарук в статье «Качество и сущность»: «Шахтер, несомненно, остается шахтером, и тогда, когда он работает на шахте, принадлежащей капиталисту, и тогда, когда эта шахта стала собственностью народа (то есть при социализме), но в первом случае он является пролетарием, а во втором — тружеником социалистического общества. Является ли пролетарское бытие шахтера и его социалистическое бытие простыми градациями качества «шахтер» или качества «человек»? Ясно, что нет. В качестве пролетария рабочий существует только в определенной системе общественных отношений — в системе капиталистических общественных отношений, и для того, чтобы это его пролетарское бытие было уничтожено, необходимо уничтожение системы капиталистических отношений»¹⁰⁵).

Изменяясь в каком-то отношении, вещь остается в другом отношении той же самой; приобретая новое качество, вещь становится другой и остается прежней. Вещь, переставшая быть товаром, т. е. изменившая свое качество в определенном отношении, остается по качеству в другом отношении той же самой. Изменение не бывает без покоя, изменение не является кратковременным изменением, т. е. превращением вещи в иное во всех отношениях.

Невозможно ответить однозначно, произошел ли скачок, если не определено отношение. Скачок бывает в строго определенном отношении. Скачок в одном отношении не является скачком в другом отношении. Говорят, что при нагревании воды от 0° до 100° по Цельсию не происходит скачков. И да, и нет. Действительно, вода

¹⁰⁵) Ж. «Вопросы философии», 1963, № 9, стр. 138.

остаётся жидкостью, не переходит в твердое или газообразное состояние, но вода холодная и вода горячая — это вещи и разного качества. Можно продолжить этот пример: вода, лед, пар — предметы одного качества, ибо все они — H_2O , т. е. при превращении воды в лед или пар в этом отношении скачков не происходит, но и в другом отношении переход воды в лед или пар есть переход в иные агрегатные состояния, т. е. скачки есть.

Переход к империализму — скачок, но он и не является вместе с тем скачком, ибо капитализм остаётся капитализмом. То же можно сказать о переходе от социализма к коммунизму.

Сколько отношений, столько и мер, границ, в которых предмет остаётся тем же самым. Вода дистиллированная, тяжёлая, солёная, холодная, горячая, вода как жидкость, вода как H_2O (т. е. одинаковая со льдом и паром), вода как вещество — для всех этих качеств существуют разные меры.

Качество, мера, скачок относительны. О них можно определенно говорить лишь в сравнении с другими, при указании системы отсчета, отношения. Но нет предметов — идет ли речь о минерале, растении, животном, человеке, общественном строе, идее — нет предметов, лишенных качества, меры скачков при изменении. Безотносительно к тому, каков предмет, в каком отношении он рассматривается, ему обязательно присуще качество. В этой безотносительности, независимости от отношений — абсолютности качества, меры, скачка. Как нет предметов без движения и покоя, так нет их без количества и качества. Как движением является любой процесс, так и качеством является любое свойство. Понятия движения и качества — родовые понятия. Эти термины приложимы к видам. Качество — одно в многообразии, все многообразие — виды качеств. Движение — общее в процессах изменения предметов в отношении их к другим предметам. Нет движения вне этих процессов. Точно так же нет качества вне свойств. Качество выступает как свойство в отношении предмета к другим предметам.

Гегель писал об этом в «Науке логики» следующее: «Качество есть преимущественно лишь с той стороны свойство, с какой оно в некотором внешнем отношении показывает себя имманентным определением. Под свойствами, например, трав понимают определения, которые не

только вообще свойственны некоторому нечто, а свойственны ему как раз постольку, поскольку это нечто через них своеобразно сохраняет себя в отношении к другим нечто, не дает внутри себя воли чужим положенным в нем воздействиям, а само показывает в другом силу своих собственных определений, хотя оно и не отстраняет от себя этого другого»¹⁰⁶).

Если движение — та или иная устойчивость, то качество — все то, что свойственно предмету. Многообразие свойств (можно сказать: качеств, как можно сказать: многообразие движений предмета) присуще каждому предмету. Существуют и социальные свойства (качества), такие, как экономические, вскрытые К. Марксом в «Капитале», этические (добро, зло, справедливость) и др. Выражение «человек — социальное существо» имеет смысл как следствие признания социальных качеств, которые так же объективны, как и другие качества. Непонимание относительности качества, количества, меры, скачка приводит к ошибкам, к односторонности, к отрицанию противоположностей в вещах.

Кроме того, то, что в одном отношении выступает как количество, в другом — как качество. Безотносительно о количестве можно говорить лишь в том смысле, что нет вещей, лишенных количества. Но как покой является движением в другом отношении, а движение покоем, так количество — качеством, качество — количеством в разных отношениях. Итак, сколько качеств у вещи? Одно и много. Одно в определенном отношении к другой вещи, но поскольку вещь имеет множество отношений с другими, ей присуще множество качеств.

Без введения понятий, об отношении, о системе отсчета, системе событий невозможно охарактеризовать необходимость и случайность. На стр. 172 «Основ марксистской философии» говорится: «Необходимо то, что вытекает из сущности, из внутренней связи вещей и неизбежно должно произойти. Противоположностью необходимости и является случайность. Случайность неустойчива, она внутренне, необходимо не связана с сущностью процесса. Случайное явление может быть, а может не быть, может произойти так, а может произойти иначе». Здесь сделано несколько ошибок. Утверждение

¹⁰⁶) Гегель. Соч., т. 5, 1937, стр. 107.

о том, что в мире есть такое, что не связано с сущностью (пусть даже «внутреннее», «необходимо»), противоречит положению о том, что сущность является, явление существенно. Далее, все, прежде чем стать действительностью, существует как возможность. Она осуществляется с необходимостью, если есть соответствующие условия, и не осуществляется с такой же необходимостью, если нет соответствующих условий.

Признак возможности — то, что она может быть, а может не быть. Случайность не следует отождествлять с возможностью.

Отношение между необходимостью и случайностью иное, чем оно описано в приведенном отрывке из учебника. Дело в том, что все и необходимо, и случайно. Раз что-то произошло, то значит оно имело достаточное основание в определенной системе событий, т. е. произошло с необходимостью. Но в других системах событий оно не имеет основания, является по отношению к ним случаем.

Отрицание всеобщности, необходимости и случайности есть следствие метафизического отрыва их друг от друга. В мире ничего не происходит «просто так». Превращаются ли электрон и позитрон в фотоны, совершает ли человек подвиг — это имело достаточное основание, произошло с необходимостью. Утверждать же, что одно необходимо, а другое случайно — значит отрицать единство необходимости и случайности. Не отвечает требованиям точности и характеристика в некоторых учебниках содержания. В содержании, как и в форме предметов, может быть общее. Если заметить только общее в форме, то создается впечатление, что одна и та же форма присуща различным содержаниям. Как предметы, имеющие общее в своих качествах, различаются по своим качествам, так и нет двух предметов совершенно одинаковых по содержанию во всех отношениях. Однако вот что утверждают в «Основах марксистской философии» на стр. 233: «Соответствие формы содержанию не следует понимать так, что содержание может выражаться обязательно в одной какой-нибудь форме. Одному и тому же содержанию может соответствовать ряд форм. Известно, что диктатура буржуазии существует и в форме парламентской республики, и в форме конституционной монархии, и в форме фашистской террористической

диктатуры. Одно и то же содержание, преломляясь через конкретные исторические условия развития разных стран, облекается в неодинаковые формы».

Утверждение, что у парламентской республики, конституционной монархии, фашистской диктатуры одно и то же содержание, односторонне. Такое утверждение не согласуется с положением диалектического материализма, что содержание определяет форму. В названных формах есть общее, потому что есть общее в содержании, но они и отличаются друг от друга, потому что отличаются их содержания.

Нередко сущность смешивают с содержанием, внутренней стороной предмета и т. д.

В «Философском словаре» (1963) содержатся следующие определения: «Сущность — совокупность наиболее глубоких, устойчивых свойств и отношений предмета, определяющих его происхождение, характер и направление развития. Явление — совокупность многообразных, внешних, подвижных, непосредственно открытых чувств свойствам и отношений предмета, представляющая собой способ проявления, обнаружения сущности».

В учебнике А. Г. Спиркина «Курс марксистской философии» (М., 1964) сущность определяется как главное, основное, определяющее в содержании предмета, как основание всех происходящих с предметом изменений, а явление как внешнее обнаружение сущности, форма ее проявления.

В. Кунецкий в брошюре «Сущность и явление» (1962) на стр. 29 утверждает, что сущность — то общее, что есть во всех явлениях, явление же — это единичное.

Обратимся также к книге Ф. М. Головенченко «Введение в литературоведение» (1964). В ней сказано: «Содержание — это основа какого-либо явления, его сущность. Форма — обнаружение этой сущности, ее проявление вовне, это способ выражения содержания, та организация явлений, которая выражает их содержание» (стр. 83). Такие отождествления разных категорий вводят в заблуждение тех, кто изучает философию, кто пытается руководствоваться ими в познании.

Подойдем к делу несколько иначе. Сущность является такой не вообще, а только в отношении к явлению.

Если вещи что-то присуще, то оно обнаруживается, существует через другое, причем это другое зависит от

первого. Когда одно бытие «прячется» за другим, тогда есть противоречие и единство сущности и явления. Высокая температура у человека является через определенные признаки.

Сущность всеобща, и явление всеобщее. Это значит, что любое есть и сущность, и явление в разных отношениях.

Запишем сказанное так: $\forall x(a \wedge b)$, где \forall — всё, x — переменная, a — сущность, \wedge — и, b — явление. Эта формула является требованием диалектической логики. В процессе познания любое следует рассматривать как сущность и как проявление сущности иного порядка, т. е. $(b \text{ есть } a) \wedge (a \text{ есть } b_1) \wedge (b_1 \text{ есть } a_1) \wedge (a_1 \text{ есть } b_2) \dots$

Врач, обнаружив симптомы, рассматривает их как свидетельство той или иной сущности. Определив заболевание, врач относится к нему как проявлению, например, определенного образа жизни человека и т. д.

Абсолютность сущности в ее безотносительности, безусловности (любое есть сущность). Но то, что есть сущность, является ею в отношении к тому, в чем она проявляется, т. е. сущность только (абсолютно) сущность в отношении к своему явлению. В другом же отношении она — явление, т. е. в ней выявилась сущность иного порядка. Явление также абсолютно и относительно. О явлении как таковом можно говорить лишь в соотношении с чем-то. Положение об относительности сущности и явления следует из закона материалистической диалектики о единстве и борьбе противоположностей. Известно, что противоположности исключают и предполагают друг друга, вот поэтому сущность в другом отношении выступает как своя противоположность; это же надо сказать и об явлении.

Учет абсолютности и относительности сущности дает возможность сделать ряд выводов о признаках классов. Как определить сущность класса (множества)?

Предметы составляют класс, входя в него только по одному признаку. Предмет входит в различные классы различными признаками. Сидящие в аудитории и слушающие лекцию о сущности и явлении только по этому признаку образуют класс К. По другим признакам слушатели входят в классы студентов, мужчин, женщин, рус-

ских, украинцев, якутов, комсомольцев, кандидатов и членов КПСС, достигших, скажем, двадцатилетнего возраста и не достигших, родившихся в Сибири, увлекающихся философией и нет, и т. д.

Раз класс состоит из предметов, имеющих общий признак, причем этот признак является и отличительным, т. е. присущим только предметам данного класса, то значит, этот признак и является сущностью класса. У двух предметов имеется общая сущность, если они относятся к одному классу. Поскольку нет двух таких предметов, которые не имели бы ничего общего и различного, постольку у любых двух предметов есть общая сущность и различные, индивидуальные в этом отношении сущности.

Сущность класса обозначим $K(a)$. Но ведь K если не является всеобщим, входит в другой класс L ($K \subset L$). Если так, то K имеет и сущность $L(b)$. Но L может входить как подкласс (подмножество) в $M(c)$ и т. д. Это значит, что K имеет не только сущность a , но и b , c и т. д., т. е. имеет сущность разных порядков, вплоть до всеобщих, отражаемых в философских категориях. Империализм, например, имеет не только сущность, отличающую его от периода свободной конкуренции, но и сущности капитализма, эксплуататорского строя, общественно-экономической формации и т. д.

Но это еще не все. Поскольку предмет имеет какой-то признак, то он или отличается от других предметов класса или входит в какой-то класс. Это значит, что предмет имеет сущности различных классов, что подтверждает положение диалектического материализма о единстве общего и отдельного.

Найти сущность класса — это значит найти то, что присуще всем предметам класса и только им. Сущность четных чисел в том, что они делятся на 2. Чтобы определить сущность капитализма, надо указать то, что ему свойственно на всех этапах развития и отличает его от других общественно-экономических формаций с частной собственностью на средства производства.

В учебнике А. Г. Спиркина «Курс марксистской философии» (1964) сказано на 204 странице, что сущностью капиталистического способа производства является частная собственность на средства производства. Если в этом сущность капитализма, тогда капитализмом надо объ-

...кандидат...
...двдцатиле...
...Сибирь...
...общий...
...отличитель...
...данного кл...
...сущностью кл...
...ущность, если...
...ку нет двух...
...чего общего...
...предметов есть...
...ные в этом ст...
...). Но ведь К...
...ой класс L (К...
...в). Но L може...
... в M(c) и т. д...
...щность а, но в...
...х порядков, вл...
...ских категориях...
...ко сущность, о...
...конкуренции, на...
...ского строя, об...
... д.
...предмет имеет...
...других предме...
...с. Это значит, ч...
...классов, что...
...го материализм...
...это значит най...
...са и только им...
...елятся на 2. Ч...
...надо указать...
...развития и отл...
...ческих форм...
...производства...
...на «Курсе марк...
...204 странице, что...
...зводства, что...
...зводства...

...жить феодализм и рабовладельческий строй, что абсурдно.

Когда говорят о сущности того или иного вида заблуждения, то называют то, что отличает данный вид от других, т. е. присущ только ему. В определении вскрывается сущность определяемого класса. Действительно, определить — значит указать признак класса, т. е. то, что принадлежит всем предметам класса и только им. Но ведь любое суждение отражает единство сущности и явления. В суждении «Этот поступок является подвигом» отражено наличие у данного поступка сущности класса подвигов, которая проявилась в этом конкретном случае. И хотя это суждение не является определением через род и видовое отличие, т. е. не раскрывает видовую сущность, но тем не менее определяет общую сущность. Гегель называл определениями любые суждения. В указанном смысле, т. е. не вообще, а в определенном отношении любое суждение определяет, хотя в другом отношении оно, как например, приведенное выше, не определяет. В познании мы идем от явления к сущности и в другом отношении от сущности к явлению.

Метафизический отрыв сущности и явления друг от друга выражается в том, что одно считается вообще только сущностью, а другое — только явлением.

Преодоление метафизического отрыва сущности и явления друг от друга — это один из видов борьбы с источниками заблуждений. Методологическим положением в этом деле является ленинское высказывание в «Философских тетрадях» о том, что сущность является, а явление существенно. И сущность познается с помощью органов чувств и мышления, и явление.

Ни по какому вопросу не должно быть метафизической односторонности. Отрицание истинности противоположного суждения, когда речь идет вообще о предмете, т. е. не указаны отношения, в которых высказаны суждения, — занятие, приносящее вред, вносящее ненужную дискуссионность. Все это относится и к моральным оценкам.

«ОХОТНИКИ ПРИНЯЛИ ЛЕКАРСТВО...»

Специфику мысли, ее отличие от чувственных образов нельзя понять вне изучения роли сигнала сигналов — слова. Слова в процессе жизни человека связываются

с внешними и внутренними раздражителями и друг с другом, что создает смысловое значение слова и выступает в виде временных нервных связей во второй сигнальной системе, основывающейся на первой. В сочетании словесных обозначений и существует мысль.

И. П. Павлов говорил: «Все обучение заключается в образовании временных связей, а это есть мысль, мышление, знание... Я представляю себе отчетливо и вызываю кого угодно, желая оспаривать положение, что мышление есть ассоциация»¹⁰⁷).

Известно (А. Г. Иванов-Смоленский), что если образовывать у ребенка лет 8—10 двигательную условную реакцию, например, на вспыхивание зеленого света, то эту же условную реакцию без предварительной выработки можно получить и на слова «зеленый свет», произносимые экспериментатором, или на предъявление таблички с написанными на ней теми же словами, в то время как все другие произносимые или написанные (контрольные) слова данной условно-двигательной реакции не вызывают. Это происходит потому, что все три раздражителя связались в мозговой коре ребенка благодаря жизненному опыту. А. Г. Иванов-Смоленский пишет в статье «Об изучении совместной работы первой и второй сигнальных систем», что «если в условную связь с какой-либо реакцией вступает звучание звонка, то необходимо учесть, что оно уже ранее связано, ассоциировано в мозговой коре испытуемых с запечатлениями устного и письменного словесных символов этого раздражителя, т. е. звонка». И далее: «Нервное возбуждение, вызванное этим раздражителем (словом «звонок». — Ф. С.), сперва оживляет старую, когда-то ранее в прошлом опыте запечатленную в мозговой коре ассоциацию между словом «звонок» и звучанием звонка, и только тогда выходит на путь, связывающий корковое запечатление этого последнего раздражителя с данной реакцией, приводя в действие выработанную в эксперименте условную связь»¹⁰⁸).

Образующиеся в жизненном опыте такого рода связи являются источником одного из вида ошибок действия или отсутствия действия, недоразумений, неправильного понимания волеизъявления другого лица. Если слово

¹⁰⁷) Павловские среды, т. 2, стр. 580.

¹⁰⁸) Журнал высшей нервной деятельности, 1951, т. 1, вып. 1, стр. 59.

... другого лица. С...
... Левченко в...
... что в пер...
... доставляти...
... термины...
... впервые слыш...
... — и поначалу...
...ментарного объ...
... Преподават...
...ложив ее в стор...
... или «на се...
...знец»?
...Учащиеся 7-го...
...е слыша слова...
...объяснить их см...
...тов (и выраж...
...Непосредств...
...зрительного...
...действия слов...
...вают образов...
...связей (ассо...
...времени возд...
...ые слова ре...
...ни детей это...
...значительное...
...вопрос детей...
...предметов, с...
...Они, зна...
...его названи...
...детьми на о...
...ция нервной...
...стол и пр...
...книги, стол...
...на те, кото...
...любов в ста...
...Времен...
...прошлых

употребляется не в том значении, которое оно имеет в опыте человека, то он реагирует на него неожиданно для этого другого лица. Слово, например, употреблено для похвалы, а реакция — обида. Бывает и наоборот.

Ирина Левченко в «Повести о военных годах» рассказывает, что в период ее учения в танковом училище ей много доставляли мучений на занятиях по материальной части термины «шлиц», «фланец» и «торец». «...Я впервые слышала эти термины, — говорится в повести, — и поначалу без наглядного показа или хотя бы элементарного объяснения они мне ровно ничего не говорили. Преподаватель же, подняв какую-нибудь деталь и отложив ее в сторону, говорил: «На шлицах этой детали» или «на ее фланцах»... Что же есть шлиц, а что фланец?»

Учащиеся 7-го класса одной из школ г. Томска, впервые слыша слова «фимнам», «анамнез», не могли никак объяснить их смысл. Неосторожное употребление новых слов (и выражений) затрудняет понимание речи.

Непосредственные воздействия предметов на рецепторы зрительного, слухового и других анализаторов и воздействия слов-названий, совпадающие во времени, вызывают образование в мозговой коре временных нервных связей (ассоциаций). Повторение этих совпадающих во времени воздействий ведет к закреплению связей. Первые слова ребенок усваивает именно так. Вообще в жизни детей этот путь овладения словами занимает весьма значительное место. Всем хорошо известен постоянный вопрос детей: «Это что?». И взрослые говорят название предметов, о которых спрашивают дети.

Они, знакомясь с новым для них предметом, узнают его название. Это название предмета распространяется детьми на однородные предметы, происходит генерализация нервного процесса. «Узнавши, что такое дом, книга, стол и пр., ребенок безошибочно узнает все другие дома, книги, столы, хотя бы вновь увиденные им не походили на те, которые он видел прежде», — писал Н. А. Добролюбов в статье «О значении авторитета в воспитании»¹⁰⁹).

Временные нервные связи образуются и со следами от прошлых воздействий. Дети, видевшие ранее какой-

¹⁰⁹) Н. А. Добролюбов. Избранные философские произведения, т. 1, 1948, стр. 77.

нибудь предмет, представляя его, спрашивают о его названии.

К старым словам происходит присоединение новых слов — это есть образование связей между речевыми раздражителями. Смысловое значение нового слова раскрывается с помощью других известных слов, т. е. обозначающих что-то, являющихся сигналами. «Баталия — битва, сражение», — говорит учитель, разъясняя выражение Суворова: «Одна минута решает исход баталии».

При освоении человеком новых слов и выражений действуют обе сигнальные системы. Образование временных нервных связей при действии речевых раздражителей идет на базе первой сигнальной системы. Становление слова как сигнала сигналов происходит при совпадении во времени его действия с другими раздражителями (в том числе и речевыми). Как указывал И. П. Павлов, слова благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека связаны со всеми внутренними и внешними раздражениями, приходящими в большие полушария, слова их сигнализируют, заменяют и могут вызвать все те реакции человека, которые вызывают эти раздражения. Овладение людьми словарным составом родного языка происходит в процессе их жизни, сопровождающейся речевым общением с другими людьми.

В одном из советских педагогических журналов сообщался такой факт. Ученики встретили в тексте фразу: «Охотники применили новый маневр». Учительница сказала: «Маневр — это прием». Затем она попросила Игоря объяснить смысл фразы. Игорь сказал: «Охотники приняли лекарство и поскакали». В опыте Игоря слово «прием» ассоциировалось с лекарством, ибо он дома слышал это слово только в повелительном предложении: «Игорь, прими лекарство». Вот почему охотники «приняли лекарство» — это и был их «маневр».

Одна студентка долго думала, что камерная музыка — это музыка, сочиненная заключенными (в камерах).

Абитуриентка Ш. при поступлении в Томский медицинский институт написала в сочинении по литературе: «Молодой боец долго копошился в своей боевой сумке». Возникшие в прошлом ассоциации проявились в этой фразе.

Влияние опыта сказывается даже в мелочах. Одна машинистка напечатала вместо «система отсчета» «си-

стема обсчета», вместо «эклeктик» «электрик», вместо «секундант» «спекулянт». Новые термины она уложила в привычные.

А вот фразы из ответов студентов одного вуза, записанные А. С. Молчановой: «Материя — это то, что находится вне нашего понимания». «Философы, которые не понимают значения философии, называются диапозитивистами».

В. В. Виноградов в статье «Культура речи и орфография» («Литературная газета», 13 июня 1964 г.) приводит из сочинений на приемных испытаниях такие фразы: «Из-под карандаша Маяковского выползали едкие, меткие изречения». «Ноздрев прожигал свои доходы и жизнь». «Отец Павла Власова посвятил жизнь побоям жены».

Неопытные учителя ограничиваются указанием лишь родового понятия при разъяснении смыслового значения слова. В результате происходит отрыв слова от действительности, возникает формализм в знаниях учащихся. Вот почему важно постоянно заботиться об обогащении чувственного опыта детей, о развитии умения у детей выделять признаки в воспринимаемых объектах.

Ученица 2-го класса на наш вопрос, что такое пескарь, ответила: «Пескарь — это рыба». Девочка знала, что пескарь является видом рыбы, но, как выяснилось, никогда не видела ни пескаря, ни его изображения.

Если новое слово связывается с другим словом (словами), то оно вызывает представление, какие вызывает известное слово. Книга С. П. Бородина «Дмитрий Донской» начинается с фразы: «Потек в небо сизый и лазоревый дым над Москвой».

Если в прошлом опыте детей не было совпадения восприятия этих цветов и их названий, то они будут представлять сизый или черный дым. Дети видели такой дым, и слово «дым» является сигналом. Слово «изумрудный» приобрело смысловое значение у ученицы 3-го класса благодаря выражению «изумрудные лягушата», имеющемуся в книге для чтения в третьем классе. «Изумрудный — это зеленый», — сказала эта ученица. Предложение И. С. Тургенева «...Вдали стеной стоит дубовый лес» вызвало у ученицы, никогда не видевшей дуба, представление соснового бора благодаря слову «лес».

Можно встретить и такие случаи, когда слово является, как говорят, «пустым звуком», т. е. слово в опыте человека не приобрело функции знака, является для него обозначением неизвестно какого предмета. Такие случаи возникают тогда, когда учителя не заботятся о разъяснении им самим (но не детям) известных слов, или дают тавтологическое объяснение. В речи школьника могут быть и слова, приобретшие в силу случайных ассоциаций совершенно неверное значение. Слова могут детьми правильно употребляться, но дети не выделяют существенных признаков в предметах. Воспринимая, представляя предметы, они их называют, называя — представляют.

Слово является в этих случаях многообъемлющим раздражителем, но ему не соответствуют широкие временные связи во второй сигнальной системе.

Факты правильного употребления слов без умения дать определение отмечены были в докладе на совещании по психологии в 1953 г. Д. И. Рамишвили: «Например, субъект вполне уверен и беспрепятственно применяет слово «сад», «трава», «собака» и т. д., но определить соответствующее понятие для него чрезвычайно трудно, а иногда и вовсе невозможно в обычных условиях. Что же касается данных субъектом определений слов, они могут совершенно не соответствовать и даже противоречить фактическому применению этого слова субъектом», — пишет Д. И. Рамишвили¹¹⁰).

Известно, что люди правильно называют поцелуями прикосновения человека губами к другому человеку (его губам, щеке, руке) и к вещам (гвардейскому знамени и т. д.), но дать определение не могут или дают узкое («поцелуй — выражение нежности» и др.).

В речи младших и старших школьников весьма много таких слов. Наконец, надо отметить, что школьники в процессе обучения овладевают понятиями.

Изучая математику, историю, литературу, физику, химию и т. д., учащиеся усваивают все новые и новые понятия. Но и в старших классах процесс обучения нельзя строить как чисто речевой процесс без обогащения чувственного опыта учащихся.

¹¹⁰) Тезисы докладов на совещании по психологии, Изд. АПИ РСФСР, 1953, стр. 19.

Образование временных нервных связей во 2-й сигнальной системе на базе первой сигнальной системы, на базе восприятий и представлений — вот путь формирования понятий у школьников. Школьники должны овладеть научной терминологией, правильно пользоваться словами. Там, где отсутствует внимание педагогического коллектива к этому вопросу, возникает непонимание учащимися изучаемого материала, формализм в знаниях.

Вот что дало изучение понимания учащимися 7-х и 8-х классов школы № 1 г. Томска смыслового значения некоторых слов. Школьникам было предложено объяснить, что такое «социальный строй». 17 учащихся 7-го класса написали (ответы давались на отдельных листках): «Не знаю». Четверо написали «Понимаю, но объяснить не могу». 8 ответили, что социальный строй — это социалистический строй, социализм, строй нашей страны, демократический строй.

На уроках учителя часто оперировали термином «социальный строй». У учащихся образовались, если можно так сказать, лишь «конкретные ассоциации», но понятие не было сформировано. Такого же типа ответы были получены и от учащихся другого 7-го класса.

Лишь некоторые школьники 8-го класса распространяли термин «социальный строй» на всякий общественный строй. Но и они не могли сказать, что же составляет общественный строй.

Одна ученица 8-го класса написала, что социальный строй — это независимый строй, другая — отсталый строй, третья — определенный период времени.

Интересные ответы были получены и на вопрос: «Что такое культура?» 21 учащийся из двух седьмых классов ответили, что понимают, но объяснить не могут. 27 писали о том, что значит «культурный человек». Многочисленные разговоры, предметом которых был призыв «Будь культурным», вытеснили рассуждения историков о культуре разных стран. Термин «культура», что такое культура, учащимся не объяснялись. Этот термин лишь был в теме урока: «Культура такой-то страны (в такой-то период)».

Рассказ учителя был лишь рассказом о том, какой была культура, т. е. какими были искусство, наука, и т. д.

9 человек так и ответили: «Культура — это памятники, здания, театры», «искусство», «письменность».

Какого же человека они считают культурным? Культурный человек — это образованный, читающий книги и посещающий кино и театры, умный и образованный, грамотный, вежливый и чистоплотный; грамотный, читающий книги, газеты, интересующийся жизнью страны и вежливый.

Из 24 учащихся 8-го класса не ответили 13. Семь написали: «Культура — степень развития человека». Остальные ответили: «Развитие народа, его искусства, живописи, письменности, техники», «вид искусства», «развитие», «степень развития человеческой мысли». Ответы говорят о характере образовавшихся в мозгу ассоциаций. Такие ответы должны заставить задуматься не только учителей, но и авторов учебников.

В процессе обучения у учащихся нужно развивать умение находить существенное в однородных предметах. Учащиеся обобщают то, что встречалось в их опыте.

В каждом конкретном случае слово в предложении обозначает или единичный предмет, или часть предметов, или весь класс однородных предметов. Посмотрев на свои наручные часы, человек говорит: «Часы остановились». Слово «часы» обозначает в данном случае часы этого человека. Остановились не все часы, а часы этого человека. Люди говорят: «Купил часы», «Потерял часы», «Наручные часы лучше карманных часов» и т. д. Может быть предложение обо всем классе часов. Например, «Часы — это прибор, показывающий время».

Единство общего и единичного — вот объективная основа такого употребления слов. В процессе обучения и надо учить школьников находить это общее в однородных предметах, формировать понятия. Но это возможно только при постоянном обогащении чувственного опыта школьников, правильном разъяснении смысла.

Так «виноват» ли язык в ошибках, заблуждениях и т. п.? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к некоторым фактам. Очевидно, читателю известен следующий случай. Во время одного из представлений шекспировской трагедии «Ричард III» в Лондоне в тот момент, когда король Ричард произнес свои знаменитые слова «Коня, коня, полцарства за коня!», какой-то шутник крикнул актеру с галерки: «Господин Сюлливан,

засет вас не
ваться и ответи
сцену».

Достойный,
значности с

строт построене
фразы друг

мом жанре» рас
после каж

Т. Л. Толстого.
публика, не сте

одного из предс
значающие пе

вольный Л. Л. Т
нист «Нового в

злящийся, с се
амых злых фе

Про него было
лось так:

И вот Л. Л.

— Виктор П

— То, что ва

пошлее трудно

бурении и уш

Подмену зн

отрывком и

Вот он:

«...Петр Па

заслуженный, в

с азартом п

нос!». Но о

рячему пово

Евгенович,

кто не обраш

ожиданно, но

и успел про

Г Ярон.

а осел вас не устроил бы?» Известный актер не растерялся и ответил: «Вполне. Спускайтесь поскорее ко мне на сцену».

Достойный, остроумный ответ был возможен из-за двусмысленности слова «осел». Надо сказать, что немало острот построено на такой подмене одного значения слова, фразы другим значением. Г. Ярон в книге «О любимом жанре» рассказывает следующее. «На всех спектаклях после каждого акта этой пьесы («Права любви» Л. Л. Толстого. — Ф. С.) даже чинная петербургская публика, не стесняясь, дружно шикала. Перед началом одного из представлений на сцене собрались все актеры, начинающие первый акт. Среди нас вертелся очень довольный Л. Л. Толстой. Вдруг вошел известный фельетонист «Нового времени» В. П. Буренин — маленький, сутулящийся, с седой бородкой клином. Это был один из самых злых фельетонистов в дореволюционной прессе. Про него было сложено стихотворение, которое начиналось так:

По Невскому идет собака,
За ней Буренин — тих и мил,
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил.

И вот Л. Л. Толстой подскочил к Буренину:

— Виктор Петрович, правда, моя пьеса пошла?

— То, что ваша пьеса пошла — это совершенно верно, пошлее трудно себе что-нибудь представить. — ответил Буренин и ушел¹¹¹⁾.

Подмену значения фразы можно проиллюстрировать и отрывком из романа «Бесы» Ф. М. Достоевского. Вот он:

«...Петр Павлович Гаганов, человек пожилой и даже заслуженный, взял невинную привычку ко всякому слову с азартом приговаривать: «Нет-с, меня не проведут за нос!». Но однажды в клубе, когда он по какому-то горячему поводу проговорил этот афоризм... Николай Всеволодович, стоявший в стороне один и к которому никто не обращался, вдруг подошел к Петру Павловичу, неожиданно, но крепко ухватил его за нос двумя пальцами и успел протянуть за собой по зале два — три шага».

¹¹¹⁾ Г. Ярон. О любимом жанре, «Искусство», М., 1960, стр. 61.

Из-за этой неоднозначности слов и фраз возникают порой ошибки.

Михаил Кольцов в фельетоне «К вопросу о тупоумии» рассказывает, что ответственному кооператору т. Воробьеву принесли листочек с текстом директивы, в конце которой бодро синели мужественные слова: «...усильте заготовку».

— А номер? Директиву без номера спускать не приходится.

В регистратуре подставили номер — 1350. Воробьев поставил подпись вслед за номером.

Директива скользнула по телеграфным проводам, потом ее повезли со станции нарочные по селам.

Уполномоченный районного потребительского общества в Ионово-Ежовке расправил телеграфный бланк и звонко до конца прочел уполномоченному райисполкома приказание высшего кооперативного центра.

— «...усильте заготовку 1350 воробьев». Понял?

— Чего там усилить заготовку?

Сказано: воробьев.

— Ясно. И много их, воробьев, надо заготовить?

— Сказано 1350 штук.

— А подпись чья?

— Подписи нет. Да и к чему подпись? Дело простое.

Вызывай председателя.

Пришел председатель. Он сказал прямо, что заготовка воробьев для ионово-ежовцев — дело новое. Всякое заготавливали, но чего не заготавливали, того не заготавливали. Однако заготовить можно, ионово-ежовцы не подкачают. И заготовили 2000 воробьев.

Но дело не только в полисемии слов, из-за которой иногда возникают ошибки и заблуждения. Бывает, что вкладывают разное значение в слова и предложения, от чего происходят недоразумения, споры. Верные положения порой из-за этого оцениваются как ложные и наоборот. Ф. Энгельс в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал, что под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность к деньгам, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне.

Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в «лучший мир», о котором он кричит перед другими, но в который он сам начинает веровать разве только тогда, когда у него голова болит с похмелья или когда он обанкротился, словом — когда ему приходится переживать неприятные последствия своих обычных «материалистических» излишеств.

В предисловии к книге Ф. А. Ланге русский идеалист Владимир Соловьев писал о своем понимании материализма так: «Но я думаю, что кантовский идеализм достаточен для окончательной философской критики материализма...»

Критическая философия разрушительна для материализма не со стороны его положительного содержания, которое дается естествознанием, а только со стороны его метафизических притязаний, чуждых всякой научности. «С теоретической стороны все сводится окончательно к совокупности *простейших* телец — атомов, а с практической — к действию *простейших* материальных инстинктов и побуждений. Ясно, что этим могут удовлетворяться лишь простейшие умы». Это и есть филистерское понимание материализма.

Ньютоном говорил: «Гипотез я не строю». Последователи Ньютона поносили гипотезы как таковые, хотя сам Ньютоном и они строили гипотезы. Эти слова о гипотезе объясняются тем, что Ньютоном гипотезой считал то, что не выведено из явлений, а не предположительное объяснение, возникающее тогда, когда хотя бы одна из посылок — вероятное суждение или когда посылки достоверны, но форма умозаключения не гарантирует достоверного вывода. Гипотеза — форма развития науки. Ньютоном же, исходя из своего понимания гипотезы, писал в «Оптике», что в философии, занимающейся опытами, гипотезы не имеют никакой ценности. Действительно, произвольные построения, не отражающие явления, не только не имеют положительной ценности, но и запутывают проблему, порождая новые заблуждения.

Иногда споры возникают из-за того, что вкладывают в термин «объективный» не то значение, которое он имеет. Находятся люди, отрицающие объективность таких социальных качеств, как добро и зло, преступление и т. д. И все почему? «Объективный» считается тождест-

венным во всех отношениях тому, что можно пощупать, понюхать и т. п. Но вот стоимость — объективное качество товара, но ее не увидишь и под микроскопом. Истина объективна, но это никому не удалось пощупать.

Смешение терминов, обозначающих разное, ведет к путанице.

В некоторых учебниках по философии термины «материальный» и «объективный» употребляются как полностью однозначные. Эта неточность приводит к следующему. Студенты, прочитав в учебнике, что материальное то, что вне сознания и что истина объективна, делают вывод, что истина существует вне и независимо от сознания. Но ведь истина — качество мысли, адекватно отражающей предмет. То, что объективно в одном отношении, субъективно в другом. Субъективный мир может быть объектом изучения, воздействия (например, в воспитании).

Из-за наличия заинтересованности, уровня развития и т. п. происходят неточные передачи чужих мыслей, вкладывание в высказывания иного смысла. Г. Гейне в «Путешествии на Гарц» характеризует путь высказанной мысли так: один рождает мысль, другой устраивает ей крестины, третий приживает с ней детей, четвертый посещает ее на смертном одре, а пятый погребает ее. Порой случается так, что автор какой-нибудь мысли не узнает ее в руках другого, настолько искажен ее смысл.

Хочется здесь отметить одну тенденцию — склонность говорить по любому вопросу от имени марксизма-ленинизма. Бывает, что в таких случаях высказывают неверные положения. Нередко фразы начинаются так: «Марксизм-ленинизм учит»..., а дальше следует соображение автора. Хорошо еще, если это соображение верное. Но не всегда так бывает. Марксизм-ленинизм здесь ни при чем, но ущерб наносится ему.

В годы культа личности Сталина, когда некоторые ученые видели смысл исследовательской работы в составлении монтажа цитат в основном из произведений Сталина и толковании их, распространилась привычка для каждой своей мысли находить цитату для подтверждения ее. Ну, а поскольку это трудно сделать, то нередко высказывания извращались, авторам их приписывалось то, что они не говорили. Рецидивы такой привычки можно наблюдать до сих пор, к сожалению.

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

В. И. Ленин писал, что без человеческих эмоций не было и нет отыскания истины. Познают мир люди, обладающие разными страстями, привычками и т. д.

Разную оценку фактам будут давать два человека, один из которых добродетелен в чем-то, а другой в этом порочен. Лицемеря, последний может, конечно, осуждать что-то, следуя общественному мнению, но вместе с тем будет искать возможность обойти это общественное мнение, пока в нем не заговорит совесть.

Пороки тормозят движение к истине в определенном отношении. Если известно, какими пороками обладает человек, то можно предположить, что он будет защищать. В народе говорят: «В кривом глазу и прямое криво». Еще Ф. Бэкон говорил, что человек верит в истинность того, что предпочитает. Неприязненное отношение может привести к предвзятой оценке.

Ф. Энгельс писал, что родителям трудно быть справедливыми по отношению к зятю или невестке, вошедшим в семью вопреки их воле. При всем том родители убеждены в лучших своих намерениях, но эти лучшие намерения большей частью приводят к тому, что создают ад для нового члена семьи, а косвенно для собственного сына или дочери. Каждый муж может найти какие-нибудь недостатки в своей жене и наоборот; это в порядке вещей. Но в результате благонамеренного вмешательства третьих лиц это критическое отношение может обостриться и дойти до неприязненного чувства и длительного разлада.

Таким образом, эмоции влияют на мышление. Во взглядах так или иначе выражается то, каков человек, каково его место в жизни, его заинтересованность в чем-то. Это нашло отражение в художественной литературе. Джек Лондон, например, в романе «Маленькая хозяйка большого дома» приводит такой разговор:

— Вот почему вы проповедуете евангелие сильных, — продолжала Паола. — Будь вы слабы, вы бы проповедовали евангелие слабых и подставляли бы другую щеку. Но вы оба — силачи-великаны, и если вас ударят, другой щеки вы не подставите...

— Нет, — спокойно прервал ее Дик. — Мы немедленно зарежем: «Отрубить ему голову!» — и отрубим. Она здо-

рово нас поймала, Ивэн. Философия человека, как и его религия, — это сам человек, он создает ее по своему образу и подобию».

Особенности психики людей, влияющие на результаты отражения мира, будем называть заинтересованностью. Они определяются социальными условиями. Последние, воздействуя на человека, создают определенную психическую настроенность. Социальные корни заблуждений — это то в общественной жизни, что влияет на психику, порождая субъективность, односторонность, определенную заинтересованность, ведущих к ошибкам в мышлении, к заблуждениям.

Заинтересованность личностей определяется местом в процессе производства, поэтому можно говорить о групповой, классовой и т. д. заинтересованности. Заинтересованность людей, таким образом, определяется в конечном счете экономическими условиями.

Известно, что многие философы до Маркса отмечали влияние заинтересованности на познание, но никому из них не удалось объяснить ее причины. Марксизм показал, что порождает противоположность заинтересованностей.

Преобразование действительности ведет к исчезновению заблуждений, различных «фетишей». По мере развития социализма исчезают возникшие в прошлом предрассудки. Но отставание сознания от бытия имеет место и при социализме. Кроме того, социализм противоречив: в нем также идет борьба противоположностей, борьба нового и старого. Соппротивление новому порождается привычкой к чему-то. Социальные корни заблуждений есть и при социализме.

Социализм по природе своей есть отрицание тех социальных заблуждений, которые есть в капиталистическом обществе, но в социалистическом обществе есть такое, что, хотя и обречено, преодолевается в период строительства коммунизма, но порождает односторонность подхода, узость интереса и т. д. В социалистическом обществе по мере автоматизации производства преодолевается профессиональная и другая ограниченность, но она еще существует. Существует также (при наличии общего интереса) и различие в заинтересованности тех, кто принимает разное участие в производстве. Разная материальная обеспеченность людей, разный их уровень духовного развития, разная широта социаль-

ного опыта имеют экономическое основание, т. е. объясняются уровнем развития производства. Следует учитывать и пережитки капитализма в сознании людей, различия в воспитании. Все это в сочетании может породить такую односторонность заинтересованности, которая станет причиной ошибок в жизни и в теории, причиной субъективизма.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали о зависимости мышления от социальных условий образа жизни, отношений с миром: мышление «есть мышление данного определенного индивида, оно остается его мышлением, определяемым его индивидуальностью и теми отношениями, в рамках которых он живет...» И далее говорится: «У индивида, например, жизнь которого охватывает обширный круг разнообразной деятельности и различных видов практического отношения к миру и является, таким образом, многосторонней жизнью,— у такого индивида мышление носит такой же характер универсальности, как и всякое другое проявление его жизни. Оно не затвердевает поэтому в виде абстрактного мышления...¹¹²⁾. Иначе дело обстоит у индивида, отношения которого к миру сведены до минимума его жалким положением в жизни. «У такого индивида, когда он испытывает потребность в мысли, мышление неизбежно становится столь же абстрактным, как сам этот индивид и его жизнь...»¹¹³⁾.

Здесь же К. Маркс и Ф. Энгельс высказывают мысль, объясняющую появление не только заблуждений, но и пороков. Они пишут, что у такого индивида немногие оставшиеся влечения, возникающие не столько из общения с внешним миром, сколько из устройства человеческого тела, принимают в рамках своего ограниченного развития односторонний и грубый характер, как и его мышление.

Узость опыта, доминирующий интерес мешают всесторонности. Ошибки отрицания по этим причинам можно записать так:

Класс *K* имеет признак *a*
N не входит в *K*

¹¹²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, М., Госполитиздат, 1955, стр. 253.

¹¹³⁾ Там же, стр. 254

Следовательно, *N* не имеет *a*.
Вывод здесь вероятен; субъект же отрицает уверенно *a* (значение чего-то, связь, свойство и т. д.), хотя основания недостаточны.

Класс, выступая носителем прогресса, заинтересован в объективности и правде. Такой была буржуазия в период ее борьбы за новое против феодализма. Тогда капиталистический способ производства был действительно прогрессивным, отвечающим потребностям развития общества. Буржуазия достигла многого в науке и философии, в развитии промышленности и сближении народов. Теперь же буржуазия — реакционный класс, тормоз прогресса.

Пролетариату, если говорить в целом, нужна истина. Его заинтересованность совпадает с ходом истории. Конечно, при определенных условиях добродетель превращается в порок, если она становится чрезмерной. «Загибы» имели место и в практике отдельных представителей пролетариата.

Требование объективности в познании В. И. Ленин называл одним из элементов материалистической диалектики. К заблуждению человек приходит тогда, когда он, вместо того, чтобы изучить действительное положение дел, исследовать, каков предмет сам по себе, отступает от этого, выхватывает отдельные признаки, подходит предвзято, поддается чувству, субъективной заинтересованности. Еще Гегель писал в «Науке логики»: «Хотя разумные (теоретические ли или нравственные) основоположения принадлежат лишь сфере субъективного сознания, тем не менее то, что в них есть в себе-и-для-себя-сущего, называется объективным; познание истины видят в том, чтобы объект познавался таким, каков он есть как объект, свободный от примеси субъективной рефлексии, праведное действие видят в следовании объективным законам, которые не имеют субъективного происхождения, не могут быть произвольными и не допускают трактовки, извращающей их необходимость»¹¹⁴).

Надо бояться впасть в субъективизм, бояться поддаться заинтересованности, противоречащей задачам борьбы за прогресс человечества, впасть в крайность.

¹¹⁴) Гегель. Соч. т. 6, М., 1939, стр. 162.

Задача
деле. В
новых
ных пр
В. В
плшет.
формир
деятель
ские пр
привыч
же гово
предмет
исследо
Ведь ос
заклад
И да
зиками
в Фила
понять
систем
нивают
упрощ
ленные
женны
в физ
как уп
раз пр
чает,
не все
нужну
к биол
небиоло
вать та
при чис
второст
Соде
процесс
листичес
знаний,
долюбие,
115) Ж.

Задача познания изучить то, каков объект на самом деле. Вред приносит отрицание, как говорят, «с порога» новых идей, теорий, не укладывающихся в рамки обычных представлений.

В. В. Парин в статье «Перечитывая «Анти-Дюринг» пишет: «В определенной среде, в определенных условиях формируется динамический стереотип высшей нервной деятельности. И чем дальше, тем устойчивее человеческие привычки, включая даже самое малое, например, привычку выходить из дому в определенное время. Что же говорить о прочности воззрений на специальный предмет, о трудности сменяемости взглядов на вопросы, исследованиям которых человек посвятил всю жизнь! Ведь основы понимания им той или иной группы явлений закладывались в его мозг годами!».

И дальше: «...На дискуссиях между биологами и «физиками», в частности на той, на которой присутствовал в Филадельфии, я невольно замечал, что тем и другим понять друг друга подчас мешают именно привычные системы представлений. Работники точных наук расценивают биологические явления пока что с известным упрощением: когда отсутствуют данные, точно установленные в прямых исследованиях, они используют приближенные параметры. Может быть, это иногда допустимо в физике, но крайне нецелесообразно в биологии, так как упрощение невероятно сложной картины может как раз привести к ее извращению»¹¹⁵⁾. В. В. Парин отмечает, что в свою очередь физиологи и биологи далеко не всегда еще могут дать представителям точных наук нужную «программу» для исследований. Ибо, прилагая к биологическим явлениям исследовательские методы небологических дисциплин, порой необходимо учитывать такие факторы и такие параметры, которые прежде, при чисто биологическом подходе к изучению, казались второстепенными.

Содействует правильному пониманию явлений жизни, процессов, происходящих в мире, диалектико-материалистическое мировоззрение, широта и глубина научных знаний, и такие качества характера, как честность, трудолюбие, старательность, короче, добросовестность.

¹¹⁵⁾ Ж. «Наука и жизнь», 1963, № 6, стр. 8—9.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПРАКТИКА

Познание и практика — противоположности, они не могут быть друг без друга, предполагают друг друга, но в другом отношении исключают друг друга. Познание совершается на основе и в процессе практической деятельности людей. В процессе практики не только приобретаются знания, но и проверяются, уточняются. Человеческое общество не могло бы существовать без практически-трудовой деятельности его членов. А трудовая деятельность есть ведь взаимодействие с внешним миром. Человек не мог бы в этом мире ориентироваться, трудовая деятельность была бы невозможна, если бы мир не отражался в голове человека. И даже биологически человечество не могло бы сохраниться, если бы мир не отражался в головах людей.

В процессе познания происходит возникновение и разрешение противоречий между субъективными факторами (человеческое сознание не может сразу «схватить» мир, реакционность классовой позиции препятствует познанию мира) и объективной необходимостью отражения внешнего мира в сознании людей.

В отличие от старых материалистических теорий познания марксистская гносеология рассматривает познание как активную деятельность, а не как пассивное созерцание объекта. Старый материализм не видел диалектики субъекта и объекта, активную роль субъекта, ибо он не видел роли практики. Бытие для него, по словам Маркса, выступало лишь в форме объекта и его созерцание, вследствие чего субъект целиком отдавался в ведение идеализма.

Практика идеалистами признается лишь для повседневной жизни, а не для теории. Идеалисты пытаются найти критерий истины только в самом сознании, а не вне его или пытаются снять вообще вопрос о критерии. Поиски же критерия только в сознании, мышлении неизбежно ведут к логическому кругу в рассуждении.

Критерием истины является практика. Однако практика не может сразу, в один момент, подтвердить или опровергнуть любое положение. Представим человека, у которого возникла в уме новая сложная гипотеза. Нельзя думать, что достаточно человеку «сбегать» в практику и он сразу проверит, верна или нет его гипо-

теза. В том, что практика не может подтвердить или опровергнуть полностью на данном этапе какого-бы то ни было человеческого представления, в этом ее относительность. Но практика и абсолютна как критерий истины.

Говоря о роли практики, В. И. Ленин писал: «Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволить знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма. Если то, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина, — то отсюда вытекает признание единственным путем к этой истине пути науки, стоящей на материалистической точке зрения»¹¹⁶⁾

Практика «подтверждает» в некоторой степени заблуждения ума. Релятивизм, например, не является совершенно беспочвенным, ибо практика показывает относительность знаний. Так называемые «поспешные обобщения» тоже в какой-то степени «подтверждаются» практикой, ибо все-таки некоторые предметы класса обладают данным признаком. Но в конечном счете практика разрушает заблуждения. Рано или поздно человек обнаружит, что не все *S* имеют *P*. Практика показывает не только относительность знаний, но и абсолютность их. Не сама практика порождает заблуждения, их порождает ум, но относительность практики — условие, способствующее появлению заблуждений и их сохранению до поры, до времени.

Следует также иметь в виду, что личный опыт узок, ограничен, может «подвести». Конечно, по мере обогащения опыта эта ограниченность преодолевается в развитии. Это верно и относительно класса и человечества в целом. Узость практики, например, капиталистов порождает заблуждения, специфичные для буржуазии. Практика человечества не одинакова на разных этапах его развития. В результате возникают расширения или сужения сферы принадлежности признака предметам и т. д. Это относится и к практике людей, строящих социализм и коммунизм.

¹¹⁶⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 18, М., 1961, стр. 146.

Практика как критерий находится в единстве с логическим критерием. Логика изучает, при какой связи мыслей возможно следование ложной мысли. Она показывает, какая форма связи мыслей при истинности посылок дает верный вывод. Несоответствие требованиям логики, правилам мышления делает рассуждение несостоятельным. Знание требований диалектической и современной формальной логики необходимо каждому человеку. Следование правилам мышления предохраняет от ошибок — заблуждений и неправильных поступков, от зла.

БЕЗ ЗЛОГО УМЫСЛА

При критике заблуждений, ошибок неуместны слова «клевета», «наглая ложь». Лжеца изобличают, а заблуждающего переубеждают. Заблуждающемуся человеку нужно, критикуя его взгляды, доказать их несостоятельность, вред их. Критика заблуждений — есть вскрытие гносеологических и социальных корней его, показ несоответствия заблуждений действительности, логической несостоятельности, несогласия с практикой. При критике надо находить «основное заблуждение» (*ergo fundamentalis*), «смотреть в корень», а не органичиваться «ущемлением блох».

Кроме того, та критика действительна, которая связана с разработкой проблем, в области которых критикуются заблуждения. Заблуждениями уметь заметить проблему, если ее ставит заблуждающийся, факты и верные положения, противоречащие заблуждениям, чего не замечает критикуемый, — все это входит в задачу борьбы с заблуждениями. П. В. Копнин в статье «О некоторых особенностях ленинского метода критики идеалистических философских концепций» пишет, что «даже самый отъявленный, сознательный идеалист не может управлять своим мышлением и его ходом как угодно, произвольно, его мышление связано с объективными закономерностями и объективным содержанием, и при всем своем желании он не может создать такую идеалистическую концепцию, которая была бы лишена какого бы то ни было объективного содержания. Если бы последнее случилось, то это было бы опровержением ленинской

теории с
что-то с
Как
о диалек
ха с то
физич
не сов
Во
в бур
ным
лугу
реак
«всю
(А. Т
Та
стран
шесте
проле
 листь
не от
логич
ной
впада
кото
ций,
отно
ного
тоже
остра
комм
ность
решн
подхо
внутр
Ка
утвер
ло зл
кото
ценива
и «под
117) Г
ковского

теории отражения»¹¹⁷). Всякая теория, всякое мнение на что-то опираются.

Как указывал В. И. Ленин во фрагменте «К вопросу о диалектике», философский идеализм, есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Известен афоризм Мултатули: «Ах, ничто не совершенно... даже ложь».

Вот поэтому нельзя усматривать во всем, что есть в буржуазной науке, заблуждения и ложь. И к буржуазным теориям нужен диалектический подход. Плохую услугу нашей борьбе с заблуждениями, невежеством, реакционными интересами оказывает тот, кто привык «всюду слышать отголоски педозволенных идей». (А. Твардовский. «Теркин на том свете»).

Такой человек рассуждает просто: все в буржуазных странах — буржуазное, не понимая, что буржуазное общество противоречиво, что в нем кроме буржуазии есть пролетариат, коммунистические партии, ученые-материалисты и т. д. Да и сама буржуазия, если бы она как-то не отражала мир в своей идеологии, погибла просто биологически. Все это, конечно, не означает, что к буржуазной идеологии надо относиться примирительно. Нельзя впадать в другую крайность: за верными фактами и некоторыми идеями не видеть заблуждений, фальсификаций, принимать все без разбора, потерять критическое отношение к буржуазной идеологии, стать на путь мирного существования с ней. К сожалению, такие ошибки тоже встречаются. Страстная защита идей коммунизма, острая критика буржуазной идеологии — долг строителя коммунизма, долг его партийности. Лучшая же партийность — объективность, честность, принципиальность, решительность и страстность в борьбе. Диалектический подход к мнениям других нужен и в спорах, дискуссиях внутри советской науки.

Как далеко не всякое ложное утверждение есть утверждение лжеца, так и далеко не всякое зло есть дело злоумышленника. Неправильно поступают те люди, которые простой промах, оплошность, т. е. ошибку, расценивают обязательно как следствие злого умысла, а то и «подрывной деятельности». Вот какой факт приводит

¹¹⁷) Против современной буржуазной философии. Изд-во Московского университета, 1963, стр. 21—22.

в своей статье «Человек и его репутация» А. Ваксберг. «В автобусе на видном месте висела карикатура. Безвестный сатирик изобразил жирную и неопрятную свинью, взгромоздившуюся на сложное архитектурное сооружение с надписью: «Касса». Там, где полагается быть свинскому пятаку, красовалась пятикопеечная монета, перечеркнутая красным карандашом, а сверху была выведена цифра «4». Подпись гласила, что в основу этого шедевра положен подлинный случай с гражданкой Р., работающей там-то и проживающей там-то. Имя, отчество и фамилия этой гражданки были выписаны полностью. Гражданка совершила неслыханное преступление: она положила в кассу «бескондукторного» автобуса талон для проезда в троллейбусе, чем причинила автобусному парку ущерб в размере 1 (одной) копейки.

Во избежание недоразумений мне хотелось бы сразу предупредить читателя, что обкрадывать государство (равно как и своего ближнего) даже на одну копейку я считаю совершенно недопустимым. Но почему автобусному начальству не пришло в голову, что человек мог просто ошибиться, перепутать талоны, машинально оторвать «ненадлежащий» талон? А главное, — если и предположить, что тов. Р. сделала это умышленно, то неужто недостаточно, поймав ее, что называется, «с поличным», устыдить, даже оштрафовать? Так нет же, кому-то пришло в голову оскорбить женщину, изобразить в виде свиньи, и выставить на всеобщее осмеяние. Для этого надо быть неумным и равнодушным человеком»¹¹⁸).

Вред от зла, совершенного человеком, не желавшим его, может быть даже считающего, что он делает добро, и результатом действия злоумышленника в общественном значении, конечно, одинаков. На это неоднократно указывал В. И. Ленин. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» он писал, что в том-то и беда, что «благие» намерения остаются в лучшем случае субъективным делом Карпа, Петра, Сидора, а общественное значение дел — это иное.

Но отношение к заблуждающемуся и лжецу, человеку, имеющему доброе намерение, и злоумышленнику не может быть одинаковым. При оценке поведения учитывается не только результат поведения, но и мотив его,

¹¹⁸) «Литературная газета», 14 апреля 1963 г., № 45.

не только цель, но и средства. Неодинаковы и меры воздействия на этих людей. Дифференцированный подход к людям не может быть без различения того, кто совершил зло по умыслу и того, кто совершил без него. Тот, кто совершил зло без умысла, мог совершить его по неосторожности, за это он несет ответственность. (Но есть такие последствия, которых человек не мог или не должен был предвидеть, — за них нет ответственности). Понимание этого предостерегает от ошибок несправедливого отношения к людям, ошибок в воспитании.

Ошибается и тот, кто во всем, что делают другие люди, видит проявление глупости. Глупость не есть простое отсутствие ума. Неправильно делить, как это склонны многие делать, всех людей на умных и глупых вообще. Кстати, нет человека, который бы себя относил искренне к числу глупых. Самые что ни на есть настоящие глупцы и те не упустят случая посетовать на «засилие» дураков. Поносить дураков всегда было модно. Но умен не тот, кто видит во всех окружающих глупых, а тот, кто думает и делает правильно, кто понимает, что в глупости человек виноват и не виноват в разных отношениях. Да и сказать, что человек умен вообще, во всех отношениях, или глуп, — значит сказать нелепость. «Глупый» и «умный» — контрарные понятия. Глупость, конечно, — источник многих бед, злых дел. Это, разумеется, надо понимать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заблуждения имеют гносеологические и социальные корни. Сознание, как говорил В. И. Ленин в «Философских тетрадах», отражает природу, но это сознание есть внешнее по отношению к природе, не сразу и не просто совпадающее с ней. Мир очень сложен. Это общая возможность заблуждений. Для познания нужны восприятия и абстракции, которые содержат момент огрубления действительности. Следовательно, недостаточность данных чувств и абстрактного мышления — частные, конкретные корни заблуждений.

Ф. Энгельс писал: «Подобно тому, как бесконечность познаваемого материала слагается из одних лишь конечных предметов, так и бесконечность абсолютно познающего мышления слагается из бесконечного множества

конечных человеческих голов, которые работают над этим бесконечным познанием друг возле друга и в ряде сменяющих друг друга поколений, делают практические и теоретические промахи, исходя из неудачных, односторонних, ложных предпосылок, идут ложными, кривыми, ненадежными путями и часто не находят правильного решения даже тогда, когда уткнутся в него носом (Пристли)»¹¹⁹).

Однако заблуждения имеют не только гносеологические корни, но и социальные. Они превращают возможность в действительность или закрепляют сделанный умом промах, ложный вывод. Социальные корни вызывают заблуждения, закрепляют их не сами по себе, а проявляются во влиянии эмоционально-волевой сферы психики на направление размышлений, на отношение к выводам. Интересы, симпатии, страсти, желания активны в процессе познания. Под влиянием желания, заинтересованности человек обращает внимание на одно и не обращает на другое, размышляет и принимает иногда вероятный вывод за достоверный, ложь за правду и т. д. Заблуждение человека, созвучное настроению его класса, получает общественное звучание и распространение.

Социальные корни не есть что-то отдельное, изолированное от гносеологических корней и вступающее в связь с ними лишь время от времени. Мыслящий человек не есть абстрактная личность. Он член определенного общества и мыслит как личность, являющаяся «совокупностью общественных отношений», как говорил К. Маркс.

Социальные корни заблуждений имеются и в обществе, не разделенном на антагонистические классы. Но объяснить заблуждения — не значит примириться с ними. Борьба с ними необходима. Истина и добро, заблуждения и зло тесно связаны друг с другом. Диалектико-материалистическое мировоззрение — условие объективного правильного подхода к предметам, их оценки и добродетельного поведения. Борьба с заблуждениями есть прежде всего борьба с метафизичностью мышления, безотносительными высказываниями, бескультурьем. Борьба с пороками есть прежде всего борьба с причинами их и совершенствование методов коммуни-

¹¹⁹) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, М., 1961, стр. 549.

стичес
в един
Св
делае
ступат
и об
Хо
ренко
циали
солид
и сам
после
посту

стического воспитания. Истина и добро находятся в единстве.

Свободным поведение является тогда, когда человек делает добро, желая его. Знания в этом отношении выступают как то, что ведет к совпадению субъективной и объективной сторон свободы.

Хочется закончить заключение словами А. С. Макаренки, сказанными им в «Книге для родителей»: «В социалистическом обществе, построенном на разумной идее солидарности, нравственный поступок есть в то же время и самый умный»¹²⁰). А умным является тот, кто мыслит последовательно истинно и последовательно правильно поступает.

¹²⁰) А. С. Макаренко. Соч., т. 4, 1957, стр. 335.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Ложь и обман	4
Причины пороков	15
Ошибки и заблуждения	20
Кто как полагал	23
Бабочка летит на огонь	42
По традиции или по-новому?	51
Противоположность истины и заблуждения	53
Отношение заблуждений к действительности	60
«Виноваты» ли в заблуждениях органы чувств?	65
Как возникают ложные выводы	73
Требования диалектической логики	87
«Охотники приняли лекарство...»	105
Заинтересованность и заблуждения	117
Заблуждения и практика	122
Без злого умысла	124
Заключение	127

Федор Андреевич Селиванов

ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПОРОКИ

Томск, Изд. ТГУ, 1965 г., 130 с.

Редактор издательства Л. Г. Мордовина
Технический редактор А. С. Бобренок
Корректор М. И. Сваровская

К301327 Сдано в набор 23/III-65 г. Подписано к печати 5/VIII-65 г.
Формат 84×108^{1/32}; печ. л. 4,1; усл.-печ. л. 6,7; уч.-изд. л. 6,5.
Заказ 2880. Тираж 4000 экз. Цена 46 коп.

Томск, Издательство ТГУ, проспект Ленина, 34.
Областная типогр. № 1 Управления по печати, ул. Советская, 47.

3
4
15
20
23
42
51
53
60
65
73
87
105
117
122
124
127

65 r.
5.

47.

Цена 46 коп.